РЕЖИМ БОГА СИЯНИЕ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

5-й роман серии.

ВНИМАНИЕ! Если вы не знакомы с «Режимом бога» СКС, то читать мой фанфик смысла нет, т. к. ничего не поймете. Оригинал находится тут http://samlib.ru/s/sks/ Расхождение сюжета оригинала и фанфика начинаются с последних сцен третьей книги СКС (до отлета в Италию). Рекомендую сначала ознакомиться с первоисточником, потом с моими продолжениями и только после этого приступать к данному произведению.

Закончил первую часть.

Дорогие читатели! На этом я беру паузу. Как долго она продлится и когда я приступлю ко 2-й части — сказать не могу. Дело в том, что РБ отнимает много времени и сил, страдают мои другие проекты и работа. Надеюсь на понимание.

- Алексей Вязовский
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6

Алексей Вязовский
Режим бога 5
Сияние Красной Звезды

Глава 1

Отрезанная голова. Человека. Мужчины. На большом серебристом блюде.

С фотографии первой полосы австрийской бульварной газеты «Кронен Цайтунг» таращатся мертвые глаза Збигнева Бжезинского. Помощника президента США Картера по безопасности. Лицо на фото размыто, словно снимали издалека, и искажено предсмертной мукой. Но вполне узнаваемо. Заголовок статьи гласит: «Зверски убит противник Кремля». Моя рука дрогнула, газета падает на пол. Молодой продавец маленького газетного киоска в Швехате — международном аэропорте Вены — вопросительно на меня смотрит. Я медленно наклоняюсь, поднимаю упавшую газету. Кладу ее на прилавок, выгребаю из кармана несколько австрийских шиллингов из тех командировочных, что выданных еще в Москве. Приехал в Вену! Захер, опера, шницель… Ага. И такой вот подарок Романову. Или …мне? Молодец, Веверс! Просто красавец! Нет человека — нет проблемы?

— Нет, ты посмотри чем они тут торгуют! — ко мне подходит возмущенный, раскрасневшийся Леха. В руках у него цветной порнографический журнал, упакованный в целлофан. Из-под прозрачной обертки на нас смотрят полногрудые немки с раздвинутыми ногами.

— Весь угол этим заставлен. И это в обычном магазине! Даже в Нью-Йорке такого не было!

«Мамонт» потрясает журналом, продавец обеспокоенно на него косится.

— Было. Забыл как мы в секс-шоп зашли? — я пробиваю газету, разворачиваю ее.

— Ого! — Леха рассматривает фотографию отрезанной головы Бжезинского у меня через плечо — Кто это?

— Один американский чиновник — я пролистываю газету до статьи про убийство — Положи журнал обратно и успокойся. На Западе порнография разрешена. Точнее эротика.

— В Нью-Йорке был специальный магазин — вновь заводится «мамонт» — Для взрослых. Но вот чтобы так, в обычном киоске в аэропорту…

Бурчащий Леха уходит, а я впиваюсь взглядом в статью. Бжезинский убит вчера утром. Нападавшие ворвались к нему домой, оглушили, связали, после чего у живого отрезали голову. Меня мутит от представленной картины, но я продолжаю читать. Уже задержаны подозреваемые. Это два пешаварца, которые не

говорят по-английски. На их одежде найдены следы крови. Найдена и пила, которой отрезали голову. Мотив преступления устанавливается, у ФБР есть несколько версий. Главная — весь последний год Бжезинский активно работал по исламскому направлению. Пакистан, Саудовская Аравия, Афганистан… Аналитики склонны считать, что следы этого жуткого преступления ведут именно туда. Дальше газета переходит на язык слухов. Разные домыслы, одни фантастичнее других, комментарии представителей полиции и ФБР. Но реальной информации ноль. И кроме кричащего заголовка — абсолютно ничто не указывает на советский след. Все дружно склоняются к мнению, что Советы не стали бы так рисковать накануне подписания ОСВ-2. Веверс и ПГУ сработали чисто.

Я зло комкаю газету и бросаю ее в урну. Слов нет…! Хмурый Леха выходит вслед за мной из магазинчика и провожает меня до дверей VIP-зала. Вокруг нас охранники из 9-го управления КГБ во главе с новым начальником нашей охраны — Вячеславом. Того самого высокого скуластого парня, сменившего Эс-Эса. Сейчас наш новый куратор в солидном темном костюме и гарнитурой за ухом. А Сергей Сергеевич после ялтинского дела пошел на повышение.

— Ну, долго вы еще там пробудете? — Леха тяжело вздыхает.

— Потерпи. Видишь, какой почет Романову? Сам вице-канцлер приехал встречать его в аэропорт.

— А Картер тоже уже прилетел?

— Еще нет. — Вячеслав хмурится — Виктор, давайте вернемся обратно в банкетный зал. Здесь… очень людно.

Вокруг действительно полно спешащих пассажиров, телохранители нервничают. Мы заходим внутрь VIP-зала и сразу погружаемся в атмосферу праздника. Тихонько играет джазовая музыка, официанты во фраках неслышно скользят в толпе. В ней выделяется сразу несколько «островков», вокруг которых теснятся люди. Во-первых, это все три наши «звездочки». Австрийские чиновники, приехавшие с вице-канцлером — низеньким и пухленьким, с залысинами мужчиной — прямо пожирают глазами девушек. Во-вторых, Романов. Он прилетел в Вену во главе большой делегации партийных и мидовских чиновников высокого ранга, есть даже несколько членов Политбюро. Ну, и генералы — куда без них. Теперь советская делегация стоит полукругом вокруг Генсека, словно игроки футбольной команды вокруг игрока, бьющего пенальти.

Романову и правда, надо забить этот важный, политической гол. В «моей» истории договор ОСВ 2 был подписан между Картером и Брежневым, но вот ратифицировать его не удалось.

СССР вторгся в Афганистан, американские оружейные лоббисты воспользовались этим поводом и процессы деэскалации и разрядки были похоронены на долгие годы. Возобновилась ядерная гонка, которая была непосильной для обеих стран, но для Союза особенно.

— Где вы шляетесь?!

К нам, опираясь на трость, подходит Пельше. Старик сейчас выглядит значительно лучше. А полмесяца назад, на слушании моего персонального дела Арвид Янович имел вид живого мертвеца. Теперь же Пельше ожил. Видимо информация из айфона сначала подкосила «серого кардинала» Партии, но потом какой-то выход был им найден. Или выходы. Меня ведь не ставят в известность. И старик не только ожил, но и даже дал укорот консерваторам во главе с Сусловым. Сначала он развалил мое персональное дело — без комментариев и объяснения причин банально увез меня из райкома — и гудбай товарищи комсомольцы. А уже к вечеру в Свердловский райком нагрянула проверка. Разбираться с Константиновым и Перепелкиным приехал лично мой старый знакомый — глава всего советского комсомола товарищ Пастухов. Ох, и навел он шороху в этом курятнике…!

Ситуацию с газетным компроматом Пельше разрулил еще проще.

— Пойми, Виктор Станиславович — объяснял мне с глазу на глаз в Кремле глава партийного контроля сразу после успешного завершения слушания моего персонального дела — Начни мы сейчас оправдываться, Саттер и Ко тут же напишут, что не бывает дыма без огня. В суд на них подавать — еще больше бензина в пламя подливать. Твое имя будут трепать все то время, что идет процесс. А идти он будет до-олго! Западники обязательно постараются затянуть разбирательство. Поэтому мы поступим тоньше. Я распорядился организовать несколько утечек в западные СМИ о том, что ты — проект КГБ. Тебе сорок два года, песни за тебя пишет коллектив композиторов, жена у тебя не одна — а целых две. Может, и еще что-нибудь придумаем.

— Арвид Янович — я поперхнулся чаем — Это же бред!

— На то и расчет. Желтая пресса своими абсурдными публикациями полностью девальвирует все заявления Саттера, западные обыватели не будут знать, чему и кому верить. Потом мы выпускаем тебя на гастроли в Японию и США — все видят настоящего Виктора Селезнева и перестают верить разным домыслам.

Собственно, все так и произошло. Еще до вылета в Вену, зарубежная пресса запестрела такими статьями и фотографиями,

что я только диву давался. Эти западные газеты присылали нам прямо из ЦК с фельдъегерем, так что мы читали журналистские «шедевры» одними из первых. Вся студия просто ухахатывалась над историями о «тайной жизни» Виктора Селезнева. Я грешным делом даже думал, сделать под эти статьи отдельную «доску почета» или юмора, но Клаймич меня отговорил. Просто собирал вырезки в отдельную папочку. Будет потом, что внукам показать.

— Мы не шлялись — я тяжело вздохнул и посмотрел поверх головы Пельше — Мы выходили купить жвачки.

— Виктор, что за детский сад? От делегации ни ногой! — старик постучал тростью об пол. На нас стали оборачиваться. Романов оторвался от разговора с вице-канцлером и вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами и тут же увидел, что Генсек призывно машет мне рукой.

— Вот, познакомьтесь — рядом с Романовым и австрияком стояло аж два переводчика — молодая женщина в строгом костюме и пожилой представительный мужчина — Виктор Селезнев. Краса и гордость советской эстрады. А это господин Герман Шмидт. Австрийский вице-канцлер.

Жму руку толстячку, внутренне морщусь от потных рук Шмидта. Но на лице моем благожелательная улыбка.

— Видел ваш новый… как это называется? — вице-канцлер возводит глаза к потолку — Клип! «Ты в армии». Очень… очень… — тут чиновник мнется — Хорошая, антивоенная песня. Очень в тему нынешних переговоров о разоружении.

Вот это новость! А Гор даже ни словом не обмолвился, что клип уже отправлен в ротацию на западные ТВ. Ведь мы только несколько дней назад, перед вылетом в Вену, выслали кассету в США дипломатической почтой. Нет, ну до чего же все-таки оперативно работают в Штатах.

— Спасибо, господин Шмидт — я прижимаю руку к сердцу — Мы очень старались. Возможно, я сумею порадовать вас еще одной новинкой, которую мы готовили всю прошлую неделю.

Ловлю заинтересованный взгляд Романова и молодой переводчицы. Последняя явно из поклонников Красных Звезд.

— Хм… — Генеральный хмурится — А почему я ничего не знаю?

— Это должен был быть сюрприз — я начинаю импровизировать — Помните, Григорий Васильевич, вы мне рассказывали о подъеме на Западе общественных экологических движений? Защита природы, животных?

— Что-то такое было — Романов кивает.

— Я решил, что всем этим гринписам требуется свой гимн.

— И вы его написали? — вице-канцлер оживляется — Мы

сможем его услышать на концерте в Хофбурге?

— Ну не в опере же… — я широко улыбаюсь и все вокруг, кто слышал мои слова, начинают смеяться — Хотя вы знаете, что последнее время стало популярным музыкальным группам — тут я делаю далеко идущий намек — Выступать вместе с симфоническими оркестрами. Одними из первых были Дип Перпл. В 69-м году они выступили с оркестром лондонского Royal Albert Hall.

— Правда? — Романов презрительно морщится — И что, эти волосатые рокеры вышли на сцену с настоящими музыкантами?

— О! Я слышал об этой истории — австрияк оживился, глотнул шампанского — Одна из виолончелисток заявила, что заканчивала консерваторию не для того, чтоб в таком достойном зале играть с какими-то последователями The Beatles.

Народ вокруг опять засмеялся. Переводчики с трудом удержали на лице серьезные мины.

— Тем не менее, насколько я слышал, потом, после выступления — я подхватил у проходящего мимо официанта бокал — Она взяла свои слова назад.

— Ну я бы хотел увидеть подобный эксперимент — вице-канцлер переглянулся со своими помощниками — Красные Звезды в Венской опере… В этом что-то есть.

Романов тайком сделал мне страшные глаза.

— Конечно, потребуется особая музыка, как это называется? Рок-баллады? Или что-то подобное? — толстяк явно заинтересовался — Вы сможете написать необходимые композиции? Я бы договорился с Венской оперой.

— Думаю, я могу попробовать — протянул я, пытаясь сообразить, как взять паузу и все как следует обмозговать.

— Господин Шмидт, я могу у вас украсть Виктора на минутку? — от холодной улыбки Романова по моей коже пробежали крупные стада мурашек. После кивка австрияка, Генеральный схватил меня за локоть и оттащил в сторону от толпы. Рядом встала охрана, не подпуская никого близко.

— Ты что творишь?? Какая венская опера, какие рок-баллады?! Хочешь еще одно персональное дело?

— А вот это, Григорий Васильевич, удар ниже пояса!

— Я тебе еще добавлю туда, если не прекратишь. Тебя зачем позвали в Вену?

— Представлять Советский Союз — я тяжело вздыхаю — В культурном плане.

— Вот и представляй! Рок-музыка в СССР запрещена. Слышишь? Запрещена. И мне не нужны в Политбюро новые дрязги на эту тему. И так с кляуз Суслова на тебя каждое

заседание начинается.

— Ну так избавьтесь от него — ляпнул я. И тут же спохватился — Простите, сказал не подумав.

— Включай голову, Витя — Романов жестко ткнул меня пальцем в пуговицу на пиджаке. На нас с интересом начали поглядывать окружающие — Ты уже не ленинградский пацан. Думай головой. Ты знаешь сколько таких «сусловых» в Партии? Десятки тысяч. Им только дай повод. Растопчут и не заметят.

— Западная музыка все-равно будет проникать в умы молодежи — я пожал плечами — Сейчас наша молодежь тайком слушает рок. Но уже набирает силу тяжелый рок. Новое направление. Все то, что вы не любите, но еще в большей степени.

— Что за тяжелый рок? — нахмурился Романов.

— Называется хэви-металл. Много басов, барабанов, визжащих композиций. Музыканты очень странно одеваются, например, в детскую школьную форму, раскрашивают лица гримом… Послушайте группу Кисс. Песню «Я был создан, чтобы любить тебя».

— Не буду я слушать эту гадость! И тебе запрещаю писать подобное. Хватит с нас этой странной «Ты теперь в армии». Знаешь, сколько мне упреков пришлось выслушать за то, что разрешили тебе сниматься у военных? Это ведь тоже рок, признавайся!

Я покаянно кивнул. Внутри, я конечно, не чувствовал никакой вины. Но Романову надо было подыграть.

— Теперь еще эта экологическая песня. Опять, небось, скандал будет! Хватит. Слышишь? Хватит! У нас протокол, каждый чих согласован с австрийцами и американцами. После твоих выходок у консульства в Кельне лишь с большим трудом удалось согласовать выступление в Хофбурге. И то только потому, что ты очень популярен в Штатах и нравишься первой леди… Как ее? — Романов наморщил лоб — Точно, Розалин Картер. Но это ничего не значит. Американцы в двух шагах, чтобы сорвать переговоры и подписание ОСВ2. Поэтому никаких экспромтов! Ты меня понял?

Дождавшись еще одного моего кивка, Романов в раздражении отошел прочь. Вокруг тут же собрались музыканты и «звездочки»:

— Что он тебе сказал? — тревожно спросил Коля Завадский — Вы поругались? Из-за чего?

В глазах сотрудников висел тот же самый вопрос.

— Творческие вопросы — я отставил бокал с шампанским прочь — Точнее разногласия.

— Тебе за-апретили петь новую песню в Хофбурге? — протянула насмешливо Альдона. Девушка была сегодня одета в

длинное голубое платье в пол с широким черным поясом — Опять скандал?

— Но песня же отличная! — Вера почему-то встала на мою сторону — Мы ее так долго репетировали, Коле пришлось освоить гитарный напальчник.

— Что за напальчник? — поинтересовалась Лада — Я что-то пропустила?

— Это для игры на американском банджо — пояснил Завадский — Специальная техника игры на гитаре, когда резко сдвигаешь аккорд по струне вниз и получается пронзительный звук. Завтра услышишь. Если разрешат сыграть.

— И что же теперь делать? — Лада оказалась самая практичная среди нас.

«Зажигалочка» вместе с Верой сегодня были одеты в брючные костюмы — белый и черный. Все три «звездочки» смотрелись просто потрясающе. Не зря Львова столько старалась над их имиджем. «Летящие» прически, макияж — все было на высшем уровне. Я же смотрел на эту красоту, а перед глазами все стояла отрезанная голова Бжезинского. Нет, мне надо срочно еще выпить.

— Делай что должно и пусть будет, что будет — я попытался взять второй бокал шампанского, но Альдона быстро перехватила мою руку.

— Вить! Я обещала отцу.

— Ну раз обещала… — я проводил официанта тяжелым вздохом — Работаем по плану. Сначала Хофбург, потом дипломатические фуршеты, а дальше посмотрим.

Как же я люблю Вену. В своей «прошлой» жизни я был трижды в столице Австрии. И каждый раз наслаждался огромным скоплением архитектурных памятников самых разных эпох. В Вене есть все. И ренессанс, и барокко, и классицизм. А памятники Средневековья? Главный из которых, гигантский готический собор Святого Стефана — небесного покровителя Австрии. Его шпиль возносится на высоту более 70 метров, а стены потемнели от времени… Впечатляет и дворец австрийских императоров Хофбург. Древние здания, огромные дворы, памятники императорам, прославившимся в далёком прошлом своими победами… Впрочем, побед как раз у австрийцев было не так уж и много. Как говорил один из российских генералов времен наполеоновских войн: «австрияки — не вояки».

Вена — уютный город. Ненавязчивые тона, правильные линии, бронзовые крыши, многочисленные фонтаны. Улочки заставлены столиками кафешек и ресторанчиков, австрийцы никогда никуда не торопятся. Пьют кофе, вино, едят мороженное.

По зеленым проспектам и бульварам спокойно едут велосипедисты. Дунай величественно несет свои воды в Черное Море.

Все это мы рассматривали из окна автобуса, который был подан специально для сотрудников студии. Остальные члены делегации расселись в многочисленные легковые автомобили. Для Романова специальным самолетом привезли правительственный ЗИЛ 111.

И вот таким кортежем, в сопровождении полицейских машин, мы отправились в пятизвездочную гостиницу Ритц-Карлтон. Один из старейших и наиболее фешенебельных отелей Вены.

— Рядом городской парк, лучшие магазины столицы — роль гида в автобусе взял на себя консул Протопопов. Высокий мужчина, с лошадиным лицом, в строгом черном костюме. Слегка похож на гробовщика.

— В городе безопасно, но прошу гулять только в составе группы не менее чем из трех человек и в сопровождении сотрудников посольства — Протопопов начал компостировать нам мозги еще на подъезде к отелю — Возможны провокации, скрытая фотосъемка. Помните! Вы послы советского образа жизни. Самая популярная отечественная группа на Западе. Если зайдете в любой магазин грампластинок — ваши диски выложены на прилавка на лучших местах!

— Диски? — я поднял руку, привлекая внимание консула — У нас пока только их два — американский «гигант» и итальянский сан-ремовский миньон.

— Туристы везут и советские пластинки — пожал плечами Протопопов — Перепродают их через магазины. Цена может достигать и ста шиллингов за диск. Это очень, очень дорого!

— Так пусть Мелодия пошевелится — подпишут контракты на поставку легальных пластинок.

Эх! Как же мне в Вене будет не хватать Клаймича, улетевшего организовывать гастроли в Японию. Сейчас бы натравил нашего ушлого директора на цековцев — и вуаля, страна еще бы валюты заработала.

— Товарищи, мы приехали — консул встал в проходе автобуса, достал из кармана бумагу с именами — Расселение согласно списку. Селезнев с Коростылевым номер сто двадцать шесть. Рядом в сто двадцать седьмом — охрана. Далее…

Я даже не удивился, когда увидел рядом с отелем большую толпу народу за ограждением. Рядом стояло несколько полицейских в форме и с рациями. Но нельзя сказать, что они были напряжены. Пили кофе из бумажных стаканчиков, улыбались. Толпа делилась строго на две части. Фанаты Красных

Звезд, в основном молодые девчонки и ребята, над головами которых были приветственные транспаранты и ватманские листы с сердечками. Увидев нас, выходящих из автобуса, они дружно взревели от восторга. Вторая половина состояла в основном из людей среднего и пожилого возраста, которые также держали в руках плакаты с лозунгами. «Русские, убирайтесь домой», «Нет советским войскам в Европе»… Вена — многие годы большой перевалочный пункт для диссидентов и евреев. Сначала из Москвы они летят в столицу Австрии. А потом уже отсюда по всему миру — в Штаты, Израиль… Некоторые оседают прямо тут.

— Даже и не думай! — Вячеслав проследил за моим взглядом в сторону фанатов — Вспомни, что было в аэропорту Рима!

— Теперь у нас есть вы — я кивнул «звездочкам» и они встали рядом — А также у нас по-прежнему есть Альдона.

Все дружно засмеялись, даже ребята из 9-ки начали улыбаться.

— Вячеслав, пойми! Это наша работа.

Парень скрипнул зубами, но промолчал. Лишь расстегнул пиджак, где у него в подмышечной кобуре был пистолет.

— Машем руками и улыбаемся — я двинулся вперед, впереди нас сразу выстроились охранники.

На удивление все прошло мирно. Фанаты, а особенно фанатки повизжали, пофотографировали нас, взяли автографы. Хорошо, что культура сэлфи еще не появилась, а то бы мы так легко не отделались. Антисоветские соседи-демонстранты лишь мрачно на это смотрели и даже не кричали. Фотокорреспонденты и несколько съемочных групп телеканалов, что кружили вокруг, были явно разочарованы. Надеялись на скандал, а еще лучше на драку, а ничего не случилось.

После заселения в отель, я собрал в холле этажа весь коллектив студии.

— Начнем наше собрание — я посмотрел на часы на запястье. Кальвинский Ролекс показывал без четверти три. Часы я уже перевел на австрийское время.

— Как вы все помните, сегодня австрийский канцлер устраивает торжественный ужин в Хофбурге в честь приезда Романова и Картера. Там исполняем четыре песни. Феличиту, Мы мир, Донт вори и новую. От американцев будет какой-то джазовый оркестр, но мы — Коля, обращаюсь к тебе — я махнул рукой привставшему с кресла Завадскому — Должны успеть на саундчек первыми.

— Вот не люблю я этих ненашинских слов — рядом вздохнул Роберт — Почему нельзя называть это настройкой аппаратуры?

— И проверкой звука. И проверка коммутаций. Проще

говорить саундчек. Так вот. К нашему приезду в семь все должно петь и играть. Работаем вживую, так что будьте любезны. Езжайте прямо сейчас и все проконтролируйте.

— Вить, а можно я куплю электрогитару с двумя грифами — Завадский вдруг очнулся и вопросительно на меня посмотрел — Видел в витрине магазина пока ехали из аэропорта.

— Коля! — я тяжело вздохнул — Зачем тебе гитара с двумя грифами?

— Ну там звучание разное. Да и выглядит круто…

— Ты знаешь, сколько она стоит?

— Ну если это какой-нибудь Гибсон, то… дорого?

— Очень.

— Может студия выделит денег? — на этих словах оживились все остальные сотрудники. Тут только дай слабину и надо будет покупать новые ткани Львовой, модные аксессуары «звездочкам», аппаратуру музыкантам…

— Выделяет МВД. И у меня недавно был очень неприятный разговор с Щелоковым о перерасходе валютных фондов.

— Да мы столько денег заработали стране! — обиделся Коля — На эти средства город построить можно.

— Хорошо, я обсужу этот вопрос с руководством.

В конце концов, Завадский прав. Денег стране мы принесли много и заработаем еще больше. А если с нами не хотят поделиться — куплю со своих личных счетов. Доступ к оффшорному фонду Пельше с Веверсом у меня отняли, телефонные коды и чековые книжки теперь хранятся в ПГУ. И спекуляциями на серебре и прочих активах нынче занимаются самые доверенные «бурильщики» из тех, которых лично проинструктировал генерал. Благо весь архив будущих котировок у него в айфоне под рукой.

Единственное, что мне разрешили — забрать ровно один миллион долларов из тех сумм, что я скопил за пластинки и песню «Мы мир». А также договорились о 10 % от всех будущих зарубежных заработков. Как пел Семен Слепаков в песне «Обращение к акционерам Газпрома»:

«…Мне не надо каких-то космических денег
Дайте хотя бы один процентик.
Один процент — он ничего не значит!
Какая-то мелочь девятизначная
У вас этих денег хоть попой ешь,
А у кого-то в бюджете брешь!»

Миллион долларов, выданный мне после нескольких

скандалов и демаршей, разумеется, не закроет брешь в бюджете. Но купить Коле модную гитару… Почему бы и нет?

— Теперь дамы. Распевку начинаем в шесть, а потом…

И тут в здании отеля раздался громкий противный зуммер. «Фуераларм! Фуераларм!». Не менее противный мужской голос начал долбить нас из динамиков этим алармом. Первым сориентировался как ни странно Леха. Мамонт схватил меня за руку и поволок к лифтам.

В холл ворвался Вячеслав с охранниками 9-ки и студии и тут же принялся раздавать указания.

— Все идем к лестницам! — бодигарды начали всех выводить из холла — Это пожарная тревога — лифты могут быть обесточены.

Спустя несколько минут мы все оказались на заднем хоздворе отеля. Тут образовалось целое столпотворение гостей, среди которых, сколько я не крутил головой не заметил кого-то из советской делегации. На мой вопросительный взгляд, Вячеслав, что-то слушающий в наушнике гарнитуры, пояснил:

— Романова вывели по запасному маршруту. Как и членов Политбюро. Тревога ложная, сейчас будет отмена.

Так и произошло. Спустя полчаса нам разрешили вернуться внутрь. По зданию, еще ходили полицейские с пожарными, но никаких признаков огня не наблюдалось. Пока Вячеслав со своими людьми все также скрупулезно проверял номера, я закончил совещание и уже было собрался идти переодеваться, как меня у самой двери «поймал» Марков.

— Виктор — чиновник устало вытер лысину платком — На пару слов.

Мы зашли в номер, сели в кресла. Марков щелкнул зажигалкой, закурил. Я поморщился. И ведь ничего не сделаешь — курить в номерах тут норма. Как и в ресторанах. Везде стоят пепельницы, курильщикам полное раздолье.

— Что-то случилось? — я открыл бутылку с минералкой, налил воды в два стакана.

— Случилось — вздохнул Марков, принимая от меня стакан — Ты зачем австрийцам райдер свой выслал?

Чиновник достал из внутреннего кармана вчетверо сложенный лист бумаги. Точнее несколько листов.

— Я когда это увидел… у меня глаза на лоб полезли. Еле уговорил не поднимать скандала.

— А в чем скандал?

— Вот — Марков пошелестел документами — Пункт 36. Организаторы должны обеспечить наличие в гримерных помещениях артистов двух ваз с конфетами M&M. Если

среди них будет хоть одна коричневая конфета, организаторы теряют права на шоу, с полной компенсацией всей группе. Скажи. Ты с ума сошел?? Хорошо, что австрийцы приняли это за шутку.

— Это не шутка.

— Тогда что? — Марков резким движением затушил недокуренную сигарету — Витя, ты же комсомолец, советский человек. Ведь это даже не барство, а бред. «Ешь ананасы, рябчиков жуй…»

— Я сделал это вполне сознательно.

— Тем тебе хуже. А если бы райдер дошел до Григория Васильевича? Или еще хуже, до Суслова?

— Я бы им объяснил — я спокойно глотнул минералки — Что мы планируем много гастролировать по миру. Причем я думаю над серьезными сценическими спецэффектами. Например, в ходе некоторых песен специальные газовые баллоны будут выпускать пламенные факелы.

Глаза Маркова округлились.

— Техническая подготовка к выступлению становится очень сложной, наш американский продюсер подсчитал, что для гастролей по Штатам нам понадобится минимум три трейлера! И мне требуется, чтобы организаторы внимательно читали весь райдер. Посмотрите, например, 17-й пункт. Там сказано, что «на пространстве в шесть метров должны быть равномерно расположены десять розеток на девятнадцать ампер». Так вот, отсутствие коричневых M&M's говорит о том, что организаторы внимательно читали весь райдер. А это значит, что концерт пройдет так, как мы планировали. Без срывов и безопасно.

Чиновник обалдело покачал головой.

— Ну ты даешь… Если все так… Тогда ладно.

* * *

— Вить, вот, надень — в гримерку зашел Леха и протянул мне черную повязку. Я автоматически взял ее и начал крутить в руках. Позади моего кресла стояла наш стилист Света и вносила лаком последние штрихи в мою шевелюру. В зеркале гримерки отражался стройный, широкоплечий парень в белых джинсах и белом пиджаке, надетом на черную шелковую футболку. Майка была вышита огромными красными звездами. Все очень стильно и необычно. Должно произвести впечатление даже на взыскательную западную публику. Черная повязка в мой образ ну никак не вписывалась:

— Что это?

— Руководство велело всем нацепить — Леха показал повязку на правом рукаве своего пиджака — Типа скорбим вместе с американцами. Они все на прием заявились с повязками. Я выглядывал из-за кулис.

— А я не скорблю — я бросил повязку на пол и под одобряющим взглядом Светы прошелся по гримерке. Вроде все сидит хорошо, нигде ничего не мнется.

— Да, брось, Вить — «звездочки» уже согласились, Львова прикрепит им повязку на рукава платьев — «Мамонт» наклонился и поднял скорбный атрибут.

— Еще раз. Я не скорблю. И своей группе не дам. Ты знаешь, где Романов?

— Сейчас спрошу Вячеслава — Леха вышел, а я тяжело вздохнул. Предстоит битва.

Через пять минут переговоров по рации, сотрудник 9-ки проводил нас в отдельный кабинет, где Романов повязывал сам себе под смокинг черную бабочку. Рядом стоял помощник в военной форме военных связистов, в кресле сидел курил Пельше.

— Ну что там у тебя, только быстро — бабочка у Романова никак не хотела повязываться.

— Образ солистов группы утвержден еще в Москве — я набычился — Мы семь кругов ада прошли прежде чем нам все согласовали. Теперь требуют нацепить вот это.

Я кинул на стол перед Романовым повязку.

— Ну и в чем проблема? Я тоже ее надену. Арвид Янович ваша где?

— В мусорке — Пельше выпустил вверх длинную струю табачного дыма.

— Даже так? — Романов внимательно посмотрел на старика — В чем же дело? Мы же дали согласие.

— Это Черненко дал свое согласие. Без обсуждения. Переговоры еще не начались, а мы уже прогнулись перед американцами.

— Ты тоже так думаешь? — Генеральный повернулся ко мне.

— Да, думаю. — Я с вызовом посмотрел на Романова — Бжезинский был редкостной сволочью. Русофобом и ярым антисоветчиком. На его совести если не военные преступления, то уж точно многочисленные попытки их организовать и спланировать.

— О мертвых либо хорошо, либо ничего — Романов покачал головой — Хватит сводить счеты с трупами.

— Правильно поговорка звучит так — я уселся рядом с Пельше на стул — О мертвых либо хорошо, либо ничего кроме

правды. А правда заключается в том, что все мы станем жить безопаснее после его смерти. Земля ему стекловатой. Именно такие фанатики-антисоветчики нажимают ядерную кнопку и начинают атомную войну.

Романов покосился на помощника, к руке которого был пристегнут черный пластиковый чемоданчик. После того, как айфон оказался в руках Пельше и Веверса работы по системе «Казбек» были ускорены. Похоже, что офицер в форме связистов как раз и отвечает за ядерные коды запуска ракет, которые находятся вот в этом простом дипломате из дешевого пластика. Интересно, а как он работает в Австрии? Нужны же специальные радиоантенны. Или он еще не доведен и его и взяли сюда, чтобы проверить работу так сказать в боевых условиях? Надеюсь у Устинова, что остался в СССР «на хозяйстве» и в отсутствие Романова замещает его посту главы Политбюро, тоже есть такой же чемоданчик. То, что у Устинова есть твердая рука, которая если что — не дрогнет — я знал точно.

— Что же делать? — Генеральный, наконец, закончил с бабочкой и стал как и я десять минут назад, вертеть в руках черную повязку — Черненко, конечно, поторопился с этим решением. С другой стороны злить американцев не хочется.

— Сейчас они на нас наденут повязки, потом скажут — ваши песни слишком веселые. Меняйте репертуар. А там дело и до договора дойдет… Нельзя прогибаться. Хотят сами «скорбеть» — пусть. Но нам пусть не указывают. Да и австрийцы, я думаю, не в восторге.

Я посмотрел на Пельше, ожидая поддержки, тот согласно кивнул.

— Хорошо — Романов вздохнул и бросил повязку в корзинку — Поставим себя с самого начала жестко. А Черненко …пусть в гостинице останется. Скажем, что он неважно себя чувствует.

Я мысленно потер руки. Ага… из-за Бжезинского переволновался. Нет, ну отлично получилось! Романов все больше и больше дистанцируется от старой гвардии. Еще полгодика и он жестко почистит Политбюро от людей Брежнева. Все эти «кремлевские старцы» — Сусловы, Черненки, покойный Громыко — только тормозили развитие страны. Пора прибраться в доме. Избавиться от хлама.

* * *

— Слышал новый анекдот? — на обратном пути в гримерку Леха ткнул меня локтем в бок — Про еврейскую эмиграцию, что

разрешил Романов.

— Нет — я мысленно прогонял слова новой песни. Облажаться нельзя, в слушателях и зрителях сам президент США.

— В Москву приезжает иностранная делегация — «мамонт» оживился — Ей надо показать, как все у нас хорошо. Дали объявление, что в продмаге будут продавать черную икру по 50 коп килограмм. Ну, с утра набежала дикая очередь, несмотря на мороз.

Но икры то никакой нет, надо что-то делать. Вышел секретарь райкома в окружении милиции, объявляет: «Евреи выходят из очереди и уходят» Ну, евреи ушли. Очередь стоит. Через час секретарь райкома объявляет: «Иногородние — на выход»; еще через час — «Беспартийным не продаем» и так далее. Наконец к 11 часам вечера у магазина остался один человек — ветеран войны, член партии, инвалид, ударник производства, из рабочих, русский, прописан на Тверской, не разведен, не был, не состоял, не привлекался, фамилия Иванов.

Что делать? Секретарь райкома заводит его внутрь и говорит: «Вы как коммунист должны понять — никакой икры нет и не было, это наш долг в борьбе с мировым империализмом был говорить, что икра есть, вы должны нас поддержать. Вопросы есть?» Иванов подумал и говорит: «Есть только один вопрос, товарищ секретарь. Я все понимаю, на все готов, я всегда за, я конечно только еще больше люблю партию и Родину. Но — почему евреев отпустили первыми?»

Я так заржал, что из своих гримерок повыглядывали все три «звездочки». В дальнем конце коридора появился Вячеслав с охранниками.

— Все нормально?

Я лишь махнул рукой. Евреев и правда, отпустили первыми. Но как показала история, бегство представителей этого древнего народа и в дальнейшем крушение железного занавеса никак особо не сказались на демографии страны. А вот ужасные 90-е с разгулом бандитизма, войнами…

— Мистер Селезнефф! — нас у гримерки перехватывает пожилой австриец в костюме с бабочкой. Конферансье.

— Пора на сцену.

* * *

— Роберт, давай! — я киваю барабанщику и выхожу к микрофону. Сзади встают «звездочки». Первая песня — они на «бэк-вокале». Стильные, длинноногие, в серебристых

«струящихся» платьях. Публика в зале начинает собираться возле сцены. Американцев узнать легко — на костюмах черные повязки. Наши с бокалами в руках кучкуются справа, в центре — австрийцы. Роберт начинает отбивать ритм на барабанах, Коля Завадский берет первый, самый пронзительный аккорд знаменитой песни Криса Ри «Дорога в ад». Мы ее весь последний месяц репетировали. Да так, что музыканты просто с ног валились. Палец Коли, вдетый в специальный металлический напальчник, едет по грифу гитары, выдавая неповторимое звучание.

Я обеими руками обхватываю микрофон в стойке и хриплым голосом начинаю:

We'll I'm standing by a river but the water doesn't flow
It boils with every poison you can think of.

Движение в зале усиливается, у сцены скапливается еще больше народу. Я вижу слева, группу мужчин в смокингах. В центре стоит президент США Картер. Сутулый, седоватый, с ярко отбеленными зубами. Он внимательно смотрит на меня, даже не обращая внимание на «звездочек». Оно и понятно. Рядом — первая леди. Худая, пышноволосая женщина в строгом брючном костюме. Розалин Картер. На рукаве тоже черная повязка.

Я добавляю эмоций в голос:

And common sense is ringing out the bell
This ain't no technological breakdown
Oh no, this is the road to hell

На словах «дорога в ад» ко мне присоединяются «звездочки» и музыканты. Даже у Роберта есть микрофон возле барабанной стойки. Песня — экологическая. Об отравленной воде, мусоре, технологической катастрофе. Вижу по глазам — американцам «заходит». Совсем недавно, в марте, случилась авария на АЭС Три-Майл-Айленд. Слова Криса Ри я прилично переделал, сделав больший акцент на всяких экологических ужасах. Если бы разрешили австрийцы — пустил бы эти ужасы кадрами на заднике сцены. Но увы, таких вольностей, нам не разрешили.

Я еще больше усиливаю грусть в голосе. Девочки тоже «добавляют»:

This ain't no upwardly mobile freeway
Oh no, this is the road

Said this is the road
This is the road to hell!

Мы несколько раз исполняем припев, на первый план выходит Завадский и выдает такое гитарное соло, что я вижу у некоторых зрителей отпавшие челюсти. Музыка постепенно стихает, воцаряется полная тишина. Которая тут же взрывается оглушительными аплодисментами. Хлопают нам и президент с первой леди, и Романов с окружением. Австрийцы так и вовсе чуть ли не на сцену готовы лезть.

— Спасибо! — по-английски благодарю публику, кланяюсь — Сегодняшний вечер продолжит песня…

Спустя полчаса мы, наконец, заканчиваем. Успех оглушительный, нам долго аплодируют, заставляя раз за разом выходить на сцену и кланяться. Романов лично подводит меня к Картеру. Жму руку президенту, целую пальчики его первой леди. Розалин мило краснеет.

— Какой галантный джентльмен! — миссис Картер с интересом разглядывает звезды на майке.

— И песня, та первая — замечательная! — Джимми качает в удивлении головой — Я совсем недавно был на Три-Майл-Айленд и подумал, что нам как раз нужно менять ситуацию с экологией. Господин Романов, у вас с этим в стране как?

Генеральный, выслушав скороговорку переводчика, кивает:

— Тоже озабочены ситуацией. Промышленность развивается, эксперты говорят, что экологическая ситуация будет ухудшаться.

— И тут сразу такой быстрый отклик — Картер хлопает меня по плечу — И от кого? От молодежи!

— Советской молодежи! — тонко улыбается Романов — У нас говорят — передового класса строителей коммунизма.

— Мнда… — глаза Картера опускаются на мои звезды — Коммунизм мы с вами еще, господин Романов, обсудим. Меня беспокоит активизация Коммунистической партии США. Сколько вы платите им? Два с половинной миллиона долларов в год?

— Очередная ложь и инсинуации — лицо Романова становится хмурым — Это вам рассказал Моррис Чайлдс? Мы знаем, что он агент ФБР.

— И как же вы допустили, чтобы агент ФБР — усмехается в ответ Картер — Был столько лет секретарем ЦК КП США?

— Господа, господа — в разговор вмешивается Розалин Картер — Стоит ли так вот сразу ссориться? Тем более после такого замечательного концерта! Виктор, я могу попросить запись вашей новой песни? Очень хочется послушать ее еще раз.

— Разумеется — я смотрю прямо в глаза первой леди и вижу как расширяются ее зрачки — Могу ли я передать кассету лично? Например, завтра вечером.

Перевожу вопросительный взгляд на мужа. Тот вымученно улыбается. У президентской четы не все гладко. Уже ясно, что Картер быстро теряет очки у избирателей и проиграет будущие выборы. Розалин — весьма доминантная и амбициозная первая леди. Часто присутствует на совещаниях администрации, жестко руководит мужем-подкаблучником. Сейчас она в депрессии. Атомная авария, крушение самолета, крайне низкие цифры рейтинга. А тут еще «комми» активизировались. Плюс Бжезинского убили… Все валится из рук.

— Только если Розалин после этой встрече не запросится к вам в Москву… на концерт — Картер пытается отшутиться. Все вокруг фальшиво улыбаются.

— В Москву прилетать не обязательно. Я с группой скоро приеду на гастроли в Штаты — смотрю на Романова — Григорий Васильевич нас отпускает, но с тяжелым сердцем.

Генеральный хмуро кивает.

— Опасаетесь… инцидентов? — чета Картеров тоже переводит взгляд на Генсека.

— В прошлый свой визит, Виктор попал прямо в разгар расовых беспорядков в Нью-Йорке — жестко произносит Романов. Повисает неловкое молчание.

Если учитывать, что я эти беспорядки и устроил… Впрочем, не будем о прошлом. И плохом. Надо думать о будущем. И хорошем!

— Но сейчас, господин Генеральный Секретарь — официальным тоном начинает Картер — Я хочу заверить вас и ваше правительство, что ситуация с негритянским населением находится под нашим полным контролем.

Этот контроль выстрелами в голову осуществляет национальная гвардия. И полиция. Знаем, проходили…

— В стране полностью безопасно. И мы были бы рады видеть группу Красные звезды не только на гастролях, но и в Белом Доме.

Обстановка слегка разряжается, политики начинают улыбаться. Появляются официанты с подносами. Пузырится шампанское, народ чокается бокалами.

— И конечно, мы с удовольствием примем Виктора завтра в нашем посольстве — Розалин берет мужа под руку — После переговоров — устраиваем скромный прием для наших австрийских друзей. В благодарность за гостеприимство.

К нашей группе подходит австрийский канцлер. Пожилой,

одышливый мужчина в очках. Все начинают повторно здороваться, жать руки. Я исполнив положенные ритуалы, тихонько сваливаю. Моя работа на сегодня закончена.

Глава 2

Корпоративная пьянка — дело святое. Сплачивает коллектив, помогает снять стресс. А если пьянка превращается в дегустацию, то…

— Ммм… как же вкусно! — я допил вино и подвинул бокал к Альдоне. Сегодня именно она солировала и разливала. Вся группа собралась в ее гримерке и угощалась «ледяным» вином под названием Gruner Veliline, купленным нашей «ледяной королевой».

— И когда только успела? — поинтересовался я, подхватывая с тарелки кусочек необычного оранжевого сыра со странным запахом.

— Витя, ты забыл, что мы живем в пятизвездочном отеле — Альдона достала сразу две небольшие узкие бутылки вина и передала их Лехе. Мамонт легко вынул пробки штопором и уже сам аккуратно разлил по бокалам. К емкостям с алкоголем тут же потянулись руки «звездочек» и музыкантов — Дала консьержу деньги и он все решил.

— Сладкая ошибка природы — вздохнула Лада — Отец рассказывал. Когда вернулся из командировки в Австрии.

— Что рассказывал? — поинтересовалась Вера.

— В Германии летом 1794-го года было очень холодно. И виноделы Франконии оказались вынуждены делать вино из тех ягод, которые с трудом удалось собрать. Вино этого года урожая оказалось с невероятно высоким содержанием сахара и обладало роскошным букетом.

— Это уже не виноград, а изюм получается — резюмировал Коля Завадский.

— Точно! — Лада отпила из бокала, все последовали ее примеру — Папа был в Австрии и говорил, что секрет производства айсвайна — в обработке замороженных ягод при температуре примерно -7°. Виноград доставляют на винодельню в замороженном виде, где ягоды помещаются в дробилку, а затем в виноградный пресс.

— Сколько же тут крепость? — Леха взял бутылку и начал рассматривать этикетку — 10 %!

Признаться, вино мне ударило в голову. Сладкое, крепкое, на голодный желудок…

— А пойдемте гулять по Вене! — «Остапа» несло — «Что-то я устал после Карлсбадского турнира».

Все недоумевающе на меня посмотрели.

— Двенадцать стульев читали? — все кивнули — Вспоминаем

шахматный турнир Остапа Бендера в Васюках.

Коллеги заулыбались. Леха разлил по новой.

— Да не отпустят нас — вздохнул Роберт — Только организованной группой, да в сопровождении… Марков прицепится.

— Ну и пойдем группой — возразил я — Возьмем Вячеслава с охранниками.

— А если ты сегодня потребуешься Романову? Или Пельше? — похоже, что на Альдону вино совсем не подействовало.

— Понадоблюсь — найдут — я тяжело вздыхаю — Но расслабится надо. Посмотреть ночную Вену…

— Найти себе еще одну невесту — подхватывает ехидно Альдона.

Группа смеется. Кое-кто даже вытирает слезы. Мои «итальянские» приключения стали притчей во языцех.

— Обещаю! Никаких невест.

Все смотрят на Веру. Девушка отворачивается, залпом допивает вино. Мнда… Нехорошо получилось. И так обстановка в коллективе не фонтан, а тут еще эти подначки…

* * *

Eine Bäckerei. «Пекарня». Так назывался самый популярный столичный ночной клуб, который нам посоветовал австрийский конферансье. Из дворца Хофбург, прихватив Маркова и охрану, мы отправились на нескольких такси в район Мариахильф. Ночная жизнь в Вене уже бурлила, дороги и тротуары были забиты машинами и туристами. Через полчаса, наши желтые такси с трудом припарковались возле розового, 4-х этажного здания, на фасаде которого светилась огромная вывеска с названием клуба и… двумя булками. Больше похожих на женские ягодицы. Возле дома змеилась гигантская очередь, которая упиралась в распахнутые ворота. Были там и «вратари». Шестеро секьюрити в черных костюмах.

— Виктор, мне это все уже не нравится — мрачно произнес Марков, глядя на вывеску с «булками» — Как бы не случилось скандала.

— Григорий Васильевич разрешил — напомнил я, натягивая бейсболку на самый нос.

— Да, концерт вы отыграли хорошо. Имеете право отдохнуть — кивнул чиновник — Но это же порнография!

Девушки в очереди и правда отличались каким-то особым

отсутствием одежды. Из под некоторых юбок можно было увидеть подвязки чулок.

— Рэд Старс! — взвизгнул какой-то подросток рядом со мной. Зря я пытался спрятаться под бейсболкой. Наших «звездочек» не узнать было нельзя. Вся очередь разом подалась к нам. Но Вячеслав с охранниками сработали четко. Вокруг собралась коробочка из секъюрити. Во главе стал высоченный Леха, который своим мощным торсом просто протаранил нам дорогу к воротам клуба.

— Ох — позади меня тяжело вздохнул Марков — Что-то будет! Я чувствую! Еще не поздно вернуться.

— Поздно! — я пожал чью-то руку, протянувшуюся ко мне сквозь «коробочку». Вокруг раздавались крики и свист.

Охранники клуба нас узнали и сразу, без вопросов, пропустили внутрь. И тут же рядом нарисовался прилизанный «хлыщ» в смокинге. Распорядитель клуба.

— Лукас — представился «хлыщ», пытаясь поцеловать руки «звездочкам» — Рад встретить столь знаменитых гостей в нашем клубе. Прошу наверх.

Английский Лукаса был неплох, хотя и чувствовался непонятный акцент.

Мы вышли на широкую лестницу, где курило несколько шикарно одетых мужчин и женщин. Они с интересом на нас посмотрели, начали тихо переговариваться. Тоже узнали.

— Внизу у нас кафе, на втором и третьем этаже две сцены с танцевальной музыкой. Четвёртый, последний этаж — только для самых элитных гостей. Туда можно попасть по специальному приглашению. Но для вас, конечно, все двери открыты.

— Давай на самый верх — также по-английски произнес я, разглядывая откровенные репродукции на стенах. Похоже, что владелец клуба очень любил японскую эротическую живопись средних веков. Даже трудно представить, сколько он отдал за эту коллекцию.

Мы поднялись на 4-й этаж. Здесь звучала приглушенная музыка и царил интимный полумрак. Вместо мебели на полу лежали мягкие пуфы и ковры, двое мужчин — рыжеватый мужчина в джинсах и пиджаке и его пожилой усатый визави — расслаблено курили кальян.

И тут меня резко дернули за руку.

— Ты только посмотри на это! — прошипел на ухо Марков.

Официантки ходили топлесс. Проще говоря, без верха! Только кружевные трусики, черные чулки с поясом и туфли на высоких каблуках.

— Мы сейчас же уходим! — твердо произнес Марков, хватая

меня под локоть. «Звездочки» синхронно кивнули. Музыканты и охранники из 9-ки проводили официанток разочарованными минами на лице.

— Мужики в Москве спросят — Завадский умоляюще посмотрел на Маркова — А рассказать почти нечего.

Но тот был неумолим.

— Уходим. Сейчас же.

Я с тяжелым вздохом начал разворачиваться и тут же застыл на месте. В углу сидела смешанная компания. Трое мужчин и две женщины. Дамы были обряжены в вечерние платья с открытыми спинами. Мужики в смокингах. Один из них мне показался странно знакомым. Высокий шатен в крокодиловых туфлях. Голову пронзила вспышка. Москва, Арагви, драка…

— Сука! — я вырвал локоть у Маркова — Это же Саттер. Убью!!

Вячеслав успел меня перехватить у самых пуфиков, где сидела компания. Охранник схватил за правое плечо и сразу же в левое вцепился Леха.

— Ты что творишь!

— Витя, только без международных скандалов.

— Отпустите!

Иностранцы начали на нас оборачиваться. В глазах Саттера я увидел узнавание. Он начал привставать и я представил как на этом движении, я бью навстречу. Двойкой. В челюсть. Она громко хрустит. Но все это, конечно, осталось только в моих мечтах. Вячеслав с «мамонтом» крепко меня держали, сзади уже толпились музыканты с испуганными Марковым и Лукасом.

— Что происходит? — распорядитель просочился между нами — Какие-то проблемы?

— А… Совьетские товарьищи — Саттер специально исковеркал русский язык, нагло улыбаясь мне в лицо.

— Пойдем, выйдем, поговорим «товарьищ» — я плюнул под ноги журналисту — Или ссышь? Врать в газете не боишься. А ответить за ложь?

— Ссышь? — Саттер явно не понял идиомы.

— Виктор, сейчас же прекрати! — Марков встал рядом с растерянным Лукасом — Господа, мы уходим.

У чиновника был очень чистый английский. Компания, в которой пришел Саттер тут же расслабилась, мужчины сели обратно на пуфики.

— Почему же — Саттер тоже перешел на английский — Я готов поговорить. Только без бокса. Наедине.

Все посмотрели на меня, Марков кивнул на выход.

— Мы уходим.

— Хорошо, пусть будет без бокса — я скинул с себя руки Вячеслава и Лехи, распахнул одну из портьер у стены. Там находилась небольшая пустая вип-комната с прозрачным обеденным столом и стульями.

— Товарищи — я обернулся к сотрудникам группы — Подождите меня десять минут. Закажите пока прохладительные напитки, я быстро переговорю с этим… — мне захотелось матерно выругаться — …американским журналистом. Обещаю — теперь я смотрел в глаза Вячеслава — Все будет вежливо и без рукоприкладства.

Безопасник с сомнением покачал головой, оглядел комнату, Саттера, но все-таки сделал шаг назад.

Мы с журналистом зашли в вип-комнату, расселись друг напротив друга. Помолчали. Саттер достал сигареты, закурил. Поискал взглядом пепельницу, не нашел. Скинул пепел на пол.

— Извини, что так получилось — это было указание начальства — в голосе журналиста я услышал сочувствие ко мне. И это было удивительно. Я вопросительно изогнул бровь.

— Не того начальства — передо мной на стол легла визитка. На ней было другое имя и другая должность. Центральное разведывательное управление, старший агент Дейв Мачковски. Белый орел парил над 16-ти конечной звездой. Я с трудом сглотнул. Вот как все повернулось.

— Виктор, ты умный парень — я уже где-то слышал эту фразу недавно — И понимаешь, что часто разведывательные службы работают под посольским или журналистским прикрытием. КГБ работает у нас точно также.

— И? — я все еще находился в прострации. На меня охотится ЦРУ??

— Вокруг тебя стало очень много странностей. Этот внезапный взлет в высшие эшелоны кремлевской власти, необычные песни, музыка… Наши аналитики голову сломали, что ты за феномен. Как у вас говорят? Фрукт?

Я автоматически кивнул.

— Для вундеркинда в тебе слишком поздно проснулись таланты, для проекта КГБ… — Саттер усмехнулся — Ну в это я не верю. Но с ответными статьями вы придумали здорово. 42-х летний майор КГБ с двумя женами?

«Журналист» задорно засмеялся.

— Вы не боитесь, что я сейчас крикну охрану — я кивнул на портьеру.

— Не боюсь — Саттер или… Мачковски, я уже запутался, отрицательно покачал головой — Ты любопытен и мне это, кстати, импонирует.

— Так импонирует, что вы скомпрометировали мою итальянскую невесту? — я нахмурился, пытаясь себя вернуть в то гневное состояние, в котором был в начале. Почему то не получилось. Именно так вербуют профессионалы? С искренней улыбкой?

— Я просто собирал про тебя информацию — пожал плечами «Саттер» — Решение о сливе принимал лично директор ЦРУ, меня даже не известили, что под моим именем выйдет статья.

— И тут вы оказались тоже совершенно случайно? — я хмыкнул, разгоняя ладонью сигаретный дым. Опять пропахну табаком насквозь.

— Нет, тут я оказался очень не случайно — лицо црушника стало серьезным — Мы подстроили эту встречу. Австрийский конферансье, Лукас работают на нас.

Ого! Вот это система…

— Все ради меня одного?

— Точно.

— Пришла пора «выбрать свободу»?

— Виктор — в голосе «Саттера» появилась страсть — Ну ты сам подумай, где тебе будет лучше. У нас или в СССР. Советы за тридцать с лишним лет в культурном плане не смогли произвести ничего стоящего. Ни одной популярной музыкальной группы, востребованной в мире, я уже не говорю о модных вещах, электронике…

— Жизнь не сводится к железкам и шмоткам.

ЦРУшник иронично посмотрел на мою майку, пиджак и джинсы.

— Издержки профессии — я покачал головой — А советский балет, театр, литература?

— Набоков, Солженицын, «философский пароход»… мне продолжить список? Уехали или высланы.

— Ну вы еще сбежавшего Шаляпина вспомните — хмыкнул я — Ну и что написал у вас Набоков? Порнографическую «Лолиту»? Да и когда был это «философский пароход»? Только-только гражданская война закончилась. Именитые перебежчики были, согласен. И, наверняка, будут еще. Но мне-то ради чего им становиться?

— Пойми! — «Саттер» некультурно затушил сигарету об стол — На Западе ты достигнешь в разы большего. Твой талант раскроется так, что весь мир ахнет. В СССР тебе не дадут работать. Одно персональное дело, другое… Эти ваши «марковы» и «сусловы» так и будут держать за руку, бить в спину…. А у нас — полная свобода! Делай что хочешь, твори… Плюс полная поддержка с нашей стороны.

А црушник то подготовился. Мягко стелет.

— Я даже не буду тебе предлагать деньги. Мы знаем, что ты уже богат. А станешь еще богаче. Деньги — это лишь показатель уровня жизни. На Западе он объективно выше. А у тебя он будет в разы выше, чем мог бы быть в Союзе. И разумеется, мы с радостью поможем переехать твоей маме и деду.

Ага, вот дедушка мне голову то и оторвет.

— Вам же нужен не я — смотрю прямо в глаза «црушнику» — Вам же надо дать еще один «залп» по моей стране. В информационной войне. Как же, лидер группы Красные Звезды, Виктор Селезнев сбежал на Запад. Это сильный удар. По молодежи в первую очередь.

— Я сейчас дам согласие. А пленочка то крутится — я кивнул на слегка оттопыренный карман пиджака «Саттера» — Потом ко мне придет в Союзе человечек, может быть это будете даже вы, Дэвид или как там вас — я взглянул на визитку — Дейв. И скажет, что побег нужно отработать. «Ты же бываешь в Кремле, являешься советником Романова… Поделись с нами информацией». Если я буду брыкаться, то даст послушать пленочку.

«Саттер» возмущенно вскинул руки, но я не дал себя прервать:

— Я ваши гнилые заходы вижу на милю вперед — я наклонился ближе — Рвать буду, зубами. Слышишь? Зубами. Ничего у вас не выйдет. Променять Родину на вашу фальшивую американскую мечту? На эту дешевку?!? Запомни, Манчковски, мы вас похороним. Как говорил Хрущев, возьмем заступ побольше и могилку вам выкопаем поглубже. А знаешь, почему похороним?

— Почему?

— Нет у вас за душой ничего. Ваша золотая мечта — медяшка блестящая. Жрать в три горла, грабить всех вокруг, да срать в золотой унитаз. Только так работает ваша «свобода». Общество потребления — это тупик человечества. И вы хотите пустить наш поезд в этот тупик?

— Он уже там — пожал плечами американец — Ваша молодежь слушает нашу — црушник хмыкнул — «бездуховную» музыку — бегает за нашими джинсами и хочет жить по нашим стандартам. Ваши старики-ортодоксы вымрут как мамонты и нам даже делать ничего не придется. Союз — колосс на глиняных ногах.

— Пусть колосс. Пусть он даже рухнет — но люди запомнят мечту. Настоящую мечту. И за нами придут другие. И они все-равно построят лучшее, более справедливое общество.

Я взял визитку со стола, молча вышел из комнаты. Перевел

дух. Вытер пот со лба.

— Ну как там? — ко мне подошел напряженный Вячеслав — Вербовал?

— Ты знал? — я удивленно покачал головой.

— Был сигнал — Вячеслав забрал у меня из рук визитку — Надо же… У ЦРУшников есть визитки для вербовки.

— Ага и телефон колл-центра для перебежчиков.

— Колл-центра?

— Не бери в голову, устал. Ерунда всякая в голову лезет. Пошли к нашим.

* * *

Нашим было хорошо! На низком столе стояло шампанское, вино, тарелки с деликатесами. Вокруг стола суетились официанты и Лукас. Девчонки задорно смеялись, музыканты чокались бокалами и ели черную икру. И это все прохладительные напитки?! Десять минут меня не было. Боже, верни мне Клаймича. Сейчас. Сию же минуту!

Внезапно я понял, что за нашим столиком сидят еще двое незнакомцев — та самая пара мужчин, что курили кальян, когда мы пришли в клуб.

— Трамп. Фред Трамп — усатый с залысинами мужчина в тройке привстал, пожал мне руку — Очень рад познакомиться. А это мой сын Дональд.

Рыжий нагло кивнул и тут же вернулся к разговору с Верой. Его рука уже лежала на колене девушки и не похоже, что та была против. Трамп, Трамп… шестеренки моего мозга с хрустом провернулись и я вспомнил, что этот рыжий ухарь пытался баллотироваться ни много не мало аж на пост президента США. В 2000-м году. Разумные американцы, конечно, не могли выбрать этого клоуна на важнейшую мировую должность. Но каков наглец! Не успел познакомиться, уже лапает Веру. Я скрипнул зубами. Эх, Марков рядом. Да и Леха с Вячеславом не дадут мне пересчитать зубы Дональда.

— Мы американские девелоперы — Фред сделал страшные глаза сыну и тот убрал руку с коленки — Прилетели в составе делегации Картера. Нам обещали устроить разговор с мистером Романовым.

— Вообще-то это политические переговоры, не торговые — я просто упал на свободный пуфик. День адский. Два раза надо было дать в морду и два раза я себя сдерживал просто чудом.

— Политика — это тоже бизнес — пожал плечами Фред — Я

слышал, что в Москве и Ленинграде Советы собираются начать высотные стройки. Наша компания хочет поучаствовать в тендерах. Мистер Картер обещал замолвить словечко.

Высотное строительство в Ленинграде? В городе-музее?? Похоже, девелоперов кто-то банально «развел». Может быть даже на деньги.

— Сам Картер замолвит?? — я скептически усмехнулся.

— Ну, допустим, его помощник — поморщился Фред.

— Эй, парень — на меня обратил внимание раскрасневшийся от спиртного Дональд. Рядом с ним уже стоял третий пустой бокал из под виски — У тебя классные песни. Сколько стоит твой концерт? Споешь нам в Нью-Йорке?

— Дональд! — отец еще раз попытался одернуть это хамло.

Я переглянулся с Лехой. «Мамонт» показал мне как берет за шкирку клоуна и выкидывает его в окно. Я отрицательно покачал головой.

— Частный концерт? А что, это тема.

Ко мне в удивлении обернулись все. И «звездочки» и «музыканты». Даже Вера перестала глупо хихикать и сделала круглые глаза.

— Дональд, я тут дачу купил недавно. Мне штукатуры нужны. И маляры.

— И? — Рыжий явно «не догонял».

— Ты бы подошел.

Народ засмеялся. Те, кто понимал по-английски переводил тем, кто понимал не очень. Смех усилился.

— Виктор, прекрати! — Альдона пихнула меня в бок.

Тут до Дональда наконец, дошло и он покачнувшись встал. Сжал кулаки. Лицо красное, аж прикуривать можно. Позади него уже маячила наша охрана. Фред тоже встал.

— Я прошу прощения за поведение сына, он выпил лишнего — Трамп протянул мне руку — Мы постараемся загладить вину.

Я тяжело вздохнул, пожал руку. Фреду, но не Дональду. Да тот и сам не горел желанием. Лишь сказал что-то на ушко Веры и не прощаясь ушел из зала. Вслед за ним ушел и отец.

— Так? Что мы тут пьем?

16 июня 1979 года, суббота

Вена, Австрия

— Вить, вставай! — в голову мне прилетела подушка. Я ее схватил и попытался накрыться с головой. Башка болела и

трещала, похоже, вчера я перебрал лишнего.

— Сейчас оболью водой — голос Лехи угрожающе прозвучал над ухом — Я обещал!

— Кому? — простонал я — И что?

Неужели на мою голову еще одна Альдона??

С трудом продрал глаза. Солнце над Веной только-только вставало. На часах было 7 утра.

— Ты изверг!

— Киселеву! — безапелляционно заявил «Мамонт» — Обещал ему тренировать тебя, собирайся на пробежку.

Леха уже был одет в синий тренировочный костюм сборной СССР по боксу. И где только выцыганил форму? Или это Киселев с ним рассчитался за тиранство?

— Все, встаю — я поднялся и покачиваясь отправился в ванную. Умылся, оделся, нацепил на пояс Волкман. В коридоре нас уже ждали охранники также обряженные в красные спортивные куртки. Жарковато им будет. Вчера днем в Вене было плюс двадцать семь. С другой стороны, где еще прятать пистолеты?

Мы спустились вниз и на выходе ко мне бросился какой-то азиат. Низенький, узкоглазый, в черном костюме. Точнее попытался броситься. И тут же попал в заботливые руки Вячеслава.

— Виктор-сан! — заверещал на приличном английском азиат — Я Сабуро. Из компании Сони. Буду вас снимать.

Японец продемонстрировал нам всем фотоаппарат. Неплохую такую зеркалку Никон. После чего был отпущен Вячеславом.

— Черт! — Леха ударил себя по лбу — Забыл про японца. Он вчера еще подходил, но у нас запарка была…

Мнда… Как же не хватает Клаймича, часть вторая. Из Лехи администратор, конечно, так себе.

— Хорошо, Сабуро-сан — я посмотрел на небо. Солнышко то припекает — Можете бежать с нами. Только вам в костюме будет… э… не очень комфортно.

— Никаких проблем! — заверил меня японец, делая первый снимок, как я цепляю на голову наушники Волкмана.

Шесть человек — пятеро советских граждан и один японский — вышли на знаменитую венскую Рингштрассе и затрусили вперед в бодром темпе. По круговому бульвару, который опоясывал весь центр австрийской столицы, бежали не одни мы. Десятки джоггеров и велосипедистов составляли нам компанию только в прямой видимости. Я врубил на плеере Кисс, ту самую «Я был сделан, чтобы любить тебя», которую так опрометчиво советовал Романову, и прибавил ходу. Под бодрую музыку и звон

трамваев бег пошел на ура. Охранники у меня тренированные, Леха тоже тот еще атлет, а вот японцу приходилось туго. Он потел, пыхтел, но держался. Еще и фотографировать успевал. Проникнувшись страданиями жителя страны «восходящего солнца», я сбавил темп. И тут же вылезла новая проблема. Меня начали узнавать бегущие австрийцы. Улыбались, махали руками. Те, кто двигался в нашем направлении пристроились в хвост охранникам. Те, кто бежал навстречу, развернулись и… тоже пристроились к нашей «теплой» компашке.

На обратном пути над Рингштрассе раздался громкий стрекот и гул.

Я поднял голову — сверху кружил голубой вертолет. Прямо как из песни мультфильма про крокодила Гену и Чебурашку. Кто-то из наших позади меня тоже быстро сообразил и неплохим баритоном пропел:

«Прилетит вдруг волшебник
В голубом вертолёте
И бесплатно покажет кино…»

Я засмеялся. Высунувшись из вертолета нас снимал, судя по логотипу на борту — оператор телеканала с незатейливым названием Programm 1 Прямо как в Союзе — 1 и 2 канал.

— Эх! Подпевай — я прибавил шагу и запел другую песенку из знаменитого мультика:

«Голубой вагон бежит качаясь вдаль….»

Сзади к моему удивлению дружно подхватили:

«Скорый поезд набирает ход…
Ах, зачем же этот день кончается,
Пусть бы он тянулся целый год!»…

И дальше мы еще более дружно, под удивленным взглядами австрийских бегунов, пропели:

«Скатертью, скатертью
Дальний путь стелется,
И упирается прямо в небосклон.
Каждому, каждому
В лучшее верится…

Катится, катится
Голубой вагон».

К тому моменту когда мы допели куплеты и припевы про вагон, голубой вертолет уже отвалил, а количество фанатов вокруг разрослось до полусотни. Вот в таком обществе, мы и вернулись обратно в отель.

Раздав автографы, приняв душ и позавтракав, я начал названивать в Москву. Сразу нас не соединили — пришлось ждать.

— Витюш, как ты там? — взволнованным голосом поинтересовалась мама, когда нас все-таки соединили — По телевизору показывают какие-то ужасы. Антисоветские манифестации в Вашингтоне. Против договора с СССР. До драк с полицией дошло.

— Мам, ну я же в Вене! — резонно возразил я — Тут все спокойно! Как в морге.

Я вспомнил о несостоявшейся вербовке в клубе и поежился. Что-то тихо пока. А ведь Вячеслав 100 % доложил по инстанции.

— Хватит так шутить! Как там с едой? Тебя хорошо кормят?

— Просто отлично! — я начал рассказывать об австрийской национальной кухне, но был прерван — Ой, чуть не забыла тебе сказать. Звонил Бовин. Ну тот самый ведущий с ТВ.

— Я помню! Сам ему дал домашний телефон. Что он хотел?

— Приглашает в пятницу в Останкино. Будет прямой телемост Москва-Вашингтон. Советские граждане задают вопросы американцам, а те нам. Что-то про разрядку говорил…

Ага, дело сдвинулось с мертвой точки. После последнего эфира у Бовина, я вкинул идею телемостов Лапину. «Великий и ужасный Гудвин» советского ТВ, чье кресло сильно качалось после смерти Брежнева — воспринял идею на «ура». И пошел с ней сразу к Романову. Тому же в преддверии Вены и ОСВ2 срочно требовалось что-то «умиротворяющее». К чести Лапина, он не стал скрывать мое авторство. Так что все завертелось все очень быстро.

— В начале недели я уже буду в Москве — я почесал затылок — Так что успеваю на эфир.

— Витюш, я передам Бовину, если он еще раз позвонит — голос мамы напрягся — Меня беспокоит ситуация со школой.

— Мама, пожалуйста, не начинай снова! — я просто взвыл. Да, ситуация со школой сложилась тупиковая. Не сдав годовые экзамены и даже не появившись ни разу перед классной и директрисой, которые названивали маме, я уже в сентябре

должен был поступить на первый курс юридического факультета МГУ. Как поступить? Не знаю. Веверс обещал все устроить с аттестатом и другими документами. К ним прилагался звонок «сверху» ректору. Вступительных экзаменов не предполагалось вовсе. Все это в глазах мамы выглядело дико. Впрочем, и тут генерал обещал поговорить. Но видимо, закрутился и…

— Мамуля, любимая! Обещаю все решить по приезду — я заторопился — Мне пора бежать, целую!

Попрощавшись, с тяжелым сердцем вешаю трубку. С учебой надо что-то делать. Без диплома нельзя, но и получать его с моим графиком придется опять по «звонкам». Уже сейчас вижу свои многочисленные пропуски, хвосты, не сданные сессии…

Поколебавшись мгновение, я достаю записную книжку, начинаю ее листать. Нахожу московский телефон Александры. Заказываю разговор. Надо, надо сделать «контрольный» звонок. Между нами все очень неопределенно, но меня явно влекло к этой женщине. Взять прибалтов с собой в Вену — я не мог. Все места в делегации были расписаны заранее, да и не нужна нам была подтанцовка для мини-концерта в Хофбурге. Мои размышления прервал звонок. Я схватил трубку. Пошли длинные гудки. Увы, никто не отвечал. Невезуха!

В дверь постучали. Леха открыл и я на пороге увидел грустную физиономию Маркова. Ну что опять случилось?

— Доброе утро! — чиновник отрицательно покачал головой на приглашение Лехи войти — Виктор, сегодня в 12 часов в Изумрудном зале отеля состоится первая пресс-конференция Романова. Григорий Васильевич, просил тебя поприсутствовать.

— В каком так сказать качестве? — я посмотрел на часы. На вечерний эфир на австрийском ТВ и в американское посольство на прием… мы успеваем. Даже есть время сводить сотрудников по магазинам. Экскурсия под названием «Вена торговая».

— В зале посидишь. Как советника Генерального по культуре.

— Для представительности? — я сообразил для чего меня зовут — Звездочек брать?

— Не надо. Только ты. И пожалуйста! Давай без фокусов. Ты вчера в клубе нахамил членам американской делегации.

На лбу Маркова собрались трагические морщины. Как же тяжело ему со мной.

— Клянусь! — я приложил руку к сердцу — Я буду молчать как немой заика!

— Опять твои шуточки! — чиновник покачал головой — Дошутишься ведь!

* * *

Начало пресс-конференции совершенно не предвещало сенсации. Меня приземлили в первом ряду, рядом уселись советские журналисты из пула Генерального. Я узнаю Чаковского — главреда Литературной газеты, вместе с которым летел в США в одном самолете. И которому я первому задвинул про «новый НЭП». Жмем с Александром Борисовичем друг другу руки, обмениваемся новостями.

Американские, немецкие и австрийские журналисты — у каждого из которых был своего цвета бейджик — располагаются позади нас. Телекамеры — в самом последнем, заднем ряду. Я, аккуратно прикрываясь рукой, позевываю. Ждем Романова. Он задерживается. Журналисты нервничают и вяло переругиваются.

Затем в зал заходит Марков и переводчик. За ними Романов. Лицо Генерального выглядитустало. Под глазами залегли мешки, у меня появляется ощущение, что в волосах добавилось седины. Тяжела ты шапка Мономаха!

Все трое уселись за стол с микрофонами, Романов достал из внутреннего кармана пиджака листки с текстом.

— Здравствуйте — Марков постучал пальцем по ближайшему микрофону — Мы начинаем нашу пресс-конференцию. Предоставляю слово Генеральном секретарю ЦК КПСС, товарищу Романову.

Генсек поприветствовал присутствующих, поблагодарил австрийцев и канцлера за гостеприимство. Контакт с Картером и американской делегацией уже налажен, сегодня приступаем к переговорам. Они будут тяжелые, но общие точки соприкосновения есть. Романов настроен оптимистично. Выступает минут десять, затем предлагает задавать вопросы.

Сначала и от наших и от зарубежных журналистов посыпались тематические вопросы об ОСВ2. По количеству ракет, боеголовок, тяжелым бомбардировщикам… Романов ловко уклоняется от конкретики. Шутит, меняет тему.

Наконец (и я ждал этого!) прозвучал вопрос с подлянкой. Относительно недавнего бунта в Грузии. И вот тут Романов выдал:

— Я бы не назвал это бунтом. Бунт, причем с уличными боями, был в Нью-Йорке и других американских штатах — журналисты вокруг меня быстро застрочили ручками в блокнотах — Но те волнения, которые были в некоторых наших республиках…

Нескольких?? Неужели и в Узбекистане после «хлопкового» дела тоже полыхнуло?

— … Ставят перед нами, коммунистами, новые вызовы. Считаю, что деление СССР по национальному признаку устарело.

В зале раздался шум, вспышки фотоаппаратов.

— Думаю, что за 56 лет существования СССР в нашей стране появилась новая общность — «советский человек»! А значит, мы можем отказаться от национального деления и перейти к географическому районированию. Северо-западный регион, Кавказский и так далее. Это снизит возникшую в обществе напряженность и придаст новый импульс развитию страны.

Вот это да! Ведь явно домашняя заготовка. Дожали таки Пельше с Веверсом Романова. Делать такое заявление о внутренней политике в Вене… Это бросать вызов всем консерваторам в Политбюро. Или не бросать вызов? Может быть с Сусловым и Ко была проведена работа и они наоборот «за»? У меня пошла голова кругом. С кем бы посоветоваться? С Пельше?

Я очень сомневался, что отказ от национальных республик «снизит напряженность». В длительной перспективе, наверное, да. Но сейчас? Может и в Прибалтике полыхнуть, да и у грузин по второму кругу. Хотя у них сейчас войска стоят. Вряд ли.

Даже если отбросить сколько нужно средств, чтобы поменять документы, карты, названия на дорогах, учебную литературу — я мысленно схватился за голову — даже если все это отбросить, то какой удар по национальной гордости и самосознанию жителей 15-ти республик? Ведь и в РСФСР найдутся люди, которые захотят быть русскими, а не советскими. Что уж говорить о национальных республиках…

Шум в зале усилился, десятки журналистов стали тянуть свои руки и даже выкрикивать свои вопросы. Сенсация! Надо «ковать железо, не отходя от кассы».

* * *

— А что там были за крики в зале? — поинтересовался Леха, когда мы вместе со всеми сотрудниками, сразу после обеда, пошли на прогулку по Вене — Даже охрана забеспокоилась.

— Романов объявил о реформе в СССР — позади меня установилась абсолютная тишина, все сотрудники навострили уши — Отменяет национальные республики. У нас теперь новая общность — «советский человек». Я оглянулся, увидел на лицах ошарашенное выражение.

— Может оно и правильно-о — протянула Альдона, разглядывая витрины магазинов — Отец говорил, что еще пару десятков лет и Прибалтика захочет отделиться от СССР. Слишком сильны националистические настроения. Еле удается сдерживать. А воспитание нового, «советско-ого человека»… «Снежная

королева» задумалась — Но как избавить нашего человека от клановости, частнособственнических инстинктов?

— Ой! — вдруг всплеснула руками Лада — Какие красивые камушки!

Мы остановились перед магазином, надо которым висела вывеска Swarovski. В витрине стояли чудесные цветные фигурки из хрусталя, люстры, посуда и конечно, ювелирные украшения.

— Ну все — вздохнул Роберт — Девушек мы потеряли.

И правда. Наши дамы дружно рванули разглядывать кристаллы Сваровски, которые наряду с оперой, шницелем и Захером стали настоящим символом Австрии. А заодно прикупить прочую женскую бижутерию. Мы же договорившись о месте встречи, отправились в музыкальный магазин. Сделать Колю обладателем модной двухгрифовой гитары.

Спустя пару часов я уже сидел в гримерке Канала 1. Главного австрийского телевидения, чью вечернюю программу Клуб 2 смотрело все взрослое население страны. Настолько оно было популярно. Вел передачу кучерявый голубоглазый брюнет по имени Дитер Сиифранц. Одет он был весьма вольно для телевидения — джинсы и черная водолазка под горло. Повеяло образом основателя Эпла Стива Джобса. Чью продукцию с надкусанным яблоком наверняка сейчас мучает Веверс в Москве.

После того как меня напудрили и закрепили петличку, в гримерку с переводчиком зашел Дитер. Долго жал руку, говорил комплименты группе. Попросил подписать несколько пластинок. Рука не отломится — подписал. Затем ведущий долго вводил меня в курс дела. Передача, включая рекламные вставки и репортажи, идет час. Никаких импровизаций, никаких новых песен в прямом эфире. Это мне намекают на Англию и БиБиСи. Я вежливо отвечаю, что песня Don`tworry принесла Бибисям рекордные рейтинги.

Но австрийцы — это почти немцы. Рейтинги хорошо, но орднунг — это наше все. Поэтому тяжело вздохнув, я даю согласие не шалить. Хотя новость о «Дороге в ад» уже проникла в среду телевизионщиков. После Дитера в гримерку заглядывает владелец канала — господин Штанмайер. Пузатый лысый мужик с дымящейся трубкой в зубах. Оказывается, он вчера был на приеме в Хофбурге, впечатлился песней по самое немогу и просит ее исполнить под запись. Даже готов, какая щедрость, оплатить работу музыкантов.

— Права на новую песню принадлежат МВД СССР и Атлантик Рекордс — вежливо отвечаю я — Последние сотрудничают с новым каналом MTV. Скорее всего, мы сделаем для песни клип, а премьера песни состоится на одном из крупных концертов.

В мои планы не входило раньше времени сливать песню массам. Пусть помучаются, пусть в фанатской среде поциркулируют слухи о новой «бомбе» Красных Звезд. Штамайер повздыхал, но поняв, что халява не пройдет — отвалил.

Впрочем, одна бомба на эфире случилась.

Уже после того, как меня провели в студию — уютный зал с множеством камер и двумя мягкими диванами в окружении торшеров — появились «звездочки». Если к внешнему облику Лады и Альдоны у меня претензий не было — наши фирменные брючные костюмы на голое тело — стильно и слегка провокационно. То Вера своим обликом разом пробила дно.

На ней было незнакомое мне золотое платье, которое заканчивалось широкими брюками. Платье-брюки. Все бы нечего, но под платьем с большим вырезом на спине, не было бюстгальтера. А легкая сеточка спереди открывала зрителям отличную Верину «трешку». Видно было все, включая соски. Бюст под платьем жил своей жизнью, глаза всех мужчин в студии — от операторов до ведущего оказались прикованы к «звездочке».

— Это… что такое? — я задохнулся от гнева.

— Подарок Дональда — Вера мстительно улыбнулась и уселась на диван напротив меня — Сегодня утром курьером в отель доставили.

— И поэтому ты одела с утра плащ?! Скрывала наряд? Хотела устроить скандал?!

— Товарищи! — в разговор вступил посольский переводчик — молодой парень в костюме-тройке, которого к нам прикрепил Марков — Либо мы уходим, либо через минуту эфир. Дитер говорит, что отсчет пошел.

Прямо запуск ракеты какой-то. Ага, а эта ракета-стерва, сидящая напротив, сейчас выведет нас в космос на орбиту такого вселенского скандала! Советская певица демонстрирует свою грудь в прямом эфире австрийского ТВ. Прямо во время важнейших политических переговоров между Картером и Романовым. Я так сильно сжал подлокотник дивана, что в нем что-то хрустнуло. Дитер обеспокоенно посмотрел на меня.

— А вы?! — я повернулся к Ладе и Альдоне, которые сели рядом со мной — Вы куда смотрели?!

— Да мы ни-ичего не знали — пожала плечами «Снежная королева» — Сами только в гримерке увидели. Лада пошла тебе сказать, но ты разговаривал с этим толстяком — владельцем канала.

— Это ты так мстишь мне?? Счеты сводишь? — я был готов вырвать подлокотник из креплений и кинуть им в Веру.

И это после всего, что я для нее сделал! Один только Середа-

младший чего только стоит…

— Понимай как знаешь! — фыркнула наша «прима».

— Дрей, цвей, эйнц — раздался громкий счет наверху студии и Дитер тут же включил свою обаятельную улыбку — Hallo liebe Herren! У нас в гостях молодая, но уже прогремевшая на весь мир поп-группа Красные Звезды и ее лидер Виктор Селезнев! Поприветствуем их.

Раздалась магнитофонная запись аплодисментов. Эх, черт, не успел. Надо было выгнать Веру из студии сразу, как я увидел ее наряд. Несколько минут у нас было. Я глубоко вздохнул, улыбнулся до боли в скулах на камеру, на вершине которой загорелся красный фонарь.

* * *

На прием в американское посольство я приехал в совершенно поганом настроении. Во-первых, опоздал. Эфир на Канале 1 затянулся, разговор получился интересным и захватывающим. Австрийцы даже организовали несколько звонков зрителей в студию, показали съемки нашей пробежки с вертолета. Но все это отняло прилично времени. Во-вторых, Вера. Я не стал с ней скандалить по окончанию эфира, лишь холодно кивнул и направился на выход. Девушка пыталась догнать меня, объясниться. «Знает кошка, чье мясо съела». Я ее игнорировал, но садясь в машину — высказал все, что думаю. Почти все. Ладно, только небольшую часть. Ясно, что она пыталась вызвать мою ревность, раскачать на эмоции. И у нее это получилось. Похоже, она не понимала, что своей выходкой поставила все наше дело под угрозу. Минимум Красных Звезд во избежание дальнейшего скандала вышлют из Австрии. Максимум… даже не хотелось об этом думать.

— Вау! Селезнефф! — стоило зайти в небольшой зал американского посольства на входе которого истуканами стояли морские пехотинцы в парадной форме, как ко мне подбежал белокурый ангел в пышном розовом платьице. Кудрявая девочка лет 11–12 схватила меня за руку и начала прыгать от восторга.

— Мы знакомы? — я повертел головой и в толпе приглашенных на прием, заметил чету Картеров. Розалин с извиняющейся улыбкой, шла к нам. Я сделал пару шагов навстречу, все также держа левой рукой прыгающего «ангела». Окружающие улыбались, расступались. Играла приглушенная музыка, все так же как и на австрийском приеме в Хофбурге, в толпе сновали официанты. Я заметил, что у половины

присутствующих уже нет черных повязок. Траур по Бжезинскому закончен?

— Добрый день, Виктор — моя правая рука оказалась в ладони Розалин. Сегодня она была одета в весьма короткое черное приталенное платье. На груди висела крупная бриллиантовая брошь. Камни сверкали и переливались под ярким освещением зала.

— Как поживаете, Розалин? — я аккуратно пожал руку Первой леди.

— Эми! Сейчас же отпусти Виктора — Розалин повернулась к девочке и нахмурилась. Я был отпущен, но прыжки вокруг не прекращались.

— Это наша младшая дочь — извиняющимся тоном произнес Джимии Картер, который подошел к нам вслед за женой — Старших ее братьев решили не брать в Вену. Эми! — Президент обратился к дочери — Ты что-то хотела от Виктора?

— Да! Да! Пусть споет Почтальона. И Фелличиту. И Мы мир! — девочка смотрела на меня как на божество.

Окружающие весело рассмеялись.

— Прямо все песни сразу? — я задорно улыбнулся — Может быть мы пока договоримся о записях? С моим автографом?

Я достал из внутреннего кармана пиджака две аудиокассеты, припасены для такого случая и заранее подписанные. Протянул одну Эми, другую Розалин.

— О как приятно! — Первая леди передала кассету кому-то из персонала и взяла под руку мужа — Эми ваша большая фанатка. Когда я сказала, что Красные Звезды будут в США с гастролями, она меня замучила вопросами и просьбами. Вся комната в доме увешана ваши постерами.

У нас есть постеры? Нет, я конечно отдавал Гору фотографии группы, но не думал, что все зашло так далеко.

— Я счастлив, что у нас есть такие фанаты, тем более в Белом Доме — мой намек был понят и окружающие, включая чету Картеров, еще раз рассмеялись. Ко мне подошел официант и я взял с подноса бокал шампанского.

— В Союзе подросткам разрешают пить спиртное? — слева раздался скрипучий голос грузного мужчины в очках с массивной оправой — В США только после 21 года.

— Гарольд! — укоризненно произнес Картер и уже мне — Это наш министр обороны. Гарольд Браун. Прилетел на переговоры с мистером Романовым.

— Очень приятно! — я протянул руку и министр был вынужден ее пожать — Я официально, по суду, признан дееспособным, поэтому мы с вами можем выпить не только

шампанского, но даже виски. Вы пьете виски, Гарольд?

— Какой же американский министр обороны не пьет виски — Джимми хохотнул, хлопнув Гарольда по плечу. Тому такое панибратство явно не понравилось и он, скривившись, начал выбираться из толпы вокруг нас.

— Сноб каких поискать — шепнула мне на ушко Розалин. От нее пахло каким-то приятным цветочным ароматом.

— О чем это вы там шепчетесь? — демонстративно ревниво спросил Джимми — А тебе, Виктор, палец в рот не клади. По-английски это прозвучало «You have a sharp tongue». Сначала я не понял о каком таком остром языке идет речь, но потом сообразил. Хотел было высунуть и показать свой язык, но на сегодня скандалов было достаточно. Хорошо, что еще не спрашивают про эфир на австрийском ТВ. Наверное, просто еще не успели доложить.

Чета Картеров, забрав Эми, попрощалась и пошла знакомиться с другими посетителями приема, а ко мне подошел круглолицый, с большими залысинами и густыми бровями а-ля Брежнев мужчина в строгом, синем костюме.

— Посол Ефремов — по-русски представился товарищ.

— Михаил Тимофеевич? — уточнил я.

— Вы знаете мое имя отчество? — удивился «бровастый».

— Прошел инструктаж перед поездкой — уклончиво ответил я.

— Мы можем отойти?

— Разумеется.

Мы отошли в угол зала и я настроился на выволочку. И она случилась.

Правда, очень и очень вежливая.

— ГэВэ рвет и мечет. Уже доложили — начал посол — Велел тебя отправить сразу в гостиницу.

— ГэВэ? — удивился я.

— Ну так у нас называет Григория Васильевича — смутился Ефремов — Еще Хозяином.

— Прямо как Сталина? — еще больше обалдел я.

— Тише ты! — испугался посол — Это от «хозяина» Ленинграда еще пошло.

— А ну тогда ладно — я вздохнул — Ладно, повинную голову меч не сечет. Поеду.

— Не журись. Не будет громкого скандала — хлопнул меня по плечу Ефремов — Все обойдется.

— Это почему же??

— Американцам сейчас не до вас. Республиканцы и их прикормленные журналисты раздувают другой скандал. Григорий

Васильевич знает о нем.

— Какой же?

— Картер в отеле сдал в химчистку пиджак. С карточкой кодов доступа к ядерному чемоданчику. Горничная рассказала журналистам.

— Вот это номер! — я охренел от новости — И что же… начнись ядерная война президент не сможет запустить ракеты?

— Я не знаю — пожал плечами посол — Наверное, есть запасные карточки. Но сам факт!

Мнда… Понятно, почему республиканцы так взвились. Хреновый из Картера Главверх. Сейчас Магнус то по Джимми проедется танком. И песенка моя Don`t worry в его предвыборных клипах заиграет новыми красками. «Не волнуйтесь, наши коды запуска в прачечной». Я чуть не засмеялся во весь голос, как представил себе все это. Может подкинуть конгрессмену идейку?

— Так что большой выволочки не будет — резюмировал посол — Но и ты не подставляйся больше, хорошо? Если надо эту певичку отправить в Союз — мигом организуем. Два Ила шестьдесят вторых стоят «под парами» в аэропорту.

Чести много Веру везти домой правительственными бортами.

— Нет, пока не надо — я с ней провел воспитательную беседу.

Я внимательно посмотрел на Ефремова. Я читал о нем. Классический случай почетной отставки. С должности заместителя председателя Совета Министров перешел в послы не ключевой страны. Не сработался с Брежневым, проявил принципиальность в каких-то важных вопросах и вот сначала скинули послом в ГДР, затем в Австрию. Дядька он вроде хороший, деловой. Сирота, служил в армии, рулил Горьковским обкомом. Награжден орденом Ленина за организацию строительства Куйбышевской гидроэлектростанции — крупнейшей на тот момент в мире. Эх, зря он в Москву поехал. Быстро его там сожрали. Правильный мужик. Надо помочь.

— Михаил Тимофеевич, о ваших заслугах в столице помнят. Помнят и ценят. А если вдруг кто забудет, то есть люди, которые напомнят.

Ефремов внимательно на меня посмотрел, ничего не сказал. Лишь кивнул.

— Ладно. Если что — обращайся — посол пожал мне руку — Поможем.

— Спасибо, Михаил Тимофеевич! — я чуть не отдал шутливое пионерское приветствие, но сдержался.

* * *

На входе в Ритц меня перехватил Марков. То ли мои бодигарды доложили, что я возвращаюсь, то ли посол, но уже в холле у ресепшн, чиновник с непроницаемым лицом, крепко схватил меня за локоть и сразу повел к Романову. Жил Генеральный, как ему и полагалось, в президентском люксе на последнем этаже. Уже на подходе мне встретилось несколько постов охраны, причем некоторые сотрудники 9-ки щеголяли в бронежилетах. Что за усиление вдруг?

Пятикомнатного люкса я совершенно не запомнил. Потому, что уставший и явно выпивший Романов сразу начал на меня кричать:

— Ты нам переговоры решил сорвать?!? — Генеральный рванул узел галстука — Ты что себе позволяешь? Думаешь приехал в капстрану — можно обезьянничать их повадки из шоу-бизнеса? Я тебе что в аэропорту сказал? Сидеть тише травы ниже воды. А ты что творишь??

— Виктор, что случилось на телевидении? — из соседней комнаты вышел Пельше. С трудом уселся в кресло у стола.

— Накладка — коротко произнес. «Сдавать» мне Веру или нет — я еще не решил. Если «сдавать» — надо выгонять из Красных Звезд.

— Что значит накладка?! — опять заорал Генсек — Советская певица трясет голыми сиськами перед иностранцами. На всю страну. Хорошо еще что Картер свалял дурака — и все внимание на него. А если бы не было этой прачечной? Да завтра над нами вся американская делегация потешалась бы. И австрийцы в придачу. Почему я должен за вас краснеть?

— Очень странно все это — задумчиво произнес Пельше — Вера, такая хорошая девушка, в Комсомолке работала, МИМО закончила. Отзывы, характеристика… Все отличное. И вдруг такое.

— Отец у нее тоже отличный дипломат — подхватил Романов — На хорошем счету у Примакова. Ты же понимаешь, Виктор, что ей теперь только ленивый не будет тыкать этим порно-платьем. Ей уже не отмыться!

— Признаю свою вину.

Я прижал руки к сердцу.

— Меру, степень, глубину.

Пельше с Романовым посмотрели на меня с удивлением. Я продолжил дальше из Федота Стрельца:

— И прошу меня направить на текущую войну! Нет войны? Я все приму. Ссылку, каторгу, тюрьму…

Романов засмеялся, на губах Пельше появилась слабая улыбка.

— Но! Желательно в июле и желательно в Крыму!

Теперь смеялся уже и Пельше.

— Нет, ну как с ним быть? — развел руками Генеральный — Из всего вывернется. Откуда стихи? Сам сочинил?

— Да так… — протянул я — Думаю об одной поэме. Актуальной.

Надеюсь Филатов не будет на меня в обиде? Впрочем, если на меня обидится история — все для меня выйдет намного хуже.

— Ладно, поэт — Пельше пристукнул рукой по столу — Что думаешь делать? Как тушить скандал?

— Сообщим о накладке. Кампания по борьбе с раком женской груди. Не очень удачный костюм для съемок, попросим прощения у зрителей. Австрийских. Советские и не узнают. Если поможете с цензурой.

— Мы то поможем — вздохнул Романов — А «голоса»? Что с ними ты сделаешь?

Мы помолчали.

— Григорий Васильевич! Я знаю — я выделил это слово, намекая на свои прошлые «откровения» свыше для Романова — Все будет хорошо. Осечек больше не будет, мы достойно выйдем из ситуации.

— Ну если знаешь — с сомнением протянул Генсек. Я скосил глаза на Пельше. У того на лице была бесстрастная маска. Похоже, он никак не обсуждал с Романовым «феномен» Селезнева.

— Ну а что с вами делать после пресс-конференции — поинтересовался Романов — Отправлять в Союз?

— Да мы и так, собственно, уже собирались…

* * *

Я даже особо не удивился, когда обнаружил в своем номере Альдону. Девушка в голубом спортивном костюме и прическе а-ля «конский хвост» забралась с ногами на мою кровать.

— Где Леха? — поинтересовался я, стягивая с себя пропотевший пиджак и майку.

— В номере у Львовой. Отпаивает ее вином. Она как увидела по ТВ Веру… Ну ты сам все понимаешь.

— Как бы Леха ее не споил и не — я замялся. Ведь известно, что пьяная женщина себе не хозяйка. Впрочем и пьяный мужчина тоже.

— Тебе жалко? Скрасит ей одиночество.

— А ты как сюда попала? Ах, да, зачем я спрашиваю — я

зашел в ванную, оставив дверь открытой. Принялся обмываться.

— Что там Вера?

— Ревет как белуга — Альдона зашла за мной в ванную, провела ноготком по голой спине. У меня в жилах быстрее побежала кровь.

— Вить ты же понима-аешь, что это подстава?

Я повернулся к девушке, начал вытираться полотенцем.

— Я после ТВ сразу в посольство рванула. Поговорила с отцом по защищенной линии.

— И?

— ЦРУ.

— Есть доказательства?

— Вечером от Дональда приехал курьер. Привез Вере драгоценное колье и записку.

— Как колье?! А платье??

— Не его рук дело. Заставила Веру позвонить Дональду — в записке был телефон — он не дарил.

— Тогда кто?

И я тут же матерно выругался. Саттер!

— Какой богатый словарный запас у советских певцов! — Альдона подошла ближе, положила руки на плечи.

— Чем это ты пахнешь? Какой-то цветочный аромат.

Это «Снежная королева» учуяла духи Розалин Картер. Даже после помывки. Вот это нюх!

— Первой Леди США.

— Ого! Далеко пойдешь.

— Что будем делать? — я провел левой рукой по щеке Альдоны. Другая моя рука легла на ее круглую попку.

— Ты выгоняешь Веру из группы? — ответила вопросом на вопрос девушка.

У меня перед глазами опять встал труп Середы-младшего.

— Пока не знаю. А стоит? У нас на носу гастроли в Японии. Ключевые. Мы не успеем найти и натаскать за это время новую солистку. Меня больше Саттер беспокоит. Что эта сука беспардонная еще придумает?

— О нем не беспокойся.

— Как это так? — моя правая рука сжала приятные округлости. Девушка подвинулась совсем вплотную, возбужденно задышала.

— О нем отец позаботиться — губы Альдоны начали свое путешествие по моей шее, ключице…

— Тогда может быть нам пока позаботиться друг о друге? — я потянул девушку в номер к кровати

* * *

Утром мои надежды на то, что скандал не состоится — ну мало ли, оператор (мужчина! уже смешно) не взял правильный фокус — идут прахом. Специально спускаюсь вниз на ресепшн, смотрю заголовки воскресных газет. Как и ожидалось, «ядерная карточка» Картера — на первых полосах. Но на вторых — бюст Веры! Во всех деталях и ракурсах.

Поднимаюсь к Маркову. Чиновник еще не успел продрать глаза — а я уже стучался в его номер.

— Ну в чем дело? — заспанный Андрей Иннокентьевич подтягивает на живот семейные трусы со смешным рисунком в виде маленьких синих дельфинчиков — Ни ночью ни днем нет от тебя покоя, Селезнев.

— Назначьте на завтра пресс-конференцию Красных Звезд.

— Зачем?

— Будем тушить пожар. Григорий Васильевич согласовал.

— И как же будем тушить? — заинтересовался Марков.

— Объявим о кампании по борьбе с раком женской груди. У Веры в больнице умерла бабушка — вот она и вышла на эфир в таком провокационном платье. Дабы привлечь внимание общественности бла-бла-бла.

— Этого мало — задумчиво произнес чиновник — А у нее правда умерла бабушка? — спохватился Марков.

— Андрей Иннокентьевич просыпайтесь! — я оглянулся и подмигнул Вячеславу, который подпирал рядом стенку — Нет никакой умершей бабушки. Я это все придумал. А чтобы не было «мало» — сделаем крупное пожертвование какой-нибудь венской онкоклинике на борьбу с раком. Тысяч 10 долларов.

Я произнес сумму и мысленно чертыхнулся. Явно придется платить из собственного кармана. Щелоков удавится за такие валютные фонды. Эх… дороговатенько мне Вера стала обходиться.

— Хорошо бы на прессуху заполучить какого-нибудь австрийского врача-онколога — Марков почесал лысину — Черт, сегодня же воскресенье! Где я тебе его найду??

Я пожал плечами. Это твоя работа, родной. Просто так такие должности к которым прилагается личный служебный автомобиль, высокая зарплата и загранкомандировки не дают.

— А Вера сможет нормально выступить? Как она там?

— Отпоили успокаивающими. С ней Лада. Будет весь день сидеть в номере и учить заявление. На вопросы журналистов отвечу я сам.

Попрощавшись с озадаченным чиновником, я захватив

Альдону, отправился на завтрак. А затем на срочный шопинг. Надо было задобрить Львову подарком. Которую и так ночью «задобрил» улыбающийся Леха.

— Зря ты не взял Верину маму в Австрию — произнесла «Снежная королева», пока мы шли по набережной утренней Вены — Она интриганка, конечно, но держала дочь в ежовых рукавицах. При ней такого скандала бы не было.

— Странно, что с ней вообще такая история случилась — я проигнорировал замечание Альдоны, улыбаясь туристу, который нас фотографировал — Столичная девочка, МИМО, МИД, Комсомолка…

Я почти дословно повторил аргументацию Пельше.

— И что? — на лице «Снежной королевы» появились эмоции — Когда МИМО было гарантом адекватности? Она единственный ребёнок из привилегированной семьи. Спецпайки, билеты в Большой Театр, американские джинсы, куклы Барби, поездки на Чёрное море, спецшкола, МИМО, мажорчик с шаловливыми ручками, работа в Комсомольской Правде…Затем вуаля… и она в Красных Звёздах. Через два месяца поёт на Дне Милиции, записывает видео, общается с Галиной Леонидовной, Чурбановым, Щёлоковым, на песне Года поёт, в Италию едет, в Штаты, затем Англия, теперь Австрия…. От такого у любого может сорвать крышу.

— У тебя же не сорвало. И у Лады крыша не едет.

— Менять ее надо — Альдона была на своей волне — И срочно.

Я в обалдении качаю головой. Вот они женские интриги.

— Вы же подруги?

— Подруги так не подставляют!

— Да невозможно ее заменить так быстро. Да и на кого?

— На месте Веры мечтает быть почти всё женское население СССР, от первоклассниц до бабулек у подъезда. Объяви о наборе — очередь до Владивостока выстроится. Ой, смотри какие сумки!

В витрине магазина Scheer, действительно, стояли очень миленькие женские сумочки. Одна, из крокодиловой кожи, мне глянулась особо. Я бы и маме такую купил.

— Подожди секунду с сумками — я схватил Альдону за руку, отошел подальше от охраны сделав знак Вячеславу — Как понимать, что твой отец «позаботится» о Саттере? Переговоры же идут. Да и не принято у КГБ с ЦРУ напрямую друг друга… — я замялся, не зная какое слово подобрать. Мочить? Убивать?

— Витя! — Альдона накрыла мою руку своей — Ну откуда я знаю, как сработает ПГУ и отец? Ты главное, не волнуйся. Как говорил в Бриллиантовой руке Лелик — «Все будет без шума и

пыли». Месть — блюдо холодное. Бондианы не будет. Саттера подкараулят, но только чуть позже и совсем в другом месте. Дождаться его выезда в дружественную СССР страну и устроить ему там «козу» с теми же самыми наркотиками совсем не сложно. Тюрьма на арабском востоке — это даже хуже смерти.

Меня неприятно поразил цинизм Альдоны. Нет, я конечно, понимал чья она дочь и кто ее воспитывал, но вот так в лоб…

Глава 3

Вернувшись с прогулки в отель, мы уже в лобби нос к носу столкнулся с Гором. Майкл изменился. Причесал свою гриву волос в модный хвостик, отпустил небольшие усики. Что не изменилось — так это индивидуального пошива шикарный костюм-тройка и лаковые туфли. Модник!

— Виктор! Как я рад — Гор слегка приобнял меня, настороженно покосился на охрану, поцеловал руку Альдоне.

— Привет, Майкл! Вот это сюрприз — я посмотрел на небольшой чемодан в руках продюсера — Какими судьбами в Вену? Селитесь в наш отель?

— К тебе прилетел. Сразу как услышал, что вы в Австрии — Гор покосился на стойку ресепшена, где лежали газеты со скандальными фотографиями. Мы со «Снежной королевой» автоматически посмотрели туда же.

— Слышали уже? — я скрипнул зубами — Подвели мы вас с этим визитом на Канал 1.

— Подвели? — удивился Гор — Я не ослышался? Да это самый лучший пиар после взлетевшего платья Мерлин Монро. На следующей неделе мы удвоим продажи пластинок в Штатах и Европе.

— Правда? — я покачал головой — Не бывает плохого пиара кроме некролога?

Первая засмеялась Альдона. Продюсер вслед за ней — Очень точная пословица, никогда такой не слышал. Мы можем переговорить приватно?

— Конечно, пойдемте ко мне в номер.

Под хмурым взглядом Вячеслава, мы поднялись на наш этаж, попрощались с Альдоной и зашли внутрь.

— Леш, посторожи пожалуйста, чтобы никто не беспокоил.

Мамонт приветливо кивнул Гору и протиснулся в дверь мимо нас. Мы же уселись за столик, на который Гор выложил чемодан. Щелкнул замком, откинул крышку. Внутри были плотно уложены пачки с долларами. Я мысленно застонал. Ялта, часть вторая. Сорвался в ванную — включил громко воду. Не дай бог слушают.

Гор же сиял.

— Тут триста тысяч долларов! Специальная премия для Красных Звезд. За выдающиеся — я не побоюсь этого слова — успехи! Пластинки идут на ура, тур в Японию уже оплачен, деньги поступили на наши счета на прошлой неделе. Переведем оговоренную часть обычным способом в ваш итальянский банк, а это небольшие, но приятные бонусы.

— Я не могу этого взять — жаба внутри меня вцепилась в потроха и начала их крутить.

— Почему же? Из-за — продюсер помялся — Проблемы в Союзе? Мы слышали кое-что о ваших делах.

— И из-за них тоже.

— Но ведь у вас высокие покровители.

— Именно поэтому я на свободе, прилетел в Австрию и совсем скоро лечу в Японию. Но деньги взять не могу.

— Что же делать? — растерялся Гор — Мне депонировать их в банк?

— Банковские счета теперь под контролем наших компетентных служб — я тяжело вздохнул — Нам, конечно, достанется от этого небольшой процент…

Жаба внутри разбушевалась.

— Возможно, я смогу для вас сделать что-нибудь на эти деньги? — поинтересовался американец — Какие-нибудь покупки?

— Это же огромная сумма. На нее самолет купить можно.

— Только очень небольшой — рассмеялся Гор.

— Или квартиру!

Шестеренки в моей голове заработали, жаба довольно заурчала.

— Купите на мое имя пентхаус в Вене. Где-нибудь напротив Оперы. Готовый. С отделкой, мебелью… Оплатите вперед его содержание. Скажем на десять лет.

— Нет проблем. По доверенности?

— Точно! Завтра заглянем к нотариусу и я вам выпишу доверенности на сделки от моего имени.

— Вот и замечательно! А теперь давайте обсудим гастрольный график в Японии.

* * *

Вена провожала нас проливным дождем. Капли воды били в иллюминатор пока самолет Аэрофлота набирал высоту.

— Эх… Даже с фанатами не удалось встретиться — вздохнул Завадский в соседнем кресле — По ТВ показывали, что они нас ждали на встречу в музыкальном магазине Рок-шоп.

— У меня это австрийское ТВ вот уже где — я ткнул ладонью под горло — Ты помнишь того долговязого мужика на пресс-конференции?

— Который задал вопрос о размере груди Веры? Мол, зрители присылают телеграммы, спорят?

— Ага! Это был журналист от Канал 1. Представляешь, какие суки?

— Может тебе не стоило посылать владельца канала с записью песни? — спереди между креслами появилось лицо Альдоны.

Я молча скрипнул зубами. Уела. Я еще раз посмотрел в иллюминатор. Прощай, Вена! Ты не была с нами ласкова, но мы обязательно вернемся. Тем более теперь будет куда возвращаться. На этой неделе Гор купит мне пентхаус. Конечно, покупать квартиру без осмотра (а то и неоднократного) — это моветон и может быть даже ошибка, но у меня особая ситуация. Я закрыл глаза и попытался представить себе свою будущую резиденцию.

Стоило мне только отключиться, как я услышал над ухом знакомый голос:

— Витя?! А ты почему не позвонил??

Открываю глаза и вижу перед собой Жанну. Стюардесса одета в синий, приталенный жакет и юбку. На руках — белоснежные перчатки. Жанна держит поднос с леденцами и в глазах у нее уже начинают появляться слезы. Горю! Горю синим пламенем. Краем глаза вижу, что впереди настороженно выпрямляется в кресле Альдона.

— Жанна! — я подскакиваю на ноги, хватаю стюардессу под руку — Извини, закрутился, забегался, забыл про обещание. Конечно, я подпишу тебе диск.

Под недоуменными взглядами пассажиров, тащу девушку в конец салона. Если бы тут были мобильные телефоны с камерами, то меня бы уже во всю снимали для Ютьюба. Заходим в закуток самолета, где стюарды разогревают еду. Тут сидит еще одна девчонка, которая деликатно выхватывает у Жанны поднос и идет раздавать леденцы вместо нее.

— Прости, ради бога! — я прислоняю стюардессу к борту, целую руку, «включаю Федота Стрельца» — Я мерзавец, я подлец. Я сошлю себя в Воронеж. Я сошлю себе в Елец! Только не на Магадан. Энто мне не по годам. Я пока туда доеду — опасаюсь дубу дам.

От цитат Филатова на губах Жанны появляется легкая улыбка.

Фу… Шторм миновал.

— Ты же еще совсем молоденький — смеется Жанна — Дубу не дашь.

— Да несу непойми что, самому стыдно — я отвечаю на улыбку, тихонько перевожу дух — Прости, что все так случилось… У Лехи с Зоей тоже ведь не сложилось.

— Я знаю — Жанна закусывает губку — Это Альдона там?

Альдона Веверс?

— Она.

— Автограф возьмешь у нее? Мне все девчонки в общаге обзавидуются. Про тебя никто не поверил — думают я придумала. А Зойка молчит как партизанка.

— Конечно, возьму зая.

Вижу как Жанна краснеет. Встаю ближе, беру ее за руку. Эх, где же ты Mile High Cub — неофициальный клуб любителей секса на борту самолета? Поди еще не создан. Может стать родоначальником? Я воровато оглядываюсь. Закуток закрыт шторкой, но щели есть. В туалете? Боже, у меня совсем крыша едет от подростковых гормонов.

— А это правда, что Вера показала грудь на австрийском телевидении? — Жанна сама придвинулась ко мне ближе — Девчонки шепчутся.

— Вражеская пропаганда — автоматически отвечаю я, остывая — Обсуждали проблемы рака женской груди, вот и пошли слухи.

— Вера красивая! — вздохнула Жанна, отбирая у меня руку — Хочешь чего-нибудь? Чай, кофе?

— Только неземной любви!

* * *

Таможня не дает добро. Пока только на выход. А все почему? Потому, что одна жадная звездочка не захотела расставаться с красивым футляром от подаренного ей колье, и не нашла ничего лучше, как втравить в эту опасную авантюру свою наивную подругу. Сначала ничего не предвещало скандала. Ну, попросили нас открыть чемоданы. Да, на здоровье! Ну покопались советские таможенники дольше обычного — ничего же запрещенного не везем, все уже «ученые». Оказалось — не все. Вера проходит досмотр нормально, мы с Альдоной тоже. Я с облегчением выдыхаю — пронесло. Но оказалось поторопился я радоваться. Дело доходит до Лады, и тут на наших изумленных глазах из ее чемодана таможенники достают шикарный бирюзовый футляр от Тиффани. Пустой естественно. На вежливый вопрос «а где же ювелирка?» Ладка начинает что-то блеять про «красивую коробочку, которую она подобрала в отеле». Вера в это время нервно кусает губы. Подходят две сотрудницы в зеленой форме, просят Ладу пройти для личного досмотра.

Я хватаюсь за голову, дергаю побледневшую Альдону за локоть, шепчу ей на ухо:

— Ты разве не сказала Вере выкинуть этот чертов футляр?!

— Сказала. Как ты и велел, она купила какую-то дешевку от Сваровски и бросила в фирменный пакетик вместо бижутерии колье. Про футляр я ей тоже сказала.

— И?

— Фыркнула в ответ. Ей жалко было с ним расставаться, сказала, что она знает, как его провезти. — И втравила в это безотказную Ладку. Да сколько же можно!?! Убью мерзавку…!

Лада тем временем что-то растерянно лепечет, но по ее бегающим глазам ясно, что она врет таможенникам. Подошел дежурный смены — усатый майор с рацией. Неприятности набирают оборот.

— Иди, звони отцу — я кивнул Альдоне в сторону таксофона, что висел на стене рядом с постом таможенников.

Ладу все-таки уводят для досмотра. Через десять минут колье так и не находят. Откуда бы ему там взяться. Майор стращает нас разными статьями и тюремными сроками. Требует признаться, где спрятана ювелирка. Иначе Ладу задержат для допроса и дальнейшего разбирательства. Вера тем временем прячется в толпе. — У меня ничего нет кроме пустого футляра! — рыдает Лада. — Прекратите измываться над девушкой! — возмущаюсь я. Возвращается Альдона и практически тут же на стойке раздает звонок телефона. Майор грустно слушает голос в трубке.

— Так точно товарищ генерал! Будет исполнено.

Вздыхает:- Вы свободны — это рыдающей Ладе. — А вас, товарищ, Селезнев — это уже мне — Настоятельно попросили заехать в Ясенево. Сразу же. Просили передать, что на выходе вас ждет Волга.

Лада всхлипывает и размазывает по щекам тушь вместе со слезами, ее за руку тащит Альдона. Расстроенные музыканты и сотрудники студии плетутся за ними следом. Вдалеке у самого выхода я вижу испуганную Веру. Нет, ну, что за зараза, взяла и испортила нам всем возвращение домой!

Мне машут рукой. Позади Веры стоит улыбающаяся фигура Клаймича.

— Григорий Давыдович! — я обнимаюсь с директором — Загорели, постройнели!

— Знаешь какая жара в Японии? — Клаймич целуется со звездочками, жмет руки сотрудникам студии, хлопает Леху по плечу — В начале даже отравился едой. Очень уж необычная. Потом ел почти только один рис.

— А он чистит организм! — с усмешкой подхватывает Альдона.

— Виктор, а почему Лада заплаканная? — директор

наклоняется ко мне и обдает запахом хорошего одеколона.

— Я потом расскажу — тяжелый вздох — Завтра подготовьте приказ по студии. Надо оштрафовать Веру за нарушение трудовой дисциплины на гастролях, а также лишить премии.

Ей, конечно, эта премия до лампочки — вон какой ухажер с бриллиантами объявился, но и спускать все просто так тоже нельзя.

— Даже так?! — делает круглые глаза — Что случилось??

— «Голоса» еще не доложили?

Клаймич мотает головой.

— Включайте вечером, узнаете. Или девушки расскажут. Мне надо срочно к генералу Веверсу заехать, а потом домой.

— Товарищи — директор оглядывает хозяйственным взглядом груду чемоданов, что сложили в центре зала прилета наши охранники — Прошу пройти к выходу. Я заказал автомобили из гаража МВД — вас всех развезут домой.

— Нас ждут — Вячеслав кивнул в сторону дверей, где маячили двое плечистых мужчин с короткими стрижками в строгих костюмах. Рядом с выходом, мой взгляд зацепился за яркую витрину небольшого магазинчика под названием Ольха. Он явно копировал или пародировал? знаменитую по всему Союзу сеть Березка. Те же «летящие» буквы в названии вывески, зеленые листочки в оформлении. Внутри толпилось много народу, но особых очередей к кассам не наблюдалось. Я сделал знак Вячеславу и направился к витрине. Приветливо кивнул сотрудникам КГБ, стал рассматривать ассортимент и цены.

Американские джинсы за рубли?? Я протер глаза. Точно. Не за валюту, не за чеки… Западный элитный алкоголь (была даже большая трехлитровая бутылка виски Джэк Дэниэлс), французский парфюм, чего только в витрине не было. Самый дефицит. И за рубли. Цены, конечно, ломовые, но если подобные магазины будут массово появляться в стране — это мощный удар по фарцовщикам. Резкое сокращение теневого сектора. А также недовольства народа. Ведь повсеместный дефицит — это был один из главных раздражителей, который подрывал лояльность населения к власти. К чему привела пропажа лояльности стало ясно в 91-м году, когда за Ельцина народ к Белому Дому вышел, а за ГКЧПэ нет.

Пока мы ехали в Ясенево — я и так и эдак крутил внутри себя, как построить беседу с Веверсом. Он то уже в курсе самых мелких подробностей наших австрийских похождений. Переговоры Романову я не испортил, дорожку к Картерам проложил. Но поездку сопровождали скандалы, «подходы» ЦРУ ко мне. Может ли у Веверса закончится терпение? С одной стороны

он мне много чем обязан. Главой ПГУ Имант Янович стал после того, как я слил Калугина и помог Веверсу/Щелокову его разоблачить. Заклятый враг генерала — Андропов — был повержен, карьера пошла в гору. Я знаю в подробностях об убийстве Громыко, меня не так уж просто посадить на цепь — мировая известность защищает. Плюс мои отношения с Альдоной и генерала с мамой. Плюс огромные деньги, что приносит группа. Это все активы. А пассивы?

Я бесполезен для Веверса с точки зрения информации. Айфон то в ПГУ теперь хранится. Да и история теперь может пойти по другому пути, что также уменьшает мою ценность. От меня много шума. В КГБ этого не любят. Спецслужбы ценят, как правильно процитировала Бриллиантовую руку Альдона, когда «все без шума и пыли».

Так и не придя ни к какому выводу, я положился на волю небес. Если меня сюда прислали, значит, есть какая-то цель.

* * *

В этот раз нас доставили в «Лес» со стороны Радиоцентра. Взвизгнув шинами, мы проехали большие антенные вышки, посредством которых осуществлялась связь с зарубежными резидентурами. Ясенево встретило нас ровно также как и Вена — мелким противным дожем, сильным ветром. И это лето? Мы припарковались возле главного «синего» здания ПГУ. По легенде, спроектировали здание финны, думая, что это будет гостиница. Еще одна легенда гласит: проект на два этажа «срезал» Андропов — как раз, чтобы не было видно с МКАДа. Сейчас «кольцевая» — это ад. Разделительных отбойников нет, полосы идут рядом друг с другом. Гэбэшники летели что есть мочи и я лишь молился, чтобы мы случайно не выскочили на встречку лоб в лоб с каким-нибудь мусоровозом. Настоящая «дорога смерти».

Вместо того, чтобы идти внутрь — я подошел к памятнику чекистам-разведчикам «отдавшим жизнь за Родину». Прямо так и написано. Постоял возле монумента. Сопровождающие не беспокоили. Я впервые был совершенно один. Ни Лехи, ни охраны… Девушек тоже нет. Мысленно перекрестился. Лишь шумел ветер, сверху лился дождь. Я промок, но продолжал стоять возле памятника. Шумели яблони. По преданию каждый новый глава внешней разведки сажал новое дерево. Интересно, Веверс посадил яблоню? Вряд ли. Не до того ему. Он теперь за всю страну отвечает. Пельше — старый, Романов — еще не вошел в курс дела, да и занят интригами в Политбюро. Именно тут, среди

шумящих яблонь — мозг страны.

Я вошел в приемную главы ПГУ в легком шоке. Дело было в новом секретаре. Он у Веверса поменялся. Вместо прежнего майора в приемной сидел… молодой Путин. Я сначала его не узнал. Вежливо поздоровался, повесил пиджак на вешалку. ВВП тоже не обратил на меня особого внимания, лишь кивнул и позвонил по шефу по внутреннему телефону. Доложил. В приемной было пусто. Кто же назначит прием секретным сотрудникам, когда в здании посторонний?

Я уселся на стул, схватил с журнального столика какую-то газету. Но читать не получалось, мой взгляд то и дело обращался к Путину. Постепенно, не сразу, пришло узнавание.

Ну молодой, худой, заостренное лицо. Волосы еще не пропали с головы, глаза блестят, движения быстрые. Уже чувствуется энергетика! Сижу, охреневаю. Подойти автограф что ли взять? Так ведь не даст. Да и смысла в подобном мероприятии нулевой. Не быть уже ВВП президентом.

Что же в нем такого, что Ельцин, а точнее Волошин с «семьей» выбрали его преемником? Аж на двадцать лет. Верный? Сто процентов. Не сдал Собчака даже тогда, когда тот проиграл Яковлеву Питер — эвакуировал больного шефа в Германию. Все договоренности с «семьей» выполнил. Ельцин умер своей смертью, глобального передела собственности не случилось. Анкета? Разумеется. Все как положено. Русский, партийный, православный… Последнее, конечно, сейчас экзотика. Скрывает. Интересно, а есть у него под рубашкой костюма крестик? Наверное, нет. Системный? Очевидно. Если бы не Веверс, поехал бы в резидентуру ГДР. Делал бы карьеру. Штази, Дрезден… Особых, успехов не достиг, но получил важную прививку от излишнего либерализма. Во время одной из демонстраций в Дрездене, последовавшей за падением берлинской стены, толпа попыталась ворваться в дом, где тогда размещалась резидентура КГБ, и вынести архивы спецслужбы, касающиеся, в том числе, и граждан Германии. Дом охранялся автоматчиками, и Путин хладнокровно объяснил разгоряченным гражданам Германии, что он — простой «переводчик», но он знает, что охраняющие вверенное ему имущества солдаты получили приказ стрелять. Остудил толпу, спас секретные документы.

— Когда Имант Янович меня примет? — я решил начать с простого и естественного вопроса.

— Буквально пять минут обождите — Путин бросил на меня быстрый взгляд — Сейчас освободиться.

— Ко мне можно на «ты». Не такая я уж важная птица.

— Ну что ты, Виктор — усмехнулся ВВП, перейдя на «ты» —

Неважных «птиц» генерал Веверс не принимает. Под тебя в графике даже целое «окно» устроили.

Путин махнул рукой на пустые стулья и кресла.

— А вы недавно у генерала работает? Сами откуда родом?

— Извини, об этом нельзя. У нас правила.

— Простите, не подумал. О чем тогда можно говорить? Ваше имя узнать можно? — я встал со стула, подошел ближе. В профиль Путин выглядел совсем каким-то пацаном. Ощущения, словно я какой-то хронотурист.

— Владимир.

— А по отчеству?

— Тоже Владимирович.

— Ну вот и познакомились!

На секретарском столе зазвонил один из многочисленных телефонов. Путин поднял трубку, молча выслушал приказ и тут же кивнул мне на вход в кабинет. Я толкнул дверь, за ней оказалась еще одна. У Веверса появился сложный шлюз-тамбур с камерой на потолке. Оно и ясно. Секретные гаджеты из будущего. Вторая дверь автоматически щелкнула и я, наконец, оказался в кабинете.

Веверс выглядел не очень. Красные глаза, ввалившиеся щеки. Но выбрит чисто, активен. Встал, пожал мне руку, лично налил чаю. Я думал пошутить — демонстративно попробовать напиток языком. Намекнуть на тот допрос под «препаратами». Но потом передумал. Не до шуток сейчас генералу.

— Как там ГэПэ поживает?

— Э…??

— Главный Противник — учи терминологию — устало улыбнулся Веверс.

— ГэПэ бодр, нагл, пытался меня вербовать на условно нейтральной территории — я включился в игру — Имант Янович, хочу сразу покаяться, в Вене были проблемы…

— А когда их у тебя не было? — пожал плечами генерал — По истории с Саттером претензий нет. Наоборот, ты нам здорово помог. Удалось вскрыть всю австрийскую сеть ЦРУ.

Ясно. За мной следили.

— Романов уже подал неофициальный протест канцлеру. Если американцы не высылают своих через чур наглых сотрудников — мы делаем утечки в СМИ и устраиваем скандал. Канцлер уже согласился с нашей позицией.

— Даже так?

— Нарушение негласных правил — Веверс подул на горячий чай — Нельзя вербовать членов официальных делегации, что прибыли на встречу с твоим начальством.

— Это вы про Картера?

— И про него тоже.

— Ну а вам какой «профит» от этого? — я покосился на специальный держатель, в котором был закреплен айфон. Судя по всему на экране был включен график… того самого серебра, ставки на которые я делал через итальянский банк. Значит, и термин «профит» теперь генералу очень даже привычен.

— Полгодика Вена будет «условна» свободна для наших операций — Веверс проследил за моим взглядом — Пока ГэПэ не инфильтрует туда новую сеть. Это и есть наш, как ты выразился, «профит».

— Да, да, это серебро — Имант Янович ответил на мой невысказанный вопрос — Пользуемся твоими заготовками. Спасибо тебе.

— Зачем вы взяли к себе Путина? — я резко сменил тему, решив особо не расстраиваться из-за биржевых прибылей Веверса. Моих прибылей! Ладно, чего там травить душу. Легко пришло, легко ушло. Хотя, конечно, «спасибо» в карман не положишь.

— Сначала стало любопытно познакомиться, понять, почему история вынесла его «наверх» — генерал встал, прошелся по кабинету — А потом у моего штатного секретаря нашли язву, он лег в больницу и я взял Владимира на подмену. Пока не разочаровался.

— Вы меня для чего вызвали? — я тяжело вздохнул и опять решил сменить тему — Если за выволочкой, то я готов. Начинайте.

— Выволочкой? — удивился Веверс — Еще раз. За Вену спасибо, претензий нет. С Верой сам решишь, что делать. Колье сдадите в Гохран — шум поднимать не будем. Саттера мы прищучим. С Трампами тоже плотно поработаем. Пригласим в Москву. Вон проект Совинцентра уже готов. Пусть строят.

— Хаммера решили подвинуть? — я сильно удивился.

— Такого подвинешь — генерал, закрыв глаза, помассировал веки — Через него много важных поставок идет. Дадим ему другой проект в «кормление». Что еще? Знакомство с Картерами будем развивать. Им еще год в Белом Доме сидеть.

— Я никакие жучки на гастролях ставить не буду! Да и проверят после нас.

— Прямо обидно такое слышать — расстроился Веверс — Я же не Цвигун, так мелко играть не буду.

— Тогда зачем я тут? — я совсем растерялся — На Путина посмотреть?

— Вот, пришли допросы твоего ялтинского «каратиста» — Имант Янович покопался в столе, нашел синюю папку, подвинул

ее ко мне. В ней и было много всяких официальных документов, протоколов — Его и правда наняла Пугачева устроить драку с твоими фанатами. Что будем делать с «примой»? Прощать или наказывать?

Надо же… «Прима!» Нахватался слов из будущего. Вот и отдавай айфон.

— Есть какие-то предложения? — я решил взять паузку. Полистал папку.

— Шум поднимать не хочется. И так к твоим ялтинским приключениям много внимания. Каратист свое получит, а вот Пугачеву можно прищучить по-другому. Если захочешь, конечно — Веверс глотнул чаю, хрустнул сушкой из вазы — В июле в газете «Советская Россия» выйдет заметка. «Все ли прощать?» за авторством Петрова. Журналист такой известный. Он уже собирает для нее материалы. Я почитал в айфоне — статья будет так себе. По письмам читателей. Дескать, доколе «прима» будет так развязано вести себя на сцене, плоско и неприлично шутить. Ну и так далее. Можно подкинуть Петрову информацию посерьезнее. О фальшивом композиторе в фильме «Женщина, которая поет».

— Что за фальшивый композитор? — удивился я.

— Музыку для фильма писал Зацепин. Но там есть несколько песен некого Бориса Горбоноса. Это сама Аллочка, которая захотела денег и на этом заработать тоже. Зацепин был против, вот и пришлось придумывать фальшивого композитора. На «Мосфильме» захотели подписать с Борисом официальный договор. Алла выдумала целую историю — дескать, Горбонос полупарализованный юноша, живет в Люберцах, приехать на студию не может. Сделала фотографии! Надела костюм с галстуком, наклеила усы. Ее муж Стефанович сфотографировал за роялем издалека. Эти фотографии она принесла на «Мосфильм» как доказательство существования Горбоноса.

— Ей у вас в ПГУ надо служить — засмеялся я.

— Точно — Веверс допил чай, отставил чашку — Короче можно сообщить аккуратно журналисту, что никакого Горобоноса в природе нет. Петров покапает, проведет расследование, опубликует «бомбу».

— И Аллочке конец — я хлопнул рукой по папке — Это же почти уголовка. Пахнет мошенничеством. «Мосфильм» много заплатил «Горбоносу»?

— Я не интересовался. Но можно узнать. Ты точно хочешь ее утопить?

Я серьезно задумался. С одной стороны Пугачева не очень корректно повела себя со мной. Ну зачем было устраивать драку

возле студии? Это какие-то запредельные методы борьбы. С другой стороны хочу ли я ее посадить? Ведь этим все может закончится. Да и по Зацепину прилетит. Он же, наверняка, знал о «Горбоносе», но промолчал. Потом конкуренция в советском шоубизнесе все-равно нужна. Алла талантлива, нахраписта, не дает никому вокруг застыть памятником самому себе. Но Пугачева — это Бобков, который за ней стоит. И который по слухам метит на место Председателя КГБ. Черт, как все сложно.

— Ты езжай домой, подумай — резюмировал Веверс — Время еще есть. Статья 6-го июля должна выйти.

Я допил чай, встал.

— Поеду. Утро вечера мудренее.

— Передай маме — провожая меня, произнес Веверс — Меня сегодня не будет, тут ночью одна важная операция намечается, я должен быть на работе. Переночую в ПГУ.

Ага, плавали, знаем. После таких операций на серебряных блюдах отрезанные головы появляются. Промолчал, естественно.

— Хорошо — я кивнул — Только вы ей и сами тоже позвоните, хорошо?

— Конечно!

* * *

Дедушка был счастлив. Улыбался, обнимал меня. «Чудо-лопатка» рыбака, которую я привез из Вены, включала в себя: мотыгу для копки червей, пилу, встроенную зажигалку, два герметичных контейнера, крестовую отвертку, открывашку для бутылок, нож для разделки, наконец, рогатку-экстрактор для извлечения крючков. Вся радость — триста шиллингов. Около пятидесяти долларов.

— Ну удружил! Спасибо, внучек — дед на радостях хватанул третью по счету рюмку водки.

— Пап, ты бы закусывал — рядом за столом с нами сидела мама, которые подкладывала нам на тарелки разные вкусности. У нас сегодня был праздничный ужин. Блудный Витя вернулся с гастролей, кроме того Красных Звезд показывали по 1-му каналу аж дважды. Позавчера повтор концерта на День Милиции. По просьбам трудящихся. Четыре дня назад — в Утренней Почте. Родственники, разумеется, смотрели. Как и вся страна.

— А это тебе, мам — я вытащил из пакета крокодиловую дамскую сумку, а также знаменитый торт Захер в деревянной коробке. Сумке на работе все обзавидуются.

— Ой, Вить, я же сладкое сейчас не ему — мама чмокнула

меня в макушку, с удовольствием пощупала сумку и с сожалением отложила в сторону торт — Ты лучше сладости в студию отнеси.

— Чего это ты сладкое не ешь? — удивился я — А торт мы сами съедим.

— На диету Люда села — хмыкнул дед — Хочет генеральшей стать.

— Папа!! — мама вскочила из-за стола и начала звенеть посудой в кухне.

— Что нового в стране? — поинтересовался я, подчищая тарелку.

— В стране не знаю — дед налил себе еще «Старки» — А вот недалеко от дачи частный пруд появился. «Лагуна» теперь называется.

— Это как?? — кусок селедки вывалился у меня изо рта.

— Сосед пошел в исполком, взял в аренду пруд. Ну тот самый где мы еще купались в прошлом месяце. Почистил берег, убрал мусор, поставил мостки. Запустил рыбу. Карп, карась…

— И почем удовольствие?

— Не дешево. Три рубля день. Вылов — пять килограмм.

— Я ему еще посоветовал мангалы поставить — дед щелкнул зажигалкой в лопате, полюбовался — Выловил и сразу пожарил. Компаниями можно приезжать.

— Коптильню можно устроить — подхватил я — Сдавать на прокат удилища и снасти…

Дед согласно кивнул.

— Нет, меняется что-то в стране. Разве раньше можно было представить, что будут частные пруды?

— Кажется, на ВДНХ такой был — подала голос мама — В 50-е.

— Ну ты сказала, Люд! — покачал головой дед — Какой же он частный? Государственный. Покупай билет — рыбачь. Да, ходил я туда, когда в Москву в командировку приезжал… Мелочь кошке поймал. При Хрущеве это еще было. Нет, государственный с частным не сравнить. У чиновника какой интерес развивать дело? Никакого. А частник наизнанку вывернется, чтобы клиента удоволить. Вот увидишь, Вить, скоро форель будем ловить.

— Ел я ее в Австрии. Костлявая — сил нет.

— А чего Леша не приехал? — поинтересовалась мама, ставя на порезанный стол Захер и чай — Только позвонил сказать, что прилетели и его сегодня не будет.

— Со Львовой поехал. К ней домой — помявшись сказал я — Помочь ей с багажом.

— С Танечкой? — мама покачала головой — Она же старше

его, двое детей.

— У нас в армии таких эРэСПэ называли — крякнул дед — Но некоторые бойцы переписывались, да…

— РСП?? — термин был мне не знаком.

— Разведенка С Прицепом.

— Папа! — мама возмутилась — Это неуважительно к женщинам. Да одиноким матерям памятник нужно ставить.

— Та же Львова — наш лучший сотрудник — согласился я — Да и человек хороший. Хотя и непростой.

— А я что? — пошел на попятную дед — Я ничего, может и правда, Лехе, повезло. Но я бы на его месте молодую искал. Ты говорил он со Светой встречался? Вашим парикмахером.

Мнда… Вот еще одна «бомба» под коллективом появилась. Мамонт насмотрелся на мои похождения и тоже пошел вразнос. Надо с ним поговорить. С другой стороны, он меня ткнет носом в мою «Санта-Барбару» и будет прав. Эх, это он еще не знает о симпатиях к Александре. Надо ей еще раз набрать.

— Стилистом!

— Нахватались западных слов — поморщился дед — Но я бы все-равно на его месте с молодой встречался. Не пошло со Светой, вон Лада ваша, не девка — конфетка!

— Молодые — они глупые — вздохнула мама — Ветер в голове. А красивая певица — это всегда ревность. Будет хвостом крутить на гастролях…

Я тоже тяжело вздохнул. Просто пророчество. Но не про Ладу, а про Веру.

Глава 4

Утром я вскочил ни свет ни заря. Быстро сделал зарядку и сам принялся готовить завтрак. Яичница с помидорами только начала жариться, как в дом тихонько просочился Леха.

— Есть хочешь? — я кивнул на сковородку.

— Неплохо бы — желудок «мамонта» призывно заурчал.

— Бери тарелку.

Я быстро порезал хлеб и докторскую колбасу, поставил чайник. Леха помог мне накрыть на стол и мы в четыре руки принялись завтракать.

— Татьяна не покормила? — я подобрал корочкой разлившееся яйцо и посмотрел на друга.

— Спала — тяжело вздохнул Леха и отложил вилку с ножом — Только, Вить, ты не говори никому ничего, ладно? Особенно Свете.

— Ты думаешь, она не заметила, что вы вчера из аэропорта уехали вместе со Львовой?

— Не заметила! Ее Волга ушла первой.

— Леша, ты по тонкому льду ходишь — я встал и снял посвистывающий чайник. Выключил плиту, быстро покидал тарелки в мойку. Заварил чай, достал из холодильника вчерашние остатки Захера.

— Торт будешь?

— А давай! — «мамонт» похлопал себя по животу, посмотрел на часы — Успеваем на утреннюю тренировку к Киселеву. Там и растрясем.

— А дети? Куда делись сыновья Львовой? — этот вопрос меня волновал больше, чем порция мучений, что мне предстояла в компании тренера сборной по боксу после Захера.

— На даче с бабушкой — Леха запихнул в себя большой кусок торта, начал сосредоточенно его жевать.

— Мой тебе совет. Поговори со Светой. Не иди по моим… э… стопам.

— Свете будет тяжело — вздохнул «мамонт» — Ненавижу женские слезы.

— Иначе тяжело будет уже тебе. И Львовой. Когда — я даже не говорю «если» — когда все всплывет. Представляешь, какая атмосфера будет в коллективе?

— Она и так накалена — пожал плечами Леха — Ты что с Верой собираешься делать?

— Оштрафую. Из тех денег, что мы платим неофициально. Поговорю с ее мамой. Если не подействует — расстанемся.

— Ясно. А с Александрой?

Я чуть не подавился Захером.

— С чего ты взял??

— Видел, как ты на нее смотришь. Да и она на тебя похоже запала.

— Сильно сомневаюсь.

— Это почему же?

— Говорил с ней вчера вечером по телефону — я отодвинул тарелку с тортом, глотнул, обжегшись, чая — На северном полюсе больше тепла, чем в ее голосе.

— Нет, ну а что ты хотел? — Леха позвенел ложкой в чашке — Уехал в Австрию, ее с собой не взял, небось, и про наши «скандалы» по голосам наслушалась… Потом еще себе и додумала.

— Ладно, с этим разберемся. Крикни ребят из 9-ки и поехали.

На тренировку мы прибыли прямо в разгар очередного скандала. Киселев в спортивном зале орал на какого низкого крепыша в спортивном костюме. Тот только разводил руками.

— Что за шум, а драки еще нет? — поинтересовался я.

— Глянь, какие новые перчатки нам привезли — тренер кинул мне красную пару. Я ее помял, взвесил в руке.

— Да вроде все нормально.

— Нормально? Гриша! Подойди к нам — Киселев крикнул вглубь зала. Подошел один из боксеров, одетый в спортивные трусы и майку. На правой и левой щеке у него краснели полосы. Которые он пытался безуспешно оттереть.

Я несколько раз провел пальцем по поверхности перчатки и засмеялся. Краска слезала слоями.

— Нам самим такой инвентарь с базы привезли — развел руками крепыш — Акты все подписаны.

— Это же брак! — Киселев опять начал заводиться — Ты, Виталик, понимаешь, что мы сборная СССР! Спортивная витрина страны. Что о нас иностранцы скажут, когда увидят это?

— Леня, да выкинь ты их и все! — помощник тренера начал стаскивать перчатки в одну кучу.

— Как же… Выкинь. А если проверка? А если инвентаризация? Нет уж, давай составлять акт по списанию. А ты, Селезнев, иди переодевайся. Коростылев и ты тут? Давай, разминайся и к грушам.

Получив все ЦУ мы приступили к тренировке. Два часа пролетели незаметно. Киселев отмяк и с удовольствием работал с нами. Под конец тренировки я еще и отличился. Не спортивным результатом — хотя с ними было все в порядке, тренер даже похвалил за возросшую скорость — а идеей шахбокса. Дескать, за

границей сейчас появляется новое направление. Шахматы и бокс. Сокращенно — шахбокс. Новая спортивная дисциплина, победитель которой определяется в 11 раундах. Четные проходят на ринге, а нечетные — за шахматной доской. Победителем становится тот, кто первым выиграл боксерские раунды нокаутом или же поставил мат в шахматной партии. Пока рассказывал — вокруг нас собрались все сборники. Стоило закончить рассказ, как парни бросились искать шахматную доску. Киселев лишь рассмеялся.

— Чего только западники не придумают! Но давайте попробуем. Может меньше будет анекдотов ходить, какие боксеры тупые.

* * *

После тренировки мы поехали на Огарева. Примчались в самый разгар рабочего дня. Милиционеры в форме спешат по делам, в лифтах — битком народу. Приходится подниматься в кабинет Щелокова по лестнице.

— А Николая Анисимовича нет — разводит руками молодая, привлекательная секретарша. Блондинка. Вот это номер! Такая красавица в приемной и куда смотрит Светлана Владимировна? Это же мина замедленного действия под министром. Мнда… Все течет в этом мире, все меняется. Сколько лет Щелокову? 69? Седина в бороду, бес в ребро. Хотя может я и зря себя накручиваю, а у министра лишь деловые отношения с подчиненной?

— Он принимает немецкие автомобили во дворе — девушка кивнула в сторону окна и улыбнулась. На щеках появились милые ямочки — Подпишешь фотографию?

Ух ты! Мы сразу на «ты».

— Фотографию??

— Выпросила у Николая Анисимовича дубликат — секретарша засмущалась и покраснела. Достала из сумочки фотку, где я позирую вместе с Щелоковым и Чурбановым в нашу первую встречу на Огарева. Министр тогда еще посетовал, что он не в мундире. А я пошутил: — А зачем мундир? Я же с человеком фотографируюсь, а не с мундиром!

— Кому подписывать? — я присел на краешек секретарского стола, взял ручку.

— Мне. Елене.

— Леночка, очень рад познакомиться — я поставил размашистый автограф на обратной стороне фотографии —

Разрешите подарить презент из Австрии?

Я достал из кармана брелок для ключей с кристаллами Сваровски. Этих презентов я накупил в Вене целую кучу.

— Ой, какая прелесть! — Лена признательно на меня посмотрела и еще больше покраснела.

— Гхм — сзади кто-то предупредительно кашлянул. Леха! А я и забыл про него. Пухленькие губки Лены полностью отключили мой мозг.

«Я не прощаюсь с тобой, не прощаюсь,
То и дело к тебе возвращаюсь!»

Беру Лену за руку. Чувствую, как она дрожит. Высокая грудь вздымается от волнения.

«Утром и вечером, днем, среди ночи,
Выбрав дорогу, какая короче».

— Гхм!! — Леха кашляет совсем громко. Я целую руку девушки и стремительно выхожу из приемной. Сзади топает «Мамонт»:

— Вить ты совсем офонарел клеить секретаршу Щелокова?!?

— Ему можно, а мне нельзя? — я засмеялся. Мы в одиночестве спускались по лестнице — Шучу, шучу. Ничего я ее не клеил. Работал с фанатами группы.

— Откуда ты знаешь, что ему можно? — удивился Леха — Может у них чисто рабочие отношения?

«Мамонт» слово в слово повторил мои мысли.

— С такой блондиночкой? Да это мертвым надо быть. А Щелоков еще ого-ого мужчина!

— А стишок откуда?

— Сочинил, пока разглядывал эту прелестницу. Может песню какую придумать?

«Так не бывает, так не бывает,
Я потерялся, я пропадаю.
И мне бы на берег, а я в воде по колено
И все повторяю: „Елена, Елена“».

— А ничего вроде — Леха хлопнул меня по плечу — Только «с водой по колено» не очень как-то в рифму.

Мы спустились во внутренний двор министерства, где стояло

несколько мужчин в строгих костюмах. Рядом маячило несколько человек в милицейской форме.

Стояли они вокруг новеньких, блестящих Mercedes-Benz S-класса. Два синих автомобиля были уже в милицейской раскраске и с мигалками. У белого был открыт капот. В него то и заглядывал Щелоков. Я подошел ближе, поздоровался.

— А, Витя! — Николай Анисимович вылез из-под капота — Познакомься. Это господа из Даймлер Бенц. Компания дарит нашему министерству три автомобиля. К Олимпиаде.

— Хотят стать генеральными спонсорами — уже шепотом на ухо произнес Щелоков, покосившись на Вячеслава с охраной, которые застыли рядом.

Мы пожали с бундесами друг другу руки, я сказал по-английски пару теплых слов про их продукцию. После чего немцев повели на экскурсию по зданию, а мы с Щелоковым сели в белый автомобиль.

— Ты, кажется, уже полгода на кальвинском Мерседесе разъезжаешь — поинтересовался министр, разглядывая пробег на приборной доске — Как тебе он?

— Машина-зверь — заверил я Щелокова — Ни одной проблемы. Николай Анисимович, я там вам и Светлане Владимировне подарки привез из Австрии.

Пакеты с презентами держал Леха. «Мамонт» ходил вокруг милицейских моделей и пинал шины. Давление что ли проверяет?

— Подарки это хорошо — задумчиво кивнул министр — У меня тоже есть для тебя подарок. Отборочная комиссия Минкульта СССР объявила, что этой осенью Красные Звезды едут на международный фестиваль в польский город Сопот.

У меня отпала челюсть.

— Это шутка такая??

— Нет, вчера к нам официальное письмо пришло. За подписью Демичева.

— Да зачем нам в Сопот?! — вскричал я — Это же для начинающих, молодых исполнителей.

— А ты у нас такой опытный и старый, что песок сыпется? — Щелоков стукнул кулаком по рулю — Ты Витя зазнался. Разъезжаешь по капстранам, в скандалы встреваешь… А теперь будь любезен поучаствовать в фестивале союзной нам социалистической страны. У соседей сейчас все очень не просто, приезд Красных Звезд будет настоящим праздником для поляков.

— Николай Анисимович — зашел я с другой стороны — Это же под вас копают! Почему Минкульт приказывает ансамблю студии МВД? Ведь от нашего министерства на этой комиссии

никого не было, правильно?

— Точно — Щелоков нахмурился — Даже не предупредили. Да и тебя, советника по культуре Романова, не позвали.

— Ну, допустим, я был на гастролях.

— С тобой просто не считаются. Думают, это блажь Генерального.

А моя должность и есть блажь Генерального. Впрочем, не будем о грустном.

— Ладно, пусть. А как же виза Демичева? Он ведь в Политбюро не входит, но его кто-то оттуда курирует и дал добро на Сопот?

— Суслов у нас за культуру отвечает. И за идеологию.

— А теперь представьте — осталось сделать последний шаг — В этой Польше будет больше 200 исполнителей со всех стран. Вдруг случится какой-то инцидент с нами? По типу той драки с Кикабидзе. И вдруг Суслов его уже готовит?

Щелков задумался.

— Да… С такой стороны я это все не рассматривал. То твое персональное дело в обход комсомольской организации МВД, то эти доносы…

— Какие доносы? — поинтересовался я.

— Не бери в голову, разберемся — Щелоков повернул ключ зажигания и Мерседес приятно заурчал — Ну что? Хочешь, чтобы аж целый министр покатал тебя по городу?

— Хочу. А можно мы по дороге обсудим квартирную проблему? Моим ленинградским музыкантам жить негде.

Пока целым кортежем, мы нарезали круги вокруг Огарева, успели обсудить и визит в Вену и получение квартир. Щелоков попросил потерпеть — через полгода сдавался новый ведомственный дом в районе Алексеевской. Нам там было обещано выделить 5 квартир.

Министр вернулся во внутренний двор, стал что-то обсуждать с пришедшими после экскурсии немцами. А я откинувшись в сидении машины еще раз обдумал ситуацию с фестивалем. Было кое-что, о чем я министру не сказал. В прошлом, 1978 году, на фестивале победила Пугачева со своей «Все могут короли». И этой осенью она неизбежно будет присутствовать в Сопоте, как почетный гость. А зная ее характер, «прима» обязательно устроит там свару на радость полякам. Нет, надо все-таки решать с ней что-то. Мы ведь и на других фестивалях можем случайно пересечься. Дам отмашку Веверсу по Горбоносу.

* * *

— Куда теперь? — Леха любовно протер приборную доску нашего Мерса специальной тряпочкой — Вячеслав еще раз просил заранее сообщать ему маршрут наших передвижений.

— Да не знаю я маршрута! — выглянул в окно, глянул на машину сопровождения.

Мы стояли на перекрестке на выезде на улицу Горького. Автомобилей вокруг было мало, пешеходов тоже. Рабочее время. Солнышко светит, птички поют, а я мотаюсь по городу высунув язык.

— Надо ехать в студию, но тут кое-что выяснилось — я задумался — Лех, а ты знаешь, где здание министерства культуры?

— Откуда?

— Припаркуйся пока — сейчас глянем — я вытащил из бардачка справочник Адреса и телефоны.

— Чего остановились? — из Волги сопровождения вышел Вячеслав и подошел к нам.

— Ищу адрес министерства культуры.

— Калошин переулок. Это на Арбате. Езжайте за нами.

Через полчаса мы уже были на месте и входили в старинный серый особняк с фигурами рыцарей. К моему удивлению, на первом этаже располагался… магазин Самоцветы. Вывеска дублировалась и на английском языке. Для зарубежных туристов расстарались? И как это магазин с официальным учреждением соседствует? Экзотика.

В министерстве жизнь била ключом и даже имелась проходная, сквозь которую впрочем, мы прошли быстро. Вячеслав показал свое удостоверения и нас мигом проводили в приемную Демичева. Но вот дальше пожилая монументальная секретарша с высоким зачесом встала насмерть.

— Не пущу! — она закрыла собой дверь кабинета — У министра совещание. Без записи не пущу.

— Да мне на пять минут. Я Селезнев.

— Хоть Пугачева, хоть Райкин. Не пущу!

— Я советник Романова по культуре! — вытащил из внутреннего кармана пиджака свою ксиву-«вездеход».

— Петр Нилович занят.

Я в растерянности посмотрел на Вячеслава. Тот покачал головой. Второй раз за день меня секретари в ступор вводят. Отступать тоже нельзя — в приемной сидит куча народа, смотрят на меня с интересом.

«Хорошо, когда женщина есть:
Леди, дама, сеньора, фемина».

Громким голосом в стиле Миронова пропел я первые строчки песни «министра-администратора» из «Обыкновенного чуда»:

«А для женщины главное — честь,
Когда есть у ней рядом мужчина.
И повсюду, тем более здесь,
Где природа дика и невинна…»

Я добавил голоса, обвел глазами приемную, посетители заулыбались и засмеялись.

— Прекратите хулиганить — секретарша была в растерянности.

Припев я благоразумно опустил, начал сразу следующий куплет. Еще громче:

«Вы мой ангел, вы мой идеал,
Моя звездочка, ягодка, рыбка…»

Встал на колено и взял холеную руку секретарши. Та залилась краской. Про хорошую грудь и улыбку как коралл петь не пришлось. Из кабинета выглянул Демичев. Моложавый мужчина с ранней сединой и в очках.

— Что тут происходит?? — министр застегнул пиджак и официально посмотрел на меня.

— Петр Нилович — я встал с колена, протянул руку. Не очень, конечно, вежливо, но что делать…

— Пять минут вашего времени. Моя фамилия Селезнев.

Министр поколебался, но под взглядами окружающих пожал руку и приглашающе кивнул в кабинет. Никакого совещания внутри не было — секретарша мне наврала. Длинная комната была пуста, если не считать многочисленных шкафов с книгами классиков. Рядом со шкафами висело два портрета — Ленина и Романова. Демичев подошел к переговорному столу, уселся.

— Мне говорили, что ты наглый парень — покачал головой министр — Драка с Кикабидзе, это твои зарубежные выходки. Что за концерт ты устроил в моей приемной?

Да… Демичев решил меня сходу приструнить. Начал с наездов, на «ты»… А ведь современники отзывались о нем как о деликатном и умном человеке. Три высших образования, кандидатская по философии. На фоне предшественницы — хамской Фурцевой — небо и земля.

— Петр Нилович — я уселся за стол напротив — Я не знаю, что вам про меня наговорили. Но я пришел к вам сугубо по деловому вопросу. Извините за концерт — ваша секретарша это нечто.

— Это же слова песни «министра» из Обыкновенного чуда? — заинтересовался Демичев.

— Да. Андрей Миронов как то на встрече напел — соврал я, не моргнув глазом — Вот и запомнилось. Только припев из головы вылетел.

— Ну ладно, певец — усмехнулся чиновник — Говори, зачем пришел.

— За вашей подписью бумага в МВД пришла. Вы хотите отправить Красные Звезды на фестиваль в Сопоту.

— Действительно — кивнул министр — Результаты группа показывает хорошие, продажи пластинок рекордные. На гастролях вас уже «обкатали», включая зарубежные. Вон даже в пул Генерального в Австрию взяли. Пора вас показать так сказать лицом на международном фестивале. Сан-Ремо я не считаю — это «пристрелка» была.

— Нельзя нам в Польшу, Петр Нилович!

— Это почему же?

— Мы в августе в Италию на гастроли едем. Договор уже на согласовании в МВД — опять соврал я — А вы знаете, как сейчас с политической точки зрения важна для нас Италия. Польша никуда не денется — с удовольствием поедем в следующем году.

Демичев задумался. Ну давай! На тебя надавил Суслов. Деваться было некуда — Минкульт вписался в эту историю. Теперь я даю тебе железную отмазку «съехать» с темы.

— Тем более — аккуратно продолжил я — Мы оба умные люди…

Министр усмехнулся, кивнул мне на поднос, где стаял чайник с чашками. Я покачал головой.

— И оба понимаем, что поляки второй раз подряд нам первое место не дадут. К ним просто тогда перестанут приезжать исполнители из социалистических стран. А зачем? Советы все равно заберут приз. Состязательность пропадет.

— Ну а если вы объективно лучше? — подыграл мне Демичев — Музыка у группы и, правда, отличная! Особенно, «Мы желаем счастья вам». Моя жена очень любит эту песню.

— Я все понимаю — прижимаю руку к сердцу — Но это же политика! Куда нам против нее.

— Ладно, я обдумаю и свяжусь с Щелоковым — резюмировал министр — Подпишешь пластинку для жены? У меня где-то диск был…

* * *

Быть на Арбате и не пообедать в Праге — это преступление против человечества. Тем более после наших прошлых визитов в компании высокопоставленных товарищей нас там хорошо знали. Пустили мгновенно, проводили в зеркальный зал. Там мы были вообще одни — соседние столики пустовали.

— Борщ, сациви, хачапури, шашлык по-карски — быстро сделал заказ я — Еще пару овощных салатов и Боржоми.

— Мне тоже самое — кивнул Леха официанту, даже не глядя в меню. Наши охранники за соседним столиком достали что-то свое из контейнеров. Им запрещено питаться ресторанной едой? С другой стороны может быть это и правильно. Вдруг попытаются отравить.

— Вить, я тут Димону вчера звонил — «мамонт» повертел в руках вилку — Болтали об общих знакомых, ну и слово за слово… Спрашивает можно ли ему у нас работать? Он передумал.

— Он же в моряки пошел? Во Владик уехал — удивился я — Вернулся из рейса?

— Вернулся. Привез на продажу твои пластинки американские, кстати.

— Ты бы поосторожнее такие разговоры по телефону вел — я тяжело вздохнул — Сомневаюсь, что он у нас приживётся.

Принесли Боржоми, мы сразу оба выдули по стакану. Пузырики ударили в нос.

— Это почему? — Леха набычился — Ты насчет того разговора? Когда Димон характер проявил свой?

— Во-первых, характер — согласился я — Он у него же с тех пор не изменился, правильно? Во-вторых, мне его банально поселить некуда. Квартиры Щелоков обещал только через полгода. Как бы музыканты наши ленинградские не сбежали за это время.

— Да куда они сбегут от загранок то — усмехнулся «мамонт».

— К загранкам быстро привыкаешь. А жить где-то надо.

— К хорошему вообще быстро привыкаешь — вздохнул Леха.

— Наконец, мне просто нечем его занять в студии. С охраной у нас вопрос решен, на монтажные работы мы нанимаем временных рабочих, разве что открыть собственный фирменный магазин грампластинок — задумался я — Или ночной клуб.

— Как это?! — поперхнулся Боржоми Леха.

— Ну посуди сам. Сейчас Романов реформы проводит. Дает больше свободы в предпринимательской деятельности. Ты уже видел частные магазины в аэропорту?

— Видел.

— Почему бы нам свой фирменный не открыть? Атрибутика Красных Звезд, сувениры, пластинки и кассеты… Такое место может стать популярным у туристов. Плюс нашим фанатам там можно комнатку отвести — а то толкутся возле студии….

— А ночной клуб?

— Тоже идея на перспективу. Где сейчас может культурно отдохнуть москвич? Ресторан, кино, театр. Парк Горького и то в 10 закрывается. Ладно, футбол, хоккей. Все.

— Бега!

— Это днем, ночью какие бега?

— А так пришел на концертную дискотеку, тут тебе и ресторан с баром, и сцена с танцзалом…

— А Димон тут причем?

— Администраторы нужны. Верные, надежные люди. Ведь через них куча денег проходить будет.

К нашему столику подошел представительный пузатый мужчина. Я узнал в нем Льва Марковича — директора Праги.

— Виктор! Рад вас видеть с друзьями в нашем заведении. Давно не были.

— Да вот… — я встал, пожал руку — Все гастроли, концерты…

— Конечно, конечно — заторопился толстяк — Все понимаю, не мешаю вашему обеду. Только один вопросик. Как там Галина Леонидовна? Говорят она в больнице. Совсем перестала к нам заезжать. Не знаете как у нее дела?

Меня кольнула острое чувство вины. Брежнева столько для меня сделала — мне же сложно просто позвонить ей. Я знал, что мама созванивается с Галиной Леонидовной и та лежала в Кремлевке несколько недель — лечила нервы. Заодно чистила организм от излишеств. Которых в ее жизни было много.

— Ей лучше — нейтрально ответил я — Скоро вернется в бой.

— Ну и слава богу, а то мы волновались! — директор подозвал официанта, указал на пустую бутылку. Она была тут же унесена и заменена полной — Кушайте на здоровье, приятного аппетита!

Директор ушел, зато пришел Гуральник. Усатый мужчина в белом колпаке нес в руках сразу два торта.

— Виктор! — мы обнялись.

— Владимир Михайлович, вы нас просто балуете — я посмотрел на коробки с новым «Олимпийским» тортом — экзотика и дефицит! — и классическим пражским птичьим молоком.

— После вашего визита с Моникой — Гуральник поставил сладости к нам на стол — На наш коллектив прямо водопад

милостей обрушился. Дали орден Трудового Красного Знамени, премии выдали. Обещали помочь с патентами на Западе — сейчас оформляем документы. Как вышел фильм — из Америки звонили, из Англии. Хотят рецепты, зовут работать в мишленовские рестораны.

— Я бы на вашем месте не торопился — я промокнул рот салфеткой — С патентами могут быть проблемы. Бюрократия на Западе не меньше нашей в этой сфере.

Гуральник расстроился. Нахмурился, стал чесать лоб.

— Да и с западными ресторанами тоже не все гладко. Контракт на год, за этот срок коллеги изучают ваши рецепты и они «утекают» на сторону. Так что лучше синица в руках.

— Чем журавль в небе — подхватил кондитер — Я тоже так думаю. Ладно, будете в Праге — заходите. Всегда вам рад.

Гуральник нас покинул, а мы принялись за суп.

— Нет, идея с магазином неплоха — вздохнул Леха, переходя ко второму — А вот с клубом… Это же большие деньги. Причем наличные. Левые билеты. Я конечно, Диме доверяю, но не на столько, чтобы… «Мамонт» замялся — Чтобы его сразу в администраторы.

— Да понятно. Там и другие проблемы будут — я полил аджикой изумительный шашлык — Доносы, цензура репертуара… Это сейчас мы под крылом МВД и то приходится крутиться. Ладно, замнем пока. Доедай и поехали на Селезневскую. Порадуем девочек сладостями.

* * *

В студии шел спор. Даже не спор, а целая баталия. Музыканты в холле на первом этаже дискутировали о лучшем гитарном соло в истории рок-музыки.

— Конечно, Highway Star! — рубил рукой Завадский — Случится конец мира, Армагеддон, и я вас уверяю, он будет проходить под Ричи Блэкмора.

— Ну да, ты же у нас фанат Дип Перпл — фыркнул Роберт — Все тужишься «Дым над водой» новый придумать.

— А вот это подло! — Коля вскочил на ноги, надвинулся на коллегу — У нас уже есть классные композиции.

— Ага, «Так победим».

— Да, хватит тебе ерничать! Та же «WindOfChange» — там отличное соло во второй части. Только мы почему-то мало исполняем эту песню. Или Дорога в ад! Хит же.

— Товарищи! — Клаймич постучал ручкой по каминной

полке — Если конец света и случится, то солнце последний раз зайдет под Иглс.

— Только не Отель Калифорния — взмолились в один голос Робер с Николаем.

— Это же уже на ушах навязло — добавил Завадский — Пусть будет Эрапшн. Ван Хален. Там хотя бы есть новая техника тэппинга.

— Что за новая техника? — вмешался в спор я.

— Звук извлекается при помощи лёгких ударов по струнам на грифе с использованием правой руки — пояснил наш гитарист — Я так не умею.

— Фигня этот тэппинг — отмахнулся Роберт — Через год мода сойдет и никто не вспомнит. А вот Bohemian Rhapsody Квинов — вот где сила. Вы помните ту часть, где соло Мэя служит «мостом» между «балладной» и «оперной» частями песни? На века написано. Или Лэд Зепелин…

Мы с умным видом покивали. Эх, ребята — это вы еще Кукловода Металлики не слышали. Не написана еще та песня. Я направился к лестнице.

— А ты, Вить, за кого? — поинтересовался мне в спину Завадский.

— Чак Бэрри, разумеется — я изобразил характерные рок-н-рольные движения ногами — Johnny B Goode.

Тихонько напевая: «Go Go Johnny go go» я вошел в репетиционный зал. И сразу обнаружил Александру. Девушка в обтягивающем трико и с заколотыми в хвост волосами растягивалась на коврике. Вокруг никого не было, солнечный свет падал белым пятном прямо на спину красавицы. У меня перехватило дыхание. Как же она изумительна!

— Привет! — Александра помахала мне рукой и продолжила тянуться.

— И тебе привет, Саша — я подошел ближе.

— Сейчас ребята подойдут и мы покажем номера, что репетировали пока вы были в Вене — в голосе девушки не было ни намека на теплоту и тот наш страстный поцелуй. Который мог перерасти во что-то большее, если бы в студии не было Лехи.

— Да мы вроде бы никуда и не торопимся — пожал плечами я. Очень даже торопимся! 30-го июня вылетать в Японию, а у нас еще конь не валялся.

— В любом случае, у нас все готово. Ребята поехали за визами в японское посольство.

— Это отлично — я присел рядом с Александрой — Послушай, в тот раз…

— Стоп-стоп! — девушка выпрямилась и отстранилась —

Ничего не было, Селезнев, слышишь? Читай по губам. Ни-че-го. У тебя своя жизнь, у меня своя.

Если ничего не было — что же ты так раскраснелась?

— Нет, что-то все-таки было! Искра проскочила.

— Минутная слабость — Александра вскочила на ноги, свернула коврик — Мне надо переодеться в сценический костюм.

— Я сейчас уйду — понятно, что «в лоб» «взять» девушку не получится, нужен обходной маневр — Только один вопрос.

— Давай свой вопрос.

— Ты петь умеешь?

* * *

Надо было видеть лицо Веры, когда «звездочки» — все трое — зашли в репетиционный зал и увидели Сашу в наушниках, поющую «Мы желаем счастья вам». Я запустил минусовку песни пытаясь понять вокальные данные девушки. Первый прогон, она не попадала, путалась со словами. Пришлось дать ей партитуру на листочке. И дело пошло на лад. Неплохое сопрано, от первой до второй октавы. Занятия с хорошим педагогом могут еще больше раскачать голос.

Когда «звездочки» дружной компанией зашли в зал, Александра допевала последний куплет. Вера побледнела, круглыми глазами посмотрела на меня и тут же выбежала прочь. Лада ничего не поняла, а вот Альдона взглядом предложила мне выйти в коридор.

— Ты решил Веру поменять на Валк?? — зашипела «Снежная королева» — С ума сошел??

— Не решил — отмазался я — Но иметь «запасной аэродром» надо!

— Сейчас этот «аэродром» прилетят бомбить. Готовься.

Так и случилось. Не прошло и получаса, как в студию заявилась Татьяна Геннадиевна — мама Веры. В стогом приталенном костюме серого цвета. В руках у нее был зонтик. Я выглянул в окно кабинета. Нет, туч на небе не было. Она им бить меня собирается?

— Витя можно с тобой переговорить? Приватно? — Татьяна Геннадиевна выразительно посмотрела на Клаймича.

— У меня нет секретов от Григория Давыдовича — я решил, что свидетель разговора мне не помешает — Тем более, именно он — директор студии и все кадровые вопросы решаю не я один.

— Даже так? — мама Веры уселась в кресло, положила зонтик на кофейный столик — Дело дошло до кадровых

вопросов?

— Танечка! — Клаймич подскочил на ноги и принялся разливать кофе, который у нас был уже готов — Но и терпеть такое поведение Веры тоже совершенно невозможно! Ты же знаешь, что она учудила в Вене. Вся Москва уже знает, мне из Госконцерта оборвали телефон. «Что позволяют себе наши исполнители??»

— Я все понимаю и уже ей выговорила за эту глупую выходку — женщина пригубила кофе — Но в этом есть и ваша вина.

Быстрый взгляд на меня.

— Девушка молодая, ранимая. Нельзя играть ее чувствами!

— О чем ты, Таня! — хитрюга Клаймич сделал вид, что не понял и взял удар на себя — Отношение к Вере в коллективе очень хорошее. Именно она стояла так сказать у истоков группы, для нее даже песня написана!

— Которая не исполняется! — Татьяна Геннадиевна пошла в атаку.

— Репертуар утверждается не нами — развел руками директор — Вот например, рапортичка на Японию.

Клаймич достал из сейфа какой-то документ и издалека показал его нам.

— Тут одни англоязычные песни плюс несколько итальянских.

Ага. Это потому, что наши русские песни в Японии никому не понятны.

— Ну, хорошо — мама Веры тяжело вздохнула — Давайте начнем все с чистого листа.

— С чистого листа?!? — в дверях кабинета появилась… Роза Афанасьевна. Собственной персоной. Бабушка Лады выглядела очень элегантно. Шифоновое темно-синее платье в мелкий белый горох, на голове белая шляпка с вуалеткой. В комплект к ней кружевные белые перчатки и небольшая сумочка. На шее длинная нить жемчуга, о цене которой можно только догадываться. Ну просто вылитая парижанка! Вот правду говорят — настоящую породу ничем не скрыть. Ага… особенно фамильными жемчугами. Татьяне Геннадьевне до уровня этой подтянутой гранд дамы, как до луны.

— Эта мерзавка подставила мою внучку!! Ее чуть не арестовали в аэропорту. С чистого листа?? Выгнать паршивку из коллектива!!

Татьяна Геннадиевна в гневе вскочила, между ними тут же бросился Клаймич — Дамы, дамы! Пожалуйста, возьмите себя в руки.

Ага, счаз! Когда миротворческие усилия мужчин могли

предотвратить хорошую женскую склоку? Да ни в жизни! Мне пришлось тоже встать из-за стола и плотно закрыть дверь с обратной стороны. Я слушать эту ругань совершенно не собирался. У меня для этого есть Клаймич.

— Полина Матвеевна, как вам новый немецкий автоответчик? — я кивнул на голубую коробку, которая была присоединена к телефону.

— Э… Очень удобный — секретарь «грела уши» и была мысленно за дверью. Интересно, на чьей стороне? Наверное, на стороне Розы Афанасьевны. Ведь именно она ее привела в студию.

— Многие работают по вечерам, особенно наша творческая интеллигенция — Полина Матвеевна протянула мне реестр звонков за неделю. Причем рассортированный по важности и датам — Могут позвонить и вечером и ночью. А так я утром пришла, включила запись и все понятно — кто звонил, по какому поводу… Очень, очень удобно!

— Как вы думаете — я кивнул на дверь — Это надолго?

— Боюсь, что да

* * *

«Битва двух королев» закончилась только с приходом Чурбанова. Муж Галины Леонидовны был сегодня в цивильном, нес в руках несколько папок.

— Привет! Я без звонка, по дороге заехал — министр с удивлением посмотрел на дверь, за которой раздавались крики, без стука открыл ее.

Увидев хмурого Чурбанова, обе женщины мгновенно замолчали. Клаймич облегченно вытер платком пот со лба.

— Договорим потом — первой из кабинета гордо вышла Роза Афанасьевна — Юрий Михайлович, добрый день!

— Добрый — кивнул министр. Вслед за бабушкой Лады ушли Татьяна Геннадиевна и Клаймич. Я тут же открыл окно проветрить помещение. Включил кнопку электрочайника. Министр аккуратно закрыл дверь, сел в то же кресло, которое до этого занимала мама Веры.

— Разбаловал ты коллектив, Витя — Чурбанов кинул на кофейный столик папки — Так орать в кабинете директора…

— Конфликты неизбежно случаются — пожал плечами я — А дамам нужно было выпустить пар. Чай, кофе?

— Пожалуй, чай.

Я кинул в заварочный чайник щепотку индийского чая, налил кипятку. Подвинул поднос с чашками и сладостями к Чурбанову.

— Как съездил в Вену? — поинтересовался министр. Мысленно он был где-то в другом месте, спросил явно для проформы.

— Более-менее — дипломатично ответил я — Познакомился с Картерами, привез вам подарки…

Я достал пакет с презентами, поставил его рядом с креслом. Акцентировать внимание на скандалах не стал. Захочет — спросит.

— Спасибо. Я к тебе вот по какому вопросу заехал — министр достал из вазы сушки, сломал первую в кулаке — Щелоков скинул на меня Олимпийский. Теперь я курирую его. Там начались отделочные работы, строители ударно потрудились, осенью он будет готов. С опережением сроков.

— И?

— Всем очень понравилось открытие гостиницы Космос. Нужно повторить с Олимпийским. Мне тут в Минкульте подобрали несколько вариантов, кого можно пригласить — Чурбанов высыпал разломанную сушку на блюдце, протянул мне папки — Посмотри. Ну и ваше участие тоже обязательно.

Я быстро проглядел документы. Какие-то второстепенные исполнители и группы, в основном из соц. лагеря. Отдельной строкой указывалась цена. По некоторым позициям она впечатляла нулями.

— Это не взлетит — я кинул папки обратно на столик.

— Почему? — Чурбанов подул на чай — Варианты готовили специалисты.

— Масштаба нет. Олимпийский — очень важный объект. После окончания спортивных состязаний там можно проводить концерты мирового уровня, важные политические мероприятия…

— Для политических мероприятий у нас есть кремлевский дворец — покачал министр, прихлебывая чай — Но я твою логику понял. Что ты предлагаешь? Точнее кого?

— Абба.

Чурбанов поперхнулся чаем.

— Я не ослышался? Да мы разоримся на них. Знаешь, сколько будет стоить привезти в Союз этих шведов?

— Сколько бы не заплатили — оно того… стоит. Группы такого уровня живут не долго. Они сейчас на пике популярности. Обычно проверку «медными трубами» музыканты и певцы проходят сложно. Видели, что у нас уже творится? А теперь умножьте на десять. Мне кажется, еще несколько лет и Абба закончится. Агнет и Ульвиус уже развелись, Бенни с Анни-Фрид, говорят, тоже не ладят. Так что либо сейчас, либо никогда. Мы же готовы выступить у них на «разогреве».

— Что значит на «разогреве»? — не понял Чурбанов.

— Ну как с Дассеном. Сначала мы заводим публику, разогреваем ее, потом выступает приезжая звезда. Или звезды.

— В копеечку влетит — вздохнул министр — Нет у меня бюджета на Аббу.

— Выйдите через Щелокова с предложением на Политбюро. Пусть не жмутся, выделят валюту. А у меня есть предложения, как отбить большую часть расходов. Во-первых, можно продать права на трансляцию концерта на Запад — той же ВВС. АББА в Советском Союзе — это настоящая сенсация. Во-вторых, я могу поговорить с японцами из Сони насчет рекламы и спонсорства. Можем вообще в ноль выйти, а то еще и заработать. Для строителей стадиона и почетных гостей праздника билеты естественно сделать бесплатными, остальные зрители с радостью заплатят любые деньги за возможность увидеть прославленную группу. Сколько там мест в Олимпийском?

— Тридцать пять тысяч примерно.

— Вот! Представьте сколько билетов можно продать. Иностранным туристам — за валюту. Уже «копеечка», правда? И какая реклама для самого стадиона в преддверии Олимпиады! В перерывах же можно запускать рекламный ролик с рассказом о технических возможностях стадиона и о подготовке спортивных объектов в целом. Сколько на Западе зимой орали, что мы не готовы к проведению Олимпиады? Так пусть уже заткнутся! Кстати, сейчас в США раскручивается новый музыкальный канал — МТВ. Вдруг он тоже захочет купить права, эфир же им надо заполнять? И не чем попало. А здесь АББА да еще плюс Красные Звезды. Давайте я позвоню Гору.

Министр молчал и я решил его «дожать»:

— И не забывайте о политических дивидендах. Романов с Косыгиным начали сотрудничество со шведами под Ленинградом. Заводы какие-то. Так нужно сделать для Швеции приятное. Пусть АББА станет первой группой мирового уровня, выступившей в СССР в преддверии Олимпиады. Можно договориться с МОК и присвоить им почетный титул «олимпийских послов», «послов мира», или каких-нибудь «послов доброй воли». Людям приятно, а нам это ничего стоить не будет. А то АББу постоянно обвиняют в аполитичности и безыдейности. Может, в свете таких предложений и продюсеры группы будут посговорчивее, и сумму контракта нам удастся немного снизить? Ну что? Я звоню Гору?

Чурбанов похрустел сушкой, допил чай. Задумался — Звони! Сделай мне концерт мирового уровня и я в долгу не останусь.

— Кстати, насчет долгов — решил я ковать пока горячо — У нас в студии сейчас высококлассный пошивочный цех. Львова —

дизайнер от бога. Давайте она предложит свои варианты формы для ваших сотрудников. То что я видел, это — я развел руками в расстройстве — Никуда не годится. Береты эти странные, кители… Мы сделаем несколько образцов, сможете выбрать лучший.

— Зачем тебе это? — удивился Чурбанов.

— Заработать денег. Все официально. Заключим контракт между студией и вашим министерством.

— Ладно, я подумаю и дам знать. Над формой и, правда, можно еще поработать. Я поехал, жду через неделю документы по концерту. В первую очередь бюджет.

Эх, за неделю я не успею. Япония на носу. Впрочем, какие-то наброски сделать можно. Клаймича подключу.

— Юрий Владимирович, в каком корпусе Кремлевки лежит Галина Леонидовна?

— В третьем. А что?

— Заеду ее проведать.

— Молодец! — Чурбанов хлопнул меня по плечу, собрал папки, взял пакет с подарками и стремительной походкой вышел из кабинета. А я направился в столовую угощаться тортами. Если там что-то еще осталось. Эх, что же я Чурбанова сушками кормил?

После ухода министра, перехватив тортика, я сел за телефон. Первым в списке у меня был Лукас. Я включил спутниковый телефон и пока он мигал, ловил сеть, набрал Говорухину по городскому. Тот был дома и уже уходил на Мосфильм. Мы коротко переговорили, обсудили Пиратов. Черновые материалы с Альдоной были уже в Москве и их можно было просмотреть. Режиссер мне напомнил о музыкальной теме к фильму. Дуров торопил, а у меня еще конь не валялся. Мелодия «Миссии невыполнима», на которую я возлагал столько надежд, оказывается, была уже написана. Аж в 60-х годах еще. Перед отлетом в Вену я потерзал айфон в ПГУ, но так ничего стоящего и не нашел. Полицейский из Беверли хиллз? Слишком «электронная» музыка. Пираты Карибского моря? Слишком веселая и задорная. Надо было брать какую-нибудь популярную, «боевую» песню и давать мелодию без слов. Но какую?

Покаявшись перед Говорухиным и наобещав Станиславу Сергеевичу «Манны небесной» я попросил познакомить меня с каким-нибудь молодым, начинающим режиссером. Мне позарез надо было снять срочно клип по песне «Japanese Girls». Говорухин пообещал. Второй разговор был с Лукасом. Тот тоже уже убегал куда-то, но кратко посвятил меня в ситуацию. Боссы 20th Century Fox одобрили тритмент и заказали режиссерский сценарий. Он

уже пишется, Лукас в этом участвует, имя Говорухина будет на скрипте. Документы на этот счет высланы в Москву. Переговоры с Ван Даммом проведены, предварительное согласие получено. Но нужен такой же яркий антигерой на роль главы террористов. Я обещаю Лукасу подумать. Слая взять? Или Шварца? Но они могут и не согласиться. Кинокарьера у обоих сейчас идет в гору, зачем им становиться антигероями? Нужен кто-то брутальный, мощный и… голодный!

Опять одно бесконечное «нужно» и «требуется». Голова раскалывается, я снова открываю окно. Надо бы заказать кондиционеры в кабинет и репетиционный зал. Лето набирает обороты.

Последний мой звонок делается Бовину. Тому я просто подтверждаю свое участие в пятничном вечернем телемосте со Штатами. Оказывается, там есть целый сценарий и мне срочно надо с ним ознакомиться. Неужели и реплики за меня прописали? С наших телечиновников станется. «В СССР секс есть!». Я тяжело вздыхаю, но обещаю прочитать, если мне его срочно пришлют курьером. Бовин заверяет, что завтра с утра сценарий будет лежать у меня на столе.

Приняв танцевальные номера у Александры и закончив все дела, еду домой. И сталкиваюсь там нос к носу с… Веверсом. Леха тут же по-английски тихо исчезает, и ужинаем мы в узком кругу. Все мирно, чинно, благородно. Генерал уже прямо как член нашей семьи, ага… нарисовался — не сотрешь. И деда такой, весь из себя лояльный и благосклонный к маминому ухажеру. Вот интересно, был бы он таким лояльным, если бы знал, что сидит за одним столом с убийцей Громыко? Дед сильно уважал «мистера нет». Даже на похороны ходил. Точнее на гражданскую панихиду. Впрочем, чья бы корова мычала, я и сам не без греха. Вчера опять Середа-младший снился.

Но все равно бесит меня это «Имант…! Людочка…!» Хотя… может, это я просто ревную свою маму к чужому мужику? А вот сама она просто сияет, наблюдая за тем, как ее мужчины дружно и с удовольствием зачищают тарелки. При этом искренне нахваливая ее стряпню. С появлением Екатерины Васильевны — нашей чудо-помощницы по хозяйству — свободного времени у мамы стало гораздо больше, и теперь она с радостью тратит его на приготовление кулинарных изысков и благоустройство сада. Сегодняшнее ее чахохбили вроде бы блюдо и не сложное, но определенного мастерства все равно требует. И маме оно удалось на славу. Беру себя в руки, затыкаю усилием воли свою сыновью ревность, решаю развлечь сидящих за столом рассказом о сегодняшних событиях.

Вкратце рассказываю о встрече со Щелоковым, в красках описываю, как мне удалось отбояриться от Сопота у Демичева, осторожно перехожу к ссоре наших гранд дам. Делаю это умышленно. Пусть Веверс лучше от меня узнает, что я сегодня прослушивал Сашу, чем она сама ему и доложит. Приходится рассказать домашним и предысторию этой ссоры. Неожиданно за столом возникает острая дискуссия по поводу поведения Веры. Мама по доброте душевной пытается ее всячески защитить, а вот дед совершенно неожиданно оппонирует дочери, что случается у нас не так уж и часто.

— Люда, не нужно ее защищать. Вера уже взрослая девушка и должна отвечать за свои неподобающие поступки!

— Да, что она такого сделала?!

— Как что?! Сначала хвостом крутила перед американским миллионером, затем дорогие подарки от него приняла. А потом еще и ради красивой заграничной коробки подругу свою подставила, как сорока какая-то! Разве это достойно комсомолки и просто порядочного советского человека? Родина ей доверие оказала, на такое важное международное мероприятие отправила страну представлять, а Вера что?! Взяла и это доверие предала! И все ради какой-то цацки, мишуры.

Ну, насчет «какой-то» я бы еще поспорил, но благоразумно воздерживаюсь от комментариев. По существу ведь дед прав, и если убрать весь лишний идеологический пафос из его речи, то так оно и есть. Ради «цацки» Вера подставила всех.

Веверс одобрительно кивает, слушая деда, и маму это почему-то только раззадоривает:

— Пап, любая девушка хочет восхищения поклонников!

— Так пусть и наслаждается этим восхищением, но издалека! Мало ей зрителей?

— Издалека не интересно. Мы женщины любим комплименты, цветы. И подарки — да, тоже любим! У Верочки ведь нет пока жениха, вот она и не устояла перед чарами этого американца.

Давлюсь чаем, пытаюсь откашляться. И тут же натыкаюсь на насмешливый взгляд генерала. С женихом это мама круто завернула… И возразить нечего. Пока мама заботливо бьет меня по спине, Веверс пытается забить гол в ворота женской команды:

— Люда, все бы ничего, но ведь американец этот женат. И ребенок маленький в семье. Думаешь, Вера этого не знала?

— Разумеется, не знала — усмехается мама — Когда вы мужики рассказываете о своих женах красивым девушкам?

— «Молчи, скрывайся и таи» — процитировал Тютчева дед.

Мы все смеемся, генерал разводит руками. Ну да, получить

такой гол в свои же ворота от деда.

— Плохая он ей пара — Веверс наливает маме чаю — Этот американец известный плейбой — любитель и коллекционер красивых женщин. А говоря по-русски — бабник он, прославившийся на всю Америку своими похождениями.

— Не хватало еще, чтобы и русские девчонки в эту его коллекцию попали! — тут же возмущается дед.

Собственно, на этом вся дискуссия и закончилась. Мама удручено замолчала, мы же продолжили ужинать, снова нахваливая нашу умелую хозяюшку. Сама «хозяюшка» через какое-то время оттаяла и снова взялась за расспросы:

— А вот насчет Саши — ты это вполне серьезно?

— Не знаю пока. Но согласись, запасной вариант на случай непредвиденных обстоятельств у нас должен быть. И фонограмма фонограммой, но эта девушка должна хотя бы в артикуляцию и ноты попадать.

— Вить, а я знаешь, что тут подумал? Как бы этот американец за вашей Верой в Японию не примчался!

Вот умеет дед иногда удивить. Мы переглядываемся с Веверсом. А ведь и, правда, примчится. Судя по дорогим подаркам, Трамп запал на Веру не по-детски. Если влюбится по-настоящему, то его никакая Ивана, и никакой ребенок не остановит. Скажет жене свою коронную фразу из будущего — «Вы уволены!», и только поминай, как звали. Судя по тому, как часто и легко Трамп менял своих жен и подруг в будущем, перемены в личной жизни — это часть его позитивного мышления. В таком случае… Я снова встречаюсь взглядом с Веверсом, и на его губах вижу хищную довольную ухмылку. Кажется, мы с ним сейчас мыслим в одном направлении. И если Вера сама не подкачает, то быть ей женой американского миллионера, а Татьяне Геннадьевне его тещей.

Веверс незаметно кивает мне на дверь. Угу… это надо срочно перетереть. Пока мама достает сладости, я скоренько собираю тарелки, отношу их в мойку и выскальзываю вслед за Веверсом на крыльцо. Молчим, обдумывая ситуацию. Потом генерал произносит:

— Увольнять ее нельзя. При таком раскладе Веру достаточно только припугнуть, чтобы она вела себя прилично. Собственно, ты это уже сделал. А с Сашей события пока не надо форсировать. Репертуар группы она пускай учит, но аккуратно, по-тихому.

— Все-таки хотите Веру к Трампу пристроить?

— А тебе жалко? Она вроде бы и сама не против к нему … пристроиться.

— Да, нет, не жалко. Наш с ней роман точно закончен.

— А Вера-то в курсе?!

И опять эта ехидна Веверс прав. Я до сих пор не поставил точку в наших отношениях. Трушу. Испытываю перед ней чувство вины и старательно оттягиваю момент объяснений в надежде, что оно само как-то «рассосется». Не рассосется. Или что Вера по глупости даст мне отличный повод, после которого и слова уже не нужны.

— Ладно, не кисни. С Александрой я сам переговорю и объясню ей ситуацию. А пока…

Генерал достает из внутреннего кармана и вручает мне … школьный аттестат. Ур-ра-а!!! Мои мучения наконец — то закончены! Я готов расцеловать Иманта и простить ему все былые прегрешения. Какое счастье — мне больше не нужно ходить в школу и изображать из себя хорошего ученика!

Просматриваю отметки. Четверки и пятерки. Все примерно так, как у меня было в «прошлой» жизни. Математика похуже, гуманитарные науки на отлично.

— А мама уже видела?

— Нет. Сам хочешь показать, или …мне?

— Лучше, если вы. И уговорите ее, пожалуйста, больше не терзать меня вопросами о школе. Объясните ей как-то, что мои знания вполне соответствуют оценкам в этом аттестате.

— Постараюсь. Пусть пока он побудет у тебя, а когда начнется прием документов в университете, я его опять заберу. Имей в виду. Звонок ректору МГУ будет, но на экзамены придется походить, показать себя будущим одногруппникам и преподавателям.

Я радостно киваю и прячу аттестат в карман накинутой на плечи ветровки. Господи, счастье-то какое! Свершилось — я отмучился. Пойти, что ли надраться на радостях?! …Ладно, как Штирлиц отмечу потом это знаменательное событие в гордом одиночестве. А то родные меня точно не поймут.

Тут я вовремя вспоминаю про свой разговор с Чурбановым насчет приглашения АББы. Надо бы поставить Веверса в известность и рассказать ему про свои инициативы. А то вдруг у него наследственная патологическая неприязнь к шведам?

Глава 5

21 июня 1979 года, четверг

Москва, студия МВД СССР, ул. Селезневская

У Лады сегодня День рождения. Девушке исполнилось девятнадцать лет. Приехав после тренировки в студию, я застал именинницу мирно беседующей на кухне с Розой Афанасьевной, Татьяной Геннадиевной и Верой. Дамы пили шампанское.

Похоже, война закончилась, наступило перемирие.

— С утра выпил — день свободен? — шучу я.

— Танечка, налей Вите немного шампанского — Роза Афанасьевна царским движением просит меня влиться в компанию.

— Лада! — я беру протянутый Лехой букет из девятнадцать красных роз, достаю из внутреннего кармана пиджака пропуск в 200-ю секцию ГУМа, который с трудом выбил у Щелокова — Позволь от себя лично и от коллектива, который мы еще раз обязательно соберем для чествования, поздравить тебя с Днем Рождения.

Я дарю довольной Ладе букет с пропуском, говорю еще много теплых слов. Девушка краснеет, пытается убрать несуществующую пылинку с рукава нарядной белой кофточки. Дамы присоединяются к моим пожеланиями. Постепенно собираются сотрудники студии, мы еще раз, уже официально, поздравляем девушку с днюхой и начинаем готовиться к репетиции японского концерта. Пора опять поразить взыскательную публику новой порцией шедевров. Для этого, с самого утра, еще до тренировки я пристроился в хвост Веверсу. С мигалкой мы долетели до Ясенево и я — еще раз подивившись Путину в секретарском кресле (никак не могу к этому привыкнуть) — тут же оккупировал рабочее место главы ПГУ.

Веверс уселся рядом. Пока я тыкал в айфон, он собственноручно заварил нам кофе и начал проглядывать какие-то документы. Спустя полчаса спросил:

— А сам ты, что думаешь насчет своего перемещения сюда? — вдруг поинтересовался Веверс, оторвавшись от бумаг — Тут одно заключение ученых пришло. Дескать, изучение черных дыр — генерал глянул в документы — Я тебе грубо излагаю, сам еще не понял. Так вот изучение этих дыр может нам помочь найти

следы других Больших Взрывов.

— Я не очень понял — потряс головой — Было несколько Больших взрывов?

— Пишут, что бесконечно много. Каждый породил свою вселенную.

— С айфоном и Витей Селезневым — засмеялся я.

— Надо построить космический аппарат — не принял моего юмора Веверс — Который будет двигаться с определенной заданной скоростью в космосе и будет считывать какое-то «фоновое излучение». Для измерения какой-то «инфляции» после Большого Взрыва. Я ничего не понял, кроме того, что и сами ученые еще во всем этом не разобрались как следует.

— Ну так давайте построим — я переключил вкладку в айфоне Веверса — Судя по графику мы за неделю на серебре заработали десять с половиной миллионов долларов. Пять — ученым и пусть меряют свою «инфляцию». Но это все-равно не объяснит работу гаджета. К какому интернету он подключен, почему в телефоне всегда один и тот же день — 21 февраля 2015-го года?

— С датой все понятно. Ты переместился сюда, а та, твоя вселенная закончилась 21 февраля. Показывать больше нечего, кроме этого оставшегося отпечатка. А вот с интернетом и, правда, ничего не ясно. Я пытался экранировать телефон в специальной камере.

— И что?

— И ничего. Работает. Надо вскрывать его, но это чревато… Не хочу расширять круг людей, которые в теме. Вероятность утечки повышается.

— Подождите с утечкой — тут до меня, наконец, дошла мысль про мою оригинальную реальностью — Как это «моя вселенная» закончилась??

— Схлопнулась в сингулярность — Веверс постучал пальцем по документам — Об этом тоже есть в гипотезе этих физиков.

— Каких физиков? Можно мне с ними переговорить?

Ответом мне был лишь ироничный взгляд.

* * *

— Итак, дорогие мои Звезды, звездочки, а также прочие небесные тела! — я с нашей мини-сцены в репетиционном зале смотрю на улыбающихся сотрудников. В основном на Веру, Альдону и праздничную Ладу.

— Япония — это еще одна важная ступенька к нашей славе и

мировому признанию. Очень важная ступенька. Григорий Давыдович уже вам рассказывал о своем визите в Токио?

Сотрудники кивают.

— Так вот. В Японии у нас четыре концерта. Два в столице — 6 и 7-го июля, и два в старой столице — Киото. 12 и 13-го. В перерыве будет разная культурная программа — съемки для Сони, экскурсии, встречи с фанатами. Они, кстати, в Японии специфические. Нас об этом предупредили организаторы. Григорий Давыдович вам слово.

На сцену ко мне забирается Клаймич, оглядывает коллектив хозяйственным взором. Его взгляд невольно задерживается на Александре Валк. Я даже вижу, какие мысли бродят в голове директора. Будет ли в нашем трио «звездочек» замена «игрока» или этот самый игрок, в голубой короткой юбке сильно выше колена, останется на поле. Вслед за Клаймичем я сравниванию ноги Саши, которая сегодня тоже, как на зло, в коротком сарафане и ноги Веры. Победу одерживает… никто. Обе девушки обладают прекрасными, стройными ногами. Мысленно отвешиваю себе подзатыльник. Идет «производственное» совещание, а я слюни пускаю на наших красоток.

— С фанатами вот в чем дело — Клаймич тоже с трудом отводит взгляд от голых коленок — Они там очень молодые. Нас предупредили, что на концертах будут школьники и школьницы. Студенты. Поэтому ставку делаем на танцевальную музыку.

— Быструю танцевальную музыку — я поднимаю палец — Энергичную и зажигательную. Как и готовились на репетициях, исполняем в первую очередь «You're My Heart, You're My Soul», «Валери», разумеется «Japanese Girls», «I Wanna Hear Your Heartbeat», нашу визитную карточку «Ten o'clock postman», «Cheri Cheri lady» и «Take On Me».

— А как же итальянские песни?

— Их тоже, но на бисировании, телевидении…

— Медляки все-равно нужны — вздохнул Коля Завадский — Школьникам перевести дух и пообжиматься надо. Там вообще зоны для танцпола будут?

— Будут — уверенно произнес Клаймич.

— Медляков будет два — согласился я с Завадским — «I Just Called To Say I Love You» и «Still Loving You».

— Но этого мало! — возразил Коля.

— Точно! Именно поэтому нам нужны еще танцевальные песни. Новые. И их есть у меня! Целых три штуки.

— О нет… — застонали музыканты — Только не за две недели перед отъездом.

— Мы не успеем! — Роберт умоляюще посмотрел на

Клаймича

— «Врагу не сдается наш гордый Варяг» — со смехом пропел я, пытаясь воодушевить сотрудников — Успеем. Там очень простая музыка, я вам ее после собрания изображу. Слова тоже незатейливые.

— Опять петь I love you, I miss you — поморщилась Альдона.

— Это наша судьба. Японцы пока английский знают плохо, поэтому для зрителей чем проще слова, чем примитивнее, тем лучше. Потому что их запоминать легче. Вот подумай сама, что легче промурлыкать: «стил лавинг ю-ю-ю», или «чери, чери леди»? А песни с глубоким смыслом, сложной музыкой и умными словами я напишу для гастролей по США и Европе. Сейчас мы их просто не осилим — развел руками я.

Слова у «новых» песен, действительно, были тупые, причем еще и совсем не «советские». Вплоть до сексуального подтекста. Пришлось переделывать. Выбрал я три самые забойные танцевальные песни.

Во-первых, Bad Boys Blue «Pretty Young Girl». Отличная, энергичная музыка, школьникам понравится. Пока я у Веверса разглядывал клип Bad Boys на Ютьюбе, мне пришла в голову смешная на первый взгляд идея — почему бы на место Веры не взять негритянку? Или мулатку. С такими же прикольными косичками-дрэдами как у солиста Тревора Тэйлора. Нам гастролировать по Штатам, вон в Бразилию приглашение пришло на днях — покажем разнообразие этнического состава. Негры на концерты валом повалят.

Во-вторых, Patty Ryan «You´re My Love». Тоже бодрый музон — танцевать самое оно. И ребятам Завадского выучить легко — все играется буквально на трех-четырех аккордах.

Наконец, Erasure «Love to Hate You». Мне там понравилось совместное скандирование ОУОУО в самом начале песни. Можно будет задействовать голоса не только «звездочек», но и музыкантов. Да, и прикольный клип с «дурдомом» в музыкальной студии можно было бы потом повторить. Не для Союза, конечно, но для МТВ — самое оно.

Запасным вариантом у меня шло Ace of Base — Beautiful Life. Эту песню я приберег для гастролей в Штатах. Американцам тоже придется бросить «бросить кость». Конкуренция среди поп-групп огромная, постоянно надо выдавать хиты и быть на вершине чартов. Тогда и на концертах аншлаги и продюсеры любят.

* * *

После собрания и репетиции мы чествовали Ладу… первой советской пиццей! Называлась она так же как и вчерашний торт — «Олимпийская» — и была сделана, как положено из теста, сыра, томатной основы и кусочков колбасы салями. Которые в свою очередь были выложены в олимпийские кольца. Пицца была не совсем советская. Сделали ее два итальянца — Роберто и Карлос, которые увидели по ТВ репортаж о реформах в СССР и приехали к нам на специальном автофургоне. В котором можно было готовить пиццу. И что удивительно — их пустили! Видимо работал эффект нашей дружбы с Италией, визит Кальви в Москву, после которого Косыгин закупил несколько линий по производству пицц. Но они еще не были, видимо, смонтированы.

И вот Роберто с Карлосом колесили по столице, собирали огромные очереди. Как они договорились по налогам, с санэпидстанцией, где брали ингредиенты — я не знаю. Но какое-то разрешение у них было. Наверно, что-нибудь в рамках какого-нибудь ново объявленного фуд-фестиваля.

Для большей части коллектива — пицца, разумеется, не была экзотикой. В Риме мы ели настоящую, аутентичную. На тонком тесте, из дровяной печи, все как положено. В автофургоне такую не сделаешь. Но поностальгировать было приятно. И питательно. Хотя и не очень полезно для фигуры. О чем мне тут же сообщили все наши студийные дамы.

— Это к Григорию Давыдовичу — перевел стрелки я — Он заказывал пиццу к нам. За что ему респект и уважение! Этих Роберто с Карлосом на Селезневской еще долго вспоминать будут!

Я выглянул наружу. Возле фургона итальянцев, раскрашенного в красные тона и огромной надписью PIZZA, стояла целая толпа народу. Студийным охранникам и милицейскому патрулю, что теперь всегда дежурил возле нашего входа, даже пришлось наводить порядок. Очередь двигалась, но очень медленно. Ну сколько там у них может быть заготовок под пиццу? Сто? Двести? Вряд ли больше. Выложил сверху салями, ветчиной или шампиньонами, засунул в электропечь, пять минут и вот продукт готов. Плати пять рублей. Цены, конечно, кусаются.

— Не по-человечески отмечаем — Леха доразлил седьмую по счету бутылку шампанского, что на наш большой коллектив было совсем еще детской дозой — Надо бы в ресторан.

— Леш, у нас аврал — пожал плечами я — Готовьтесь еще клип по «Japanese Girls» снимать срочно. До отлета должны успеть — кровь из носа.

«Звездочки», прямо как музыканты днем, дружно застонали.

— Может в Прагу? — гнул свое Леха. На него влюбленными

взглядами одновременно смотрели Света и Львова. Неужели они не замечают соперницу? С другой стороны влюбленная женщина часто «слепа».

— Отметим как следует после Японии — попытался съехать с темы я — Сразу после возвращения. Обещаю зеркальный зал в Праге. Соберем всю Москву…

— Так уже-е всю Москву — усмехнулась Альдона — Все в отпусках будут или на гастролях в Сочи, Ялте…

— Виктор, Алексей и Альдона правы — осторожно заметил Клаймич — У меня знакомый метрдотель в ресторане Дома Кино. Я сейчас позвоню и нам все устроят по высшему разряду. Ну что?

На меня уставились десятки умоляющих глаз. Устал коллектив. Надо дать роздыху.

— А ладно! Поехали!

— Урааа — по студии понесся вихрь людей, которые побежали готовиться к празднику

* * *

В ресторане Дома Кино было шумно. Несколько компаний что-то уже праздновали. На сцене играли пузочесы. И они играли нас! Когда вошли — заканчивали «Трава у дома». Стали усаживаться за большой общий стол — продолжили песней… «Перемен». Я аж рот открыл от удивления. Но откуда?? Цой вряд ли бы стал отдавать песню на сторону. С другой стороны на квартирнике было полно народу, в том числе и музыкантов. Могли слизать ноты. Слова тоже.

Солист грамотно подвел к песне. Даже толкнул речь о борьбе за права негров в США. И про «пылающий город» Нью-Йорк сказал. Все по моей «методичке», не подкопаешься. Народ в зале ответил свистом и аплодисментами. Публика тут собралась творческая, а значит, свободолюбивая. Все всё понимали и каждый держал «фигу в кармане». А то и две. Какие уж тут «негры»…

— Витя, это, правда, твоя песня? — удивились кое-кто из наших, кто не был ни на квартирнике, ни в Ялте как Альдона — А почему мы ничего не знаем?

— Ему за нее от Суслова прилетело — пояснил всезнающий Клаймич — Вот и не распространялись.

— Да, я написал. Для одного талантливого парня из Ленинграда. Цоя. Но смотрю уже пошло в массы.

— Интересно, платят ли они отчисления за нее — хмыкнул Григорий Давыдович — Я узнаю у директора ресторана.

— Я же не регистрировал ее в ВААПе. С чего бы им платить?

— А кого они тогда вписали в рапортичку?

Я присмотрелся к солисту. Курчавый лохматый парень. Незнакомый. Худой. Держится независимо. Одеты музыканты ВИА были в модную потертую джинсу. Пожал плечами. Невозможно все контролировать. Пусть играют. Тем более посетителям нравится. Некоторые даже подпевают. Перемен они хотят… Ну, ну…

Мы сделали богатый заказ услужливым официантам и начали поздравлять именинницу. Нам никто не мешал и, похоже, даже не заметил. В зале было темновато — освещалась хорошо лишь сцена — многие курили и клубы дыма поднимались к потолку. Веселье потекло своим чередом, пузочесы перешли к западной танцевальной музыке, коллектив активно принялся плясать и произносить тосты. Тамадой работал Клаймич. При этом он еще успевал и меня шепотом просвещать:

— Суслов страшный человек. Сколько он судеб сломал… Берегись его, Виктор.

— Да я как бы уже почувствовал на собственной шкуре. Одно это персональное дело сколько нервов стоило.

— Персональное дело это тьфу, ерунда — резал отсидевший в СИЗО директор — У меня есть друг. Режиссер Марк Донской. Ты его вряд ли знаешь. Но в 65-м году он был очень известен. Ему поручили снять фильм про Ленина. А заодно еще один фильм. Документальный. О съемках фильма про Ленина. Документалисты писали все: как режиссер репетирует с актерами, как монтирует материал и так далее. Когда фильм был снят, его назвали «Здравствуйте, Марк Семенович!» и показали по Центральному телевидению. Премьера была приурочена к юбилею. Донскому в марте 66-го года исполнилось 55 лет.

— И что? — заинтересовался я — Этот Донской перешел на ТВ кому-то дорогу?

— Не на ТВ. В Политбюро. В день премьеры Суслов дома смотрел телевизор. Увидел «Здравствуйте, Марк Семенович!». И тут же позвонил Месяцеву. Тот до Лапина руководил Останкино. «Срочно остановите фильм!» А это же эфир на всю страну!

— «Как так Михаил Андреевич?!» — Месяцев был в шоке

— «Вы что себе позволяете? Что показываете?» — Клаймич передразнил голос Суслова — «Какой-то старый еврей похлопывает Ленина по плечу и указывает: „Пойдешь туда, скажешь сюда, а потом вернешься и сядешь! Показывать на всю страну, как Ленину наклеивают усы, бороду, как промокают лысину? Это же профанация светлого образа вождя. Немедленно прекратить показ!“».

— И все. Показ фильма остановили, Марка занесли в черный список. Он даже захворал сердцем — директор тяжело вздохнул — До сих пор оправиться не может. В 73-м ему удалось выбить съемки фильма «Надежда». Такой идеологически выдержанный. Про жену Ленина — Крупскую. Вроде бы простили. Но работать все-равно нормально не дают.

Мнда… Реалии жизни в СССР. Какой-то сморчок Суслов — ломает людям судьбы. Фанатик чертов.

Мне надо было все обдумать и освежиться. Я вышел в компании Лехи в туалет. Рядом пристроились охранники из 9-ки. Без них ни шага. Пока шел, обратил внимание на высокого усатого мужчину в черной водолазке и клетчатом пиджаке за соседнем столом. Да сегодня прямо день открытий! Леонид Филатов. Собственной персоной. Рядом сидела главная красавица советского кино — Александра Яковлева. И еще десяток малознакомых мужчин и женщин. Уже в туалете я сообразил, что это съемочная группа фильма «Экипаж». Который именно сейчас подходит к своей кульминации. Нет это не взлет самолета с пылающего острова. Это первая в советском кино эротическая сцена между Филатовым и Яковлевой. Снятая через аквариум и потом на монтаже здорово кастрированная. А не ее ли народ празднует? Снимают, так сказать, стресс. То-то Яковлева так напряжена, мало улыбается.

Подойти познакомиться? Это же Яковлева! Пожалуй, нет, мне на сегодня хватит впечатлений. Возвращаюсь к нашему столу. Праздник идет своим чередом, нас все-таки узнают и теперь надо готовиться к ажиотажу поклонников. «Не зарастет народная тропа». Первым в сопровождении Вячеслава подходит высокий седой мужчина с длинным носом. Похож на кавказца, но фамилия и имя русское — Дмитрий Николаевич Соболев. Профессор. Доктор технических наук. Завсегдатай Дома Кино. Он просто говорит несколько теплых слов о нашей музыке, чокается с Клаймичем рюмками. За ним уже стоит очередь желающих познакомиться, выпить на брудершафт. Охрана с трудом сдерживает народ.

А значит, пора собираться по домам. Обнимаемся, прощаемся. Я размышляю над тем, чтобы поехать с Альдоной к Веверсам домой. Раз уже ее папаша у нас прописался. Но меня останавливает всеобщее внимание. Леха, охрана… Зачем уж так явно компрометировать девушку? Хотя сама Альдона похоже не против. Размякла, оттаяла…

Но на выходе, в фойе мы сталкиваемся с Лещенко. Певец приехал в компании каких-то знакомых, видимо догуливать. Думаю проскочить мимо, но нет.

— Виктор, Гриша! — Лещенко в модном, блестящем пиджаке выглядит на все сто — Какая встреча! А я уже думал к вам на Селезневскую заехать, поблагодарить.

— За что? — удивляюсь я

— «Городские цветы» отлично идут. А с песней «Все пройдет» меня хотят на фестиваль в Сопот послать. Сегодня звонили из Минкульта.

Отлично! Значит, от меня все-таки Демичев «отполз». Хорошая новость.

— Я вот что хотел спросить — замялся Лещенко — У вас ничего новенького нет на примете? Хочу пластинку с песнями Виктора Селезнева выпустить.

Губа не дура! Я смотрю на Клаймича — тот на меня.

— Готов финансово соответствовать — неправильно понимает наше молчание певец — За ценой, так сказать, не постою.

— Дело не в деньгах — я тяну время — Хотя они тоже лишними не будут. Мы тут на гастроли в Японию улетаем…

— Ну хотя бы одну? Новую?

— Виктор, у тебя что-нибудь есть? — в разговор включается Клаймич.

— Есть один мотивчик — за рукав отвожу Лещенко в сторону, в угол фойе. Клаймич идет следом, сделав знак окружающим подождать.

Пропеваю куплеты знаменитой песни, что «сел мне на уши», пока копался в айфоне:

— Птица счастья завтрашнего дня
Прилетела, крыльями звеня…
Выбери меня, выбери меня,
Птица счастья завтрашнего дня.

Пахмутова и Добронравов пока еще не написали «Птицу», а значит можно ее предложить певцу. Тем более для моего репертуара она не очень подходит. Лещенко внимательно вслушивается в слова, кивает в такт.

— Вроде бы ничего — слова простые, но цепляют.

Лещенко довольно улыбается.

— Песня вторых секретарей обкомов и райкомов — смеется Клаймич.

Мы недоуменно смотрим на директора.

— Ну как же… Ты только что пел: «Запад будит утро завтрашнего дня. Кто-то станет „первым“, но не я».

Мы присоединяемся к смеху Клаймича. Действительно,

двусмысленно звучит.

— Да, ладно — машет рукой Лещенко — Про счастье, про завтрашний день… Годится! Певец жмет мне руку — Завтра же заеду, порепетируем.

— Часам к трем — Клаймич достает свою записную книжку — кондуит и что-то записывает. Григорий Давыдович теперь пытается все планировать. В том числе и мое время. По мне так — пустая затея. События несутся — успевай крутиться.

— А по деньгам я завтра с утреца наберу, ладно Лев?

— Разумеется!

Лещенко еще раз жмет нам руки, уходит. И тут же возвращается.

— Я тут слышал нехорошее… Не знаю, правда или нет. Говорят, что Суслов готовит какое-то коллективное письмо. Некоторые… скажем так… коллеги, подписали.

— Что за письмо? — обеспокоился Клаймич.

— Против Виктора. О бездуховности его музыки и все такое прочее. Подробностей не знаю.

— Ну и черт с ним — я машу рукой — Сколько можно думать об этом. Устал.

И потом у меня есть Веверс с Щелоковым. И Пельше. Который, впрочем, сейчас с Романовым в Вене. Переговоры с американцами затянулись, Генеральный должен вернуться в Москву только завтра. Поехать что ли во Внуково 2 встретить патрона? Интересно, пустят? Если с Щелоковым — пустят.

— Молодой он еще — извиняюще произносит Клаймич — На сцене только год.

А ведь точно! Ровно год назад Клаймич меня первый раз поставил на сцену мвдэшного санатория «Салют». До этого я пел при Бивисе и Сенчиной «Маленькую страну». Но это было не в счет.

— Расскажи, Лева, Вите как тебя начальники чуть не пустили под откос — попросил Клаймич Лещенко — Ну после того концерта в Колонном зале Дома союзов. Поделись так сказать опытом.

— У меня там не было политики — покачал головой певец — Я просто слова забыл. Глупо получилось. В приказном порядке вызвали к руководству оркестра Гостелерадио и заставили впрячься в это мероприятие. За три дня до концерта! Пять песен. Среди них три новые: «Песня о Ленине», «Ребят позабыть не смогу» и «Приезжай на Самотлор».

— Три песни за три дня? — удивился я.

— Точно. Ну и я как-то легкомысленно отнесся. Одна репетиция и один прогон с оркестром. Выхожу на сцену — камеры

уже работают, зал встречает тепло. И я понимаю, что забыл слова песни о Ленине. Тушите свет. Поворачиваюсь к дирижёру оркестра. Юре Силантьеву. «Слова забыл!». А он мне — «в партитуре смотри»! А там одна «рыба». Аранжировщик бессмысленные слова записал. Я к музыкантам — а они уже не слышат, начали вступление играть. Силантьев мне «Пой, сука, пой». А как петь? Одну фразу вспомнил — «Солнцем согреты бескрайние нивы, в нашей душе расцвела весна…» — и стопор. Ну я ее по кругу пустил, а дальше хор вступил. Как-то пропел. Ладно, думаю, «Голубую тайгу» то я помню! На зубок знаю. Приготовился. А ведущая — Света Моргунова — объявила «Приезжай на Самотлор». Тут меня во второй раз накрыло. Начался новый кошмар, слов не помню, идет вступление. Силантьев видит, что я «ни бэ ни мэ», у него у самого не выдерживают нервы. Он задает оркестру бешеный темп — скорее бы закончить. Я что-то мычу, импровизирую. Закончили. На деревянных ногах ухожу за кулисы. А там уже начальники. Орут. Ну и меня долбанул микроинсульт. Отнялась правая рука, следом онемела правая половина лица. Отвезли в больницу, откачали.

— И чем все кончилось? — я тихо охреневаю.

— Простили. Списали все на болезнь. А если бы была политика…

Лещенко пожимает плечами.

* * *

В пятницу с утра я надеваю свой любимый итальянский костюм — «шпильмановский» мне уже мал — цепляю официальный синий галстук и отправляюсь в Кремль. Мы заезжаем через Боровицкие ворота, останавливаемся у здания Сенатского дворца. Проверяют меня недолго — не забыли еще — быстро пускают в деловую часть. В отличие от суеты на Огарева, тут царит тишина и покой. Поднимаюсь на свой этаж, захожу в кабинет. Рабочий стол завален корреспонденцией. Тяжело вздыхаю, начинаю разгребать. Чего тут только нет. Письма от начинающих певцов и композиторов, просьбы, мольбы, требования. Какие-то официальные распоряжения, копии правительственных телеграмм. Есть даже послания из тюрем. Хватаюсь за голову. Да мне это за год не разгрести!

Беру бутылку десятилетнего коньяка Хеннесси, что привез из Вены, кладу ее в красивый фирменный пакет, иду разыскивать бывшего ленинградского помощника Романова — Жулебина. Который взлетел на самый Олимп и стал Управделами ЦК КПСС.

Одним из самых могущественных людей в стране.

— Витя! — Жулебин мне искренне рад, пускает вне очереди — Сколько лет, сколько зим! Совсем нас забыл.

Рядом со столом чиновника, на отдельной тумбе, стоит американский компьютер IBM 5110, рабочее место в отличие от моего не завалено бумагами, а лишь несколькими папками разных цветов.

— Не забыл, Виктор Михайлович — я протягиваю подарок, жму руку — Вот, как только вернулся из Вены, сразу к вам. Шеф уже прилетел?

— Нет, вечером ждем. Поедешь встречать? — Жулебен заглянул в пакет, благодарно кивнул за подарок, убрал его под стол.

— Не могу. Эфир у Бовина на ТВ.

— Телемост с американцами? — заинтересовался управделами — Слышал это твоя идея, а не Лапина.

— Моя — согласился я — Но и Сергей Георгиевич над ней плотно поработал. Правда, что конкретно получилось — я еще не знаю, сценарий сегодня должны до обеда прислать.

— Такие программы по сценарию не «летят» — пророчески вздохнул Жулебин — С чем пришел?

— Виктор Михайлович! — жалостливым голосом произнес я — Знаю, что мою должность в Кремле никто всерьез не воспринимает, но раз уж так случилось, что я стал советником Романова по культуре, то хотел бы вникнуть в дела, быть полезным.

— Ты полезен тем, что нашу страну на мировой арене представляешь! — назидательно произнес чиновник — В культурном, конечно, смысле. Ты знаешь сколько заявок на твои концерты и гастроли нам из кап. стран пришло? Из МВД нам присылают копии. Больше тридцати!

— А почему только кап. стран? — удивился я.

— А ты не знаешь, какой «ценник» на тебя выставили в министерстве? — в ответ удивился Жулебин.

Мнда… Похоже Щелоков мной «торгует», а я и не в курсе. А в курсе ли Гор? Надо бы с ними обоими этот вопрос «провентилировать». А то как бы из этого «двоевластия» конфликт бы не вышел.

— Какой-нибудь африканской стране ты просто не по карману — управделами позвонил по телефону секретарше и заказал нам чай — Ладно, это мы еще обсудим, теперь к твоему вопросу.

— Я не хочу быть «зицпредседателем» — твердо произнес я — Раз назначили на должность, буду работать. Что я там должен

делать? Советовать Романову? Буду советовать. Есть идеи и по международным музыкальным фестивалям в Москве, по новым фильмам… Готов вести и прием посетителей и давать свои заключения по разным проектам в культурной сфере. С Демичивым я уже познакомился, рабочий контакт с ним налажен.

— У прежнего советника Брежнева был целый штат для этого — Жулебин достал какой-то внутренний справочник, полистал его — Тебе полагается три сотрудника. Секретарь и два младших специалиста.

— Раз надо, пусть будут. Как раз займутся сортировкой корреспонденции. А то завалили стол, черте что шлют…

— Ладно, давай так поступим… Раздался стук. — Да, войдите! — в кабинет зашла пожилая секретарша, принесла нам чай — К твоему возвращению из Японии, я подберу людей, проинструктирую их. Они составят план работы, утвердишь его у Романова лично. И вперед!

— Договорились! — я дую на чай, кладу в чашку две кусочка сахара — А в целом как дела? Что в Политбюро?

— Свара намечается — вздохнул Жулебин — Опять Суслову неймется. Видел сегодняшнюю Правду?

Я мотаю головой. Чиновник выдвигает ящик стола, достает и протягивает мне газету. В ней главный идеолог страны в передовице мечет стрелы в рок-музыку. Статья называется «Когда под ногами горит земля». Я быстро проглядываю ее. Стандартные обвинения. Тут и бездуховность, и противопоставление патлатого рокера советскому человеку знаний и труда, упреки в убогом внутреннем мире, ничтожности интересов и низменности желаний. Ну и конечно, куда без этого, низкопоклонство перед Западом. Есть в передовице и фамилии. Макаревич, Намин… Меня нет. Пока нет.

Мнда… Вот оно как все закрутилось. Готовит почву Суслов, готовит. Унавоживает. А потом глядишь — и в меня повторно «стрельнет». Какие-нибудь гневные письма читателей, доярок, а то и «коллег». Лещенко уже предупреждал. О чем? Да все о том же. Селезнев зазнался, все по загранкам, скандалы приплетут… По накатанной схеме.

— Надо отвечать — кидаю газету на стол, задумываюсь — Сможете мне устроить ответную статью в Правде? Как раз и мой статус советника по культуре заявим публично.

— Ну ты крут — удивляется мне Жулебин — Такие статьи утверждаются на уровне отдела пропаганды ЦК. А там Суслов, улавливаешь?

— А если через комсомол? Пастухов ко мне хорошо относится.

— В Комсомолку или МК можно пролезть — задумчиво произносит управделами — Знаю обоих редакторов, хорошие мужики. Но это надо согласовать с Григорием Васильевичем. Приезжай завтра, обсудим.

— Завтра выходной.

— Романов теперь и по субботам работает — тяжело вздыхает чиновник — И мы все тоже.

Я сочувствующе смотрю на Жулебина. Мнда… Задал темп Романов аппарату.

— Тебя кстати, когда на полиграф записать?

Я выпадаю в тихий осадок.

— Какой такой полиграф??

— Детектор лжи. У нас все работники ЦК, министры в обязательном порядке его проходят. Очень хорошие результаты! — Жулебин довольно улыбается — Столько всякой грязи удалось вычистить из министерств и ведомств. Насчет тебя конечно, сомнений нет — ты еще подросток и не успел совершить ошибок, но порядок есть порядок. Занимаешь официальную должность? Дееспособен?

Черт, черт, черт! Ошибок я успел насовершать — выше крыши. Точнее не ошибок, а всяких разных тайных дел — вроде убийства Середы, рициновых писем… Опытный полиграфист почует это на раз.

— Виктор Михайлович! — я покачал в сомнении головой — Нельзя мне на детектор лжи.

Управделами в удивлении посмотрел на меня.

— Вы же помните чем закончилась история с Цвигуном в КГБ?

— Что-то помню. Был скандал на Политбюро.

— Там была секретная операция КГБ, в которой я участвовал — развожу в притворном расстройстве руками — Я даже рассказывать о ней не имею права — подписку давал. Так что без прямого приказа Веверса или Романова — извините, я на полиграф не пойду.

— Хм… я поговорю с Григорием Васильевичем — Жулебин пометил себе что-то в записной книжке — Думаю, и правда, в твоем случае можно обойтись формальной проверкой.

Я мысленно вытер пот со лба. Пронесло. Романову тоже не с руки, чтобы мои «пророчества» про Челябинск, Чернобыль всплыли.

Выйдя из кабинета Жулебина, я отправляюсь обратно к себе. Но по дороге в коридоре сталкиваюсь с Устиновым. Дмитрий Федорович сегодня при параде. Министр обороны одет в форму, на кителе висят многочисленные награды. По коридору он идет в

составе целой свиты генералов. Наверняка, что-то официальное. Может быть награждение героев?

— На ловца и зверь бежит — Устинов останавливается, снимает очки. Устало трет переносицу, генералы толпятся рядом, один из них мне подмигивает.

— Здравствуйте, Дмитрий Федорович — приветствую я министра — Нашлось время посмотреть наш клип?

— Нашлось, нашлось — кивает Устинов — Как раз насчет этой песни… Ты же в Японию летишь?

— Да — насторожился я — На гастроли.

— А в Японии у нас что?

— Что?

— Американские военные базы!

— Почти пятьдесят тысяч солдат — к нашему разговору присоединяется тот самый генерал, что мне подмигивал.

— И? — я по-прежнему не догоняю.

— Нам бы очень помог рост антивоенных настроений в японском обществе — министр смотри мне в глаза — Исполняй, пожалуйста, эту свою песню «Ты в армии» почаще.

Я то как раз совсем не собирался ее исполнять. Ни разу не танцевальная музыка. Но раз такое дело…

— Мы же вроде как с американцами миримся — удивился я — Договор подписываем.

— ОСВ2 уже подписан, у нас руки развязаны — усмехается министр — Да и Картеру сейчас не до нас. У него предвыборная гонка, считай, уже началась. Пока они там с этими Бушами, Рейганами и Магнусами рвут друг другу чубы, мы им повставляем палки в колеса в Азии. Улавливаешь момент?

— Улавливаю. Все сделаю.

Я задумываюсь. Эдак для «Ты в армии» прибалтийской подтанцовки может не хватить. Там конечно, эффектные движения, «американская строевая», но можно усилить. Погасим свет, выкатим на сцену бутафорский танк, раскрашенный флюоресцентной краской. И тут же даем красную подсветку в зал и на последних аккордах танк стреляет в зрителей конфетти… Нет, бред. «Остапа опять несло».

— Только, пожалуйста, осторожно, без эксцессов — Устинов кладет мне руку на плечо — Второй Кельн нам не нужен.

— Все понял.

Я мысленно снова процитировал себе Филатова:

«Чтоб худого про царя
Не болтал народ зазря,
Действуй строго по закону,

Нет, все-таки зря в Доме Кино я не познакомился с актером.

Я прощаюсь с министром и его свитскими, отправляюсь в студию. Надо мощно потрудиться и порепетировать — концерты в Японии сами себя не подготовят.

* * *

Трудимся в поте лица. Все разногласия в коллективе позабыты, все дружно работают на результат. Мне привезли сценарий от Бовина, но смотреть его некогда. Музыканты требуют повышенного внимания, плюс запись фонограммы, плюс танцевальные номера и костюмы. Наконец, выездные документы. Последнее на себя взял Клаймич и я спокоен за результат.

— Витя-я-я-я!

Сначала я даже не особо обращаю внимание на какой-то шум. Потом крики усиливаются:

— Витя-я-я-я-я!

Я ловлю недоуменные взгляды сотрудников и наконец, возвращаюсь в окружающую действительность. А она продолжает взывать ко мне по имени. Распахиваю окно, выглядываю наружу. На улице, под ослепительным солнцем, выстроилось несколько десятков фанатов в форме большой буквы «В» и кричат «Витя». Громко, хором. Пара милиционеров стоят рядом и ничего не делают, хотя «В» своей верхней частью забирается на проезжую часть. А это уже совсем не порядок.

— Лех — я нахожу взглядом «мамонта» — Сходи, пожалуйста, узнай, в чем там дело.

Через пять минут Коростылев приводит ко мне молодого, чернявого парня в модной синей рубашке с большим, отложенным воротником. Американские джинсы и часы «Командирские» на левой руке дополняют его образ модника. Похож на армянина или грузина.

— Карен — представляется парень, разглядывая во все глаза «звездочек» и Александру.

— Это ты устроил? — я кивнул в сторону улицы.

— Меня не пустили внутрь — пожимает плечами Карен — Пришлось рекрутировать ваших фанатов.

Пробивной парень, ценю таких.

— Станислав Сергеевич насчет меня не звонил?

— А должен был?

— Вы же ищите режиссера.

— Точно. А фамилия твоя…?

— Шахназаров.

Тут я, наконец, узнаю знаменитого постановщика. Вот же мне везет! Мы из джаза, Зимний вечер в Гаграх, Курьер… Но как же он молод!

— Сколько тебе?

— Двадцать семь — неуверенно произносит Карен, поглядывая на сотрудников. Те его тоже рассматривают с интересом.

— А что уже успел снять?

— Пока только один фильм. «Добряки». Скоро выйдет.

На улице раздается вой сирен. Я повторно выглядываю в окно — у нашей студии паркуется Козлик патруля. Фанаты разбегаются во все стороны. Понятно, наша охрана на всякий случай вызвала подмогу.

— Леш — я вновь прошу «мамонта» — Скажи Вячеславу, чтобы успокоил там всех.

— Готов снимать прямо сейчас? — это уже Шахназарову.

— Что значит «прямо сейчас»? — удивляется режиссер.

Сотрудники тоже смотрят на меня в недоумении.

— У нас «горит» — начинаю объяснять я — Через две недели мы улетаем в Японию. Срочно нужен десятиминутный клип — это такой мини-фильм под музыку…

— Я знаю! Видел клип «Мы желаем счастья». Отлично сделано!

— Спасибо. Так вот у нас есть песня Японские девочки. Надо срочно, кровь из носу, снять к нему клип.

— Даже короткий фильм требует сценарий, раскадровки, подготовительного периода — начал перечислять Шахназаров.

— Нету времени!

— А оборудование?

— У нас есть студия с камерами. «Магнолия».

— Я сейчас позвоню знакомому оператору, вызову его — не растерялся режиссер — Можно хотя бы послушать музыку? Пока он едет, я набросаю сценарий.

Вот! Профессионала сразу видно. Сработаемся!

— Коля — я кричу Завадскому в дверь студии — Пусти полную фонограмму Японских девчонок.

Шахназаров, морща лоб, внимательно слушает песню. Что-то записывает в небольшой блокнот. Не дав ему даже слова сказать — сразу после окончания фонограммы тяну в кабинет. Там врубаю на видике кассету с концертом на Уэмбли.

Гаснет свет, по стадиону разносится хорошо узнаваемый шум

аэропорта. Слышен рев взлетающих и садящихся лайнеров, монотонный женский голос объявляет о прибытии самолета японских авиалиний, сначала на английском, потом на японском языке. Мигают «бортовые огни самолета», вдоль «языка» подиума, рассекающего танцпол, зажигаются и переливаются лампочки, имитируя посадочную полосу аэропорта. Вспыхивают софиты, освещая меня в форме командира экипажа. Одновременно раздаются первые аккорды песни «Japanese Girls», и софиты выхватывают из темноты трех звездочек, стоящих в центре сцены. Они в форме стюардесс — узкие юбки длиной по колено, приталенные пиджаки с нашивками, яркие шейные платки и короткие белоснежные перчатки. На головах девушек пилотки и черные парики. Звучит приветствие на японском языке. Девушки, ослепительно улыбаются, синхронным жестом вскидывают руку к пилотке, приветствуя зрителей, и с первыми словами песни начинают свое движение, шествуя модельным шагом по светящемуся подиуму.

Шахназаров одобрительно смотрит на меня. Еще что-то записывает в блокнот.

А я предаюсь воспоминаниям. В тот раз женская подтанцовка у нас была английская и мы одели ее японками. Бумажные зонтики, традиционные кимоно и сандалии на платформе. Боже, сколько же намучились пока англичане научились двигаться на этих «гэта». Совершенно неудобная обувь. Как японцы в средние века носили ее? Понять не могу.

К началу второго куплета звездочки выстраиваются в ряд и под музыку изображают предполетный инструктаж пассажиров, сопровождая его профессиональными жестами рук, хорошо известными всем авиапассажирам. Их жесты отточены, синхронны, с лиц не сходят сияющие улыбки. В руках, словно из воздуха появляются ремни безопасности, с которыми они устраивают настоящее шоу.

— Слушай, но это так и просится в клип! — на лице Шахназарова улыбка — Можем врезать на монтаже, а можем переснять в аэропорту. Доедем во Внуково или Шереметьево, снимем в каком-нибудь самолете на стоянке. Но нужен звонок «сверху».

— Звонок будет. Ты смотри дальше.

Снова припев, и снова в центре внимания «японки» в кимоно, только теперь в их руках японские веера, расписанные цветущими ветками сакуры. В конце песни наши «стюардессы» опять совершают свой триумфальный проход по подиуму, вскидывая руки к пилоткам в прощальном жесте. Публика, предчувствуя финал песни, взрывается восторженными криками, даже не

дожидаясь последних аккордов песни.

— Шикарно! — режиссер тоже в восторге — Не использовать это грех! Сделаем досъемки в аэропорту, в студии и пустим вперемежку с кадрами из концерта. Возможно, понадобятся японки. Я знаю, что в балетной школе учится несколько девчонок.

— Это хореографическое училище?

— Да, оно. Берем японок, наряжаем в кимоно. На Мосфильме есть пошивочный цех — договорюсь. Я прямо вижу, как…

— Стоп! — я вскидываю руки — Тебе и карты в руки. Пиши сценарий, звони своим знакомым, начинайте съемки.

— Понадобятся деньги — замялся Шахназаров.

— Сколько?

— Я составлю бюджет. Но по прикидкам, тысячи три. Тем более все оборудование у вас есть.

Открываю сейф, достаю несколько пачек в банковской упаковке. Лицо Шахназарова вытягивается. Он мнется, вертит в руках деньги.

— Ты не боишься вот так, без расписки, давать большие деньги незнакомому человеку?

— За тебя же Станислав Сергеевич поручился? — удивляюсь я — Потом ты мне показался человеком порядочным и деловым.

Я добавляю еще одну пачку — Это тебе аванс. За работу.

— Спасибо за доверие! — режиссер встает, жмет мне руку — Не подведу!

Пытается засунуть пачки в карманы джинсов, не получается. Шахназаров краснеет. Выглядит это забавно.

— Держи — я даю парню пакет Сваровски — У нас в студии есть охранники. Они походят с тобой на всякий случай.

Окрыленный Шахназаров уходит, а я опять звоню Гору. Это только в теории так легко режиссер вмонтировал Уэмбли в клип. А на самом деле права на концерт у Бибиси и Атлантик Рекордс. С них надо получить официальное разрешение на использование кадров. В СССР плюют на авторские права — но клип пойдет на Запад, а значит, надо озаботиться юридическими вопросами. Гор обрадован, дает согласие на использование кадров, но озадачивает меня вопросом разницей форматов. Если презентация клипа состоится в Японии, то надо сразу озаботиться проблемой кодировки. Я тяжело вздыхаю. Теперь еще и это разруливать. Впрочем, Гор и тут готов помочь — пришлет аппаратуру и специалиста в Токио. Мы обговариваем еще ряд вопросов в связи с гастролями и в заключение, продюсер радует меня хорошими новостями. Фильм «Жить в СССР» пустили в ограниченный прокат в нескольких штатах. И таким образом одно из главных требований к номинантам на Оскар уже выполнено.

Ушлый Гор уже подсуетился и заключил с родителями Моники контракт. Теперь его компания является официальным представителем девочки, будет двигать ее в различных медийных проектах.

Все обговорив и повесив трубку, я задумываюсь о найме хорошего юриста-международника. Их готовят в МГИМО, которое закончили Вера с Альдоной. Через «звездочек» можно выйти на какого-нибудь авторитетного завкафедрой, который посоветует уже нужного специалиста. Или лучше выйти сразу на ректора МГУ? Осенью я уже буду учиться на юридическом факультете — там тоже есть хорошие профессионалы. А моя «вкусная» просьба поможет протоптать дорожку к ректору.

Делаю себе пометку в ежедневнике. По примеру Клаймича завел кондуит и записываю все планы и задания. Себе и сотрудникам.

— Виктор! — в дверь заглядывает Полина Матвеевна — Лещенко приехал.

* * *

Сразу после того, как я заканчиваю с Лещенко в студии появляется загнанный Клаймич. На него и правда последнее время много свалилось, но он держится. Мы обсуждаем рабочие вопросы, приходится задействовать «вертушку» и набирать Щелокову. Пинок сверху придает ускорение нашей советской бюрократии, ряд вопросов решаются резко положительно. С поста в кабинет звонят:

— Виктор, к вам товарищи из Свердловского райкома ВЛКСМ — Константинов и Перепелкин. Пропустить?

Я озвучиваю новость директору и мы с Клаймичем переглядываемся. Удивление на моем лице быстро сменяется мстительным оскалом. Я парень не злопамятный, но ради таких хороших людей сделаю исключение.

— Сейчас Григорий Давыдович за ними спустится. Попросите товарищей подождать.

— Есть, подождать!

Я откидываюсь на спинку кресла, прикидывая в голове, как выстроить разговор с этими «деятелями».

— Незваные гости?

— Угу… те, что хуже татар.

— Чего хотят? Пришли мириться?

— Скорее уж грехи замаливать. А знаете что, Григорий Давыдович? Помаринуйте-ка их вежливо минут десять внизу!

Скажите, что у меня сейчас важный разговор с министром иностранных дел, и мне немного не до них. Покажите им пока нашу стену Славы, упомяните невзначай, что сам Романов к нам недавно привозил делегацию немецких промышленников, и пафоса, пафоса побольше в свой рассказ напустите! Пусть до них уже дойдет, на кого они рот открыли со своим «персональным делом». А потом ко мне. На воспитательную беседу. И пока я им буду политику партии и правительства объяснять, пару раз мне какие-нибудь бумаги на подпись занесите, ладно?

— Хорошо.

Клаймич понятливо хмыкает и выходит из кабинета. А я не спеша начинаю переодеваться. Одежда вам моя, суки, не понравилась? Сейчас мы это дело исправим…

И когда через четверть часа Клаймич все-таки приводит их в мой кабинет, я вижу, что они уже вполне созрели для завершающего разговора. Из-за стола не поднимаюсь — некогда мне — ограничиваюсь небрежным кивком головы и снова утыкаюсь взглядомдокументы, изображая чрезвычайно занятого человека. Потом поднимаю трубку:

— Полина Матвеевна, не соединяйте меня пока ни с кем. Если только из США позвонят или из Италии.

— Я прослежу, Виктор Станиславович, чтобы никто вас не беспокоил — секретарша «включается» в игру.

— Спасибо.

Вот уж не думал я, что мой прежний опыт чиновничьих игр так быстро мне здесь пригодится. Но сейчас даже Клаймич впечатлен. На месте взъерошенного подростка в растянутой толстовке, за столом сидит молодой аккуратно причесанный чиновник в дорогом импортном костюме, сорочке и галстуке. В окружении многочисленных папок с документами и телефонов, в одном из которых безошибочно узнается правительственная «вертушка». Да и кабинет мой покруче многих будет. Медленно закрываю папку перед собой, поднимаю тяжелый взгляд на комсомольцев.

— Чем обязан …товарищи?

Моим голосом можно замораживать океаны. Довольный Клаймич украдкой показывает мне большой палец и осторожно закрывает за собой дверь. Я умышлено не предлагаю гостям садиться, потому что прекрасно знаю, как быстро стояние на вытяжку лишает человека уверенности. Здесь мой кабинет, а значит и мои правила. Я этих начинающих карьеристов на своем веку повидал столько, что им и не снилось. И те зубастые юноши с акульими повадками из нулевых — не этим чета. Эти сдулись очень быстро. Куда только весь гонор делся… Топчутся у стола,

как два нашкодивших школьника.

— Виктор, мы бы хотели уладить возникшее недоразумение.

— Недоразумение?!

Я удивленно вздергиваю бровь. Нормально так…! Попытку прилюдно выпороть помощника Генсека по культуре назвать недоразумением. Еще бы невинной шуткой свое аутодафе назвали. Держу паузу, и вскоре очкарик Перепелкин не выдерживает — ломается первым. И разговор у нас теперь на «вы».

— Ну, вы же понимаете, что это не мы затеяли разбор вашего персонального дела?

— А кто? Горком комсомола? ЦК ВЛКСМ?

— Нет, конечно! Берите выше. Был звонок…

Перепелкин получает тычок в бок от начальника и затыкается на полуслове. Вот и ходи с таким в разведку — тут же всех и сдаст! Да, мне собственно и неважна фамилия того, кто им звонил, главный кукловод и так известен. Но этих ретивых горе — исполнителей все равно немного проучить не мешает. Небрежным взмахом руки предлагаю им, наконец, сесть. А дождавшись, когда они плюхнутся на стулья, меняю дислокацию — встаю и неспешно начинаю мерить шагами кабинет вдоль стола для совещаний. Постоянно оказываясь у них за спиной и заставляя их невольно вертеть шеями и головами.

— Хотите сказать, что это вам «сверху» из ЦК приказали рассмотреть персональное дело советника Генерального Секретаря КПСС по культуре? Минуя все инстанции, в обход ваших непосредственных руководителей?

— Да, мы даже не знали, что вы — советники товарища Романова! Кто бы нам об этом сказал? Передали письма с жалобами на вас, объяснили, на что нужно сделать особый акцент, и все.

— И по существу старшие товарищи правы — подал наконец голос Константинов — Драки-то с вашим участием были.

— Были — Легко соглашаюсь я. — Целых две. По результатам первой, в ресторане «Арагви», мне вручена правительственная награда за задержание особо опасных преступников, находившихся во всесоюзном розыске. После второй мне принесены искренние извинения от руководства гостиницы «Ореанда». Хулиганов, затеявших драку привлечь к уголовной ответственности, к сожалению, не удалось, они граждане Финляндии. Но разбитые посуду и стекла финны оплатили, как и штраф за хулиганство в общественном месте.

— Но кто же знал?!

— Тот, кто вас подставил. Что вы так на меня смотрите?

Конечно, вас подставили. Чтобы потом именно на вас и свалить всю ответственность. Письменного приказа у вас не было, в горком и ЦК комсомола вы о звонке сверху не сообщили. И за все теперь придется отвечать лично вам, а тот, кто это затеял, останется в стороне. Вы же понимаете, что товарищ Романов этого так не оставит? Виноватые должны быть наказаны. Просто пока ему не до этого было — Вена, ОСВ-2.

— Как же так…

Я равнодушно пожимаю плечами. А вот так. Влезли во взрослые аппаратные игры, решили выслужиться перед ЦК — получите, распишитесь. Свои же теперь вас и растопчут. Ладно, объясню хоть идиотам, во что они вляпались. Начинаю свой спич в духе героя Пуговкина: «В то время, как наши космические корабли бороздят…»

— Понимаете товарищи, наша страна стоит на пороге больших перемен. Партия уверенно взяла курс на модернизацию промышленности, преодоление технического отставания от Запада и наведение порядка во всех сферах экономики. Товарищ Романов, его соратники из Политбюро, его единомышленники — все мы сейчас на передовой. И у каждого из нас своя особенная задача. Кто-то налаживает отношения с иностранными государствами и компаниями, которые могут помочь в модернизации, кто-то взял под строгий контроль подготовку к Олимпиаде, кто-то наводит порядок в национальных республиках, погрязших в коррупции и криминале. Наша студия при МВД тоже на передовой — она зарабатывает для страны крайне необходимую ей валюту для закупки станков и оборудования, для перевооружения нашей промышленности. И это очень важно для СССР. Но далеко не всем эти перемены нравятся, кое-кто — я многозначительно показываю пальцем вверх — хотел бы отсидеться в окопах и все оставить по-старому, вставляя палки в колеса локомотиву перемен, набирающему ход. Понимаете?

Комсомольцы дружно кивают — в глазах уважительная боязнь, не ожидали таких речей от какого-то сопливого певца. Ага… Вы еще посоревнуйтесь со мной в словоблудии. Я вам сто очков вперед дам, щеглы комсомольские! Делаю многозначительную паузу, давая им осознать, на чьей стороне они сыграли. И добиваю:

— И как я должен был объяснять товарищу Романову это судилище, организованное в Свердловском райкоме ВЛКСМ города Москвы? Нам к Венской встрече в верхах готовиться, а комсомольцы района… Вы вообще, на чьей стороне, товарищи?! — на моем лице выражение вселенской скорби от глубочайшего разочарования их поступком.

На самом деле для меня не секрет, почему они здесь появились. Борис Пастухов им потом такую головомойку устроил, что эти деятели вообще чудом на своих постах остались. Ага… после клятвенных заверений, что они теперь «ни за что и никогда!», что студия МВД будет иметь отныне всестороннюю поддержку райкома ВЛКСМ, а товарища Селезнева они хоть сегодня же готовы ввести в состав Бюро. Вот и явились товарищи принести свои глубочайшие извинения, а заодно и пригласить на очередное заседание Бюро райкома.

И точно. Константинов наконец-то разражается в ответ пламенной речью, из которой следует, что былые обиды нам всем нужно забыть и теперь работать в едином порыве на благо Родины и партии. А для этого мне просто необходимо войти в состав Бюро родного Свердловского райкома ВЛКСМ. Ну, да — заняться-то мне больше нечем, как только штаны протирать на заседаниях! Но не скажешь же этим деятелям в лицо, что все их почести мне вообще по фигу. Надо как-то соответствовать имиджу советника Генсека. Я делаю вид, что глубоко задумался.

— Товарищи, в ближайшее время никак. Спасибо за оказанное доверие, но вынужден отказаться, чтобы никого не подвести. Времени на общественную работу по линии комсомола совсем нет. Через неделю у нас Япония, потом подготовка к США. На работе полный аврал.

Словно в подтверждение моих слов в кабинет заходит Клаймич — с какими-то документами в руках и с крайне озабоченным выражением на лице.

— Извините, что прерываю, товарищи! Виктор срочно требуется переговорить с японским посольством.

Я развожу руками. Мол, сами видите, в каком цейтноте работаю. Решительно встаю, давая понять, что аудиенция закончена, изображаю на лице дружелюбную улыбку и даже провожаю комсомольцев до дверей. А напоследок нагло предлагаю им обсудить с Григорием Давыдовичем, чем родной райком ВЛКСМ может конкретно помочь нашей студии. Вот, например, комсомольский патруль по вечерам здесь не помешал бы, в соседних дворах субботник неплохо бы провести — скамейки там покрасить, штакетник кое-где поправить. А еще наладить контакт с нашим фанклубом, который в подвале соседнего дома ютится — может, и там помощь райкома не помешает. Офигевшие от моей наглости лица комсомольских функционеров дорогого стоят. Клаймич еле сдерживается, чтобы не заржать. Одариваю их еще одной улыбкой на миллион и закрываю за ними дверь.

Да, вот такая я совершенно очаровательная сволочь.

И я даже не удивился, когда всего спустя час после визита Константинова и Перепелкина, мне позвонил глава всего советского комсомола товарищ Пастухов. Борис Николаевич был сама любезность. Поинтересовался разрешился ли инцидент, нет ли каких обид? Я разумеется, заверил, что все пучком, до Романова доводить не буду (тем более тот и так все знает), проблема разрешена. Но я бы не был я, если за такую услугу не потребовал ответки. Ей стала просьба продвинуть в Комсомолку статью, которую я пытался писать весь день. Про советский рок. Времени катастрофически не хватало, но кое-что уже начало намечаться.

— Мне уже звонил Жулебин — признался Пастухов — Был разговор на эту тему. Если будет устная санкция Григория Васильевича, тут же запустим в печать. Редактора я предупрежу.

— Санкция будет. Завтра с утра поеду в Кремль — я тяжело вздохнул. Предстояла еще одна битва.

* * *

Закончив все репетиции и хлопоты, я отправляюсь в Останкино. По дороге, пытаюсь читать сценарий, но меня укачивает. Впрочем, рвотный рефлекс возник бы и без ухабов на московских дорогах. ТВ-чиновники написали такую чушь, что просто диву даешься. Нормальное, живое общение по привычке превратили в зевотный официоз.

Встречает меня лично Лапин. Волнуется! Проводит в студию, сам садится в монтажной, откуда будет руководить эфиром. Народ узнает меня, слышится легкий гул. Я приземляюсь в первый ряд — на стуле лежит специальная бумажка с моим именем. Удобно.

Справа сидит привлекательная молодая женщина в бежевой блузке и юбке до колен. Знакомимся. Елена Владимировна Кириленко. Московская учительница. Волнуется — теребит пальцами оборку на блузке, поправляет модельную прическу. В ушах забавные сережки в виде кленовых листиков, я засматриваюсь и вижу, как она краснеет.

Слева — какой-то квадратный парень в плохо сидящем костюме. Короткая стрижка, упрямый подбородок. Шахтер. А вот гегемон. Куда без него. Пальцами с плохо отмытой угольной пылью сжимает в руках бумажку со своими вопросами. Тоже знакомимся. Андрей Лебедев. Кемерово.

Я вздыхаю, разглядываю слабо украшенную студию. На сцене ходит Бовин с целым ворохом бумажек, последний раз изучает

сценарий. На мониторах за Бовиным уже видна американская студия — техническая картинка идет. На больших часах без четверти восемь. Соответственно, в Вашингтоне почти час дня.

Вижу высокого усатого мужчину в тройке, который расхаживает по точно такой же студии за океаном. Тед Тернер. Является владельцем развлекательного конгломерата «Warner Turner Communications Group». Который собственно, и организует телемост со стороны американцев. Удивительно, что Тернер решает сам вести передачу, а не доверяет это своей «звезде» Филу Донахью.

Бовин начинает саундчек микрофона, синхронист в будке тоже говорит «раз-раз». Нам дают звук с американской стороны. Все хорошо слышно и видно. Бовин и Тернер обмениваются приветствиями, пошел последний отсчет.

— Здравствуйте товарищи! Мы начинаем наш первый телемост Москва-Вашингтон — мягкий баритон Бовина успокаивает и усыпляет. С той стороны очень похожим образом вступает Тед Тернер. Длятся приветствия, взаимные представления. Первые задают вопрос американцы. Слово дают пожилой женщине. Уже по ее фамилии Гвурман я понимаю куда идет сюжет. Вопрос про судьбу евреев в СССР. С одной стороны, долгие годы им препятствовали с выездом на историческую Родину. С другой стороны, в последнее время наметился некоторый прогресс, ручеек «избранного» народа в сторону Израиля набрал силу. Гвурман спрашивает, а как, собственно, евреи сейчас себя чувствуют в Союзе.

А наши-то подготовились! Слово дают инженеру Конторовичу. Худой мужик, с большим носом крючком. Конторович явно выполнил домашнее задание. Его речь плавна, содержательна и полна шуток. Еврей смеется над евреями. Мол, если вас не устраивает одна Родина, какие шансы, что будет все хорошо со второй? Заканчивает он анекдотом, который понятен даже американцам:

— Приходит один старый еврей в ОВИР.

Конторович ждет, пока переводчик даст пояснения этой организации.

— Скажите, я могу эмигрировать в Израиль, на историческую родину? — Да, конечно. Вот вам анкета, заполняйте. — А в Германию можно? — Теперь можно. Вот вам анкета, заполняйте. — А в Штаты? — Да, конечно. Вот вам анкета, заполняйте. — А в… — Дедуля, вот вам глобус — выбирайте страну, определяйтесь, приходите и заполняйте анкету. Через некоторое время еврей возвращается с глобусом в руках и спрашивает: — Скажите, а у вас нет другого глобуса?

Наши начинают смеяться первыми, американцы присоединяются с некоторым опозданием.

После еврейского вопроса, мы отвечаем негритянскими погромами в Нью-Йорке. Тут уже дают слово мне и я вставляю свои «пять копеек» (у американцев, кстати, есть похожая идиома, но «подешевле» — вставить два цента) — делюсь воспоминаниями, «пережитым ужасом». Сетую, что последнего чернокожего линчевали всего двадцать лет назад — в 1959-м году. Интересуюсь, как сейчас с расовым вопросом в Штатах? Краем глаза вижу одобрительные кивки учительницы и шахтера.

Эту нашу предсказуемую «подачу» американцы тоже легко отбивают. Вспоминают Лютера Кинга, закон о гражданских правах. Последние волнения списывают на экономические причины — дескать, в США рецессия, которая в первую очередь бьет по негритянскому населению. Причем эту теорию задвигает, какой-то чернокожий профессор. Американцы тоже хорошо подготовились.

Далее разговор крутится вокруг тем образования, положения рабочего класса, вспоминают и женский вопрос. Феминизм в Штатах только поднимает голову и местные активистки очень хвалят СССР. Ведь мы первыми в Европе уровняли права мужчин и женщин, у нас полно дам среди депутатов и руководителей. Первоначальный накал спадает, народ начинает скучать. Я смотрю на часы. Телемост подходит к своему концу. Немного обсуждают приезд Годунова в США, его балет. Я мысленно потираю руки. Теперь не сбежит почем зря.

В заключение Тед Тернер берет слово и задает вопрос уже мне лично. Про творческие планы и гастроли в Штатах. Дают фрагмент из песни «Мы мир». Градус в американской студии поднимается. Девушки в первом ряду начинают повизгивать, Тернеру приходится повышать голос. Дают слово мне, я заверяю всех, что гастроли будут, новые песни уже написаны. На этих словах мы видим на мониторах, как фанатки срывают с себя майки, под которыми… да, ничего нет. У наших зрителей челюсти едут вниз, я слышу как ойкает учительница и матерится шахтер. Бовин закрывает своим телом один из мониторов. Но ведь есть и второй!

Над студией повисает дружный «ох». Впрочем, кое-что на фанатках все-таки есть. Это надпись на голых бюстах — Viktor!! И красные звезды по краям.

В американской студии тоже шум, Тернер подзывает охрану и та начинает выводить полуобнаженных девушек.

Мне же тем временем хватает ума продолжать говорить, как будто ничего не происходит. Несу что-то про Японию, про то, что

фильм «Жить в СССР» выдвинут на Оскар, сетую, что в американскую студию не позвали Монику с отцом и они не могут поделиться своими впечатлениями от СССР. Может быть их позовут на следующий телемост? Я болтаю без устали и молюсь, чтобы картинка в эфир в момент раздевания шла с нашей стороны.

Постепенно все успокаивается, ведущие берут ситуацию под контроль, прощаются. Мониторы выключаются, Бовин вытирает пот со лба. Шахтер все еще тихо матерится — явно будет, что рассказать мужикам в Кемерово. Раскрасневшаяся учительница с интересом поглядывает на меня. Я чувствую себя сдутым шариком.

Подходит улыбающийся Лапин, жмет мне руку — Спасибо! Спас, просто спас.

— Сергей Георгиевич! Скажите, что картинка шла с нашей стороны — я тоже вытираю пот со лба тыльной стороной ладони.

— С нашей! Американцев вообще не дали до самого конца — только тебя и Бовина.

Все вокруг облегченно вздыхают. Гаснут софиты, народ начинает расходиться. Лапин тащит меня к себе в кабинет, наливает чаю. Мы обжигаясь, пьем вприкуску с сахаром, со смехом вспоминаем концовку телемоста. Я даже шучу про размер груди фанаток — могли бы подобрать не плоскеньких, а фактурных. На что Лапин мне шутливо грозит пальцем. Проскочили! Вот ощущение, которое владеет нами обоими.

Почувствовав некоторое единение с чиновником, я начинаю излагать ему свои мысли.

— Сергей Георгиевич, наше телевидение должно нести в народные массы духовные ценности высшего порядка. Вот в 1967 вы пробовали 4 канал запустить, а потом запретили. Почему? Нужен же отдельный культурно-научно-познавательный канал, который можно прямо так и назвать «Культура». Запустить например проект «Академия» с лекциями лучших профессоров Союза. Историков, лингвистов, реставраторов. Цикл передач о музеях, памятниках архитектуры, о знаменитых актерах. Мне, скажем, некогда ходить в лекторий, но я с удовольствием послушаю лекцию по истории после ужина. Или по физике.

— У нас же есть «Очевидное невероятное»!

— Этого крайне мало! И передача эта узкого направления, там в основном про науку. А у нас даже нет достойных документальных образовательных фильмов, почему бы их у BBC не закупать? Глядишь — и наши документалисты свой уровень подтянут.

— Но если забрать такие передачи на отдельный канал —

Лапин в сомнении качает головой — Тогда нынешние оскудеют!

— На них тоже добавить передач. Например, «Вокруг Смеха» — почему она так редко выходит, если так популярна в народе? Материала не хватает? Давайте напишем для них больше песен-пародий. Можно дать там подборку идиотских американских законов и всячески обсмеять их. Например, в одном штате есть закон запрещающий рекам подниматься выше определённого уровня! В другом штате запрещено выпускать на улицу кошек без стоп-сигнала! — я вижу как глава Гостелерадио улыбается — Ещё в одном собакам запрещается спариваться ближе 300 метров от церкви (видимо все собаки должны бегать с рулетками!) А ведь это ЗАКОНЫ! Принимаемые ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ. Тема неисчерпаемая, можно прямо отдельную рубрику такую сделать.

— Так, подожди-ка…!

У Лапина загораются глаза, он хватает со стола блокнот и начинает быстро записывать мои предложения. Они ему явно нравятся. Очень надеюсь, что хотя бы часть из них получит путевку в жизнь и раскрасит наше унылое ТВ яркими красками.

— А кулинария!

— Что кулинария?!

— Почему у нас нет кулинарных передач?

— Ну… это как-то не принято. Да и вопросы по продуктам могут поднять в письмах.

— Так нужно готовить из доступных продуктов — я достаю записную книжку, выписываю на бумажку номер — Вот телефон Гуральника из Праги. Он может учить печь какие-то простейшие торты и пироги — уж с мукой у нас в стране точно порядок. А блины?! Какую-нибудь тетушку привлечь — учить население солить и консервировать на зиму овощи. Овощей и фруктов летом завались! Да из одной только картошки сколько блюд можно приготовить — вспомните хотя бы Тоську из «Девчат»!

Лапин улыбается. Видимо тоже вспомнил знаменитые кадры из любимого всеми фильма: «Думаешь картошка это так просто — сварил и съел? Да, не тут-то было!»

— В конце концов, можно и артистов в студию приглашать. Два ведущих. Один готовит — другой помогает и рассказывает всякие интересные истории. На первый эфир — «Остапа несло» — Могу и я прийти. Вместе с Гуральником. Расскажу ему под пироги, как я ездил в Вену, Рим, Нью-Йорк. Про концерты…

Лапин в удивлении качает головой. Еще себе что-то помечает.

— А домоводство? Почему бы вам не сделать цикл передач по ведению домашнего хозяйства для женщин? О выращивании домашних цветов, научить народ не только готовить, но и шить себе наряды, что-то мастерить по хозяйству. Давать какие-то

полезные советы. Да у нас такие умельцы есть в стране — народ вас просто закидает своими предложениями! Психологов подключить, чтобы давали советы по воспитанию детей. Только пафоса не нужно, все должно быть понятно интересно и доступно.

— По развлекательным передачам что-нибудь еще предложишь?

— Ставка на сериалы. Посмотрите какой успех был у 17-ти Мгновений весны. Сейчас на подходе Говорухин с Высоцким.

Лапин морщится. Высоцкого он не любит и всячески гнобит. Сначала «Место встречи» вообще хотели положить на полку. И только через Щелокова, на День Милиции удалось пробить показ. А после фильм уже было не удержать. Всенародная известность и признание!

— Вы зря морщитесь. «Место встречи» — замечательный фильм! Я видел черновые материалы, это шедевр. Потомки будут смотреть. И вот таких долгоиграющих многосерийных шедевров нам нужно как можно больше. Тогда и народ не будет бегать за этими глупыми гонконгскими и голливудскими боевиками.

Чиновник тяжело вздыхает, задумывается. Я решаю ковать железо дальше.

— Или вот, для начала сделайте хотя бы Голубой огонек почаще — к каждому празднику. Давайте к Новому году снимем «Новогодний аттракцион» в цирке на Цветном бульваре, где выступят не только цирковые артисты, но и эстрадные. Клоуны там, Никулин… Эстрадных можно привлечь к исполнению цирковых номеров. Хотите — я сам под купол цирка залезу?!

— Что бы потом мне Романов голову открутил? — смеется Лапин — Ладно. Ты мне здесь рацпредложений уже на пару лет накидал. Но толковые идеи здесь несомненно есть. И про канал «Культура» стоит подумать в первую очередь.

— Только «Академию» сделайте, пожалуйста, живой. Анимацию какую-нибудь познавательную добавьте. Пусть профессора стоят за кафедрой, но в зал посадите настоящих студентов — живых, любознательных. Пусть в конце будет диалог с вопросами и ответами. Разве мало у нас хорошей, симпатичной молодежи, которую не стыдно не только стране, но и всему миру показать? А профессура у нас какая?! Ведь эти люди уйдут, а у нас от них только книги и останутся. И это в лучшем случае. Ведь большинство населения наших историков и лингвистов даже в лицо не знает! И понятия не имеет, чем они занимаются. Мы как Иваны, не помнящие родства!

— Хорошо, Виктор. Считай, что убедил. Не знаю, как с кулинарией и домоводством получится, а твоему проекту «Академия» точно быть. Очень достойная тема! Сериалы тоже

закажу сценаристам.

— Ну и отлично! Ах да, чуть не забыл. Верните КВН!

* * *

Попрощавшись с Лапиным, я наплевав на все, включая ироничный взгляд Вячеслава, отправляюсь на Речной вокзал. Именно там живут Веверсы. Вообще-то высокопоставленные сотрудники ПГУ в обязательном порядке перебираются в персональные коттеджи в Ясенево. Дабы враг не подобрался. Но Веверс почему-то еще не последовал этой традиции.

На мой звонок, дверь открывает сама Альдона. Девушка наряжена в белое кимоно, которое в тхэквондо называется добок. На лбу пот, похоже, «снежная королева» тренировалась.

— Витя? — Альдона удивлена, на скулах появляется румянец.

— Извини, что без предупреждения — я кошусь в сторону охраны и девушка сразу это «считывает».

— Проходи!

Вячеслав с ребятами остается снаружи, мы проходим внутрь трехкомнатной квартиры Веверсов. Я вновь удивляюсь отличному дизайну с восточным колоритом. Настенные фонарики, низкая мебель, фарфоровые напольные вазы. Несколько японских катан, прямых корейских мечей органично дополняют убранство. Интересно, а что за фоторамка молодой привлекательной женщины стоит на одной из книжных полок? Меня охватывает любопытство. Жена Веверса? Альдона ничего не рассказывала о своей погибшей матери. Только то, что она умерла от аппендицита. Не успели довезти до больницы.

В одной из комнат стоит раскладная макивара. Я кошусь на замотанные кулаки «Снежной Королевы». Похоже, девушка отрабатывала удары руками.

— Зеленый чай будешь? — мы проходим на кухню, Альдона начинает разматывать бинты.

— Дай помогу — я падаю на стул, усаживаю девушку на колени. Начинаю снимать бинты. Румянец на скулах Альдоны становится еще больше. Она вырывает руку, вскакивает.

— Чайник сам поставь — я в душ.

С сожалением провожаю стройную фигуру девушки взглядом. Мне явно рады, хотя всячески и скрывают.

— Может что покрепче? Сакэ там? — кричу я в сторону ванны.

— В Корее нет сакэ — из-за двери раздается ответ — Соджу.

— Водка?

— Да. Посмотри в большой комнате, в баре у отца.

— А генерал не объявится? — я вспоминаю про Веверса.

Ответа приходится ждать несколько минут. Льется вода, я копаюсь в баре. Нахожу бутылку с какой-то прозрачной жидкостью и иероглифами. Нюхаю. Пахнет подозрительно. Какая-то сивуха.

— Не придет — я и не замечаю, что Альдона уже вышла из ванной. Девушка обмотана коротким белым полотенцем, глаза сияют. Из-под полотенца видны длинные, стройные ноги. Меня бросает в жар. Я оставляю бутылку, впиваюсь поцелуем в губы. Альдона стонет от страсти, но все-таки отталкивает меня.

— Не так быстро! Свалился как снег на голову… — «Снежная королева» закусила губу и строго на меня смотрит.

— Ладно, давай чаю — я сожалением ставлю бутылку обратно в выдвижной бар. Альдона скрывается в своей комнате, выходит оттуда в легком шелковом халате, расписанным голубыми журавлями. Прическа заколота наверх, на губах красная помада. Когда только успела?

— В Корее тоже есть чайная церемония — девушка ставит чайник на плиту, достает посуду — Называется дэйре. Во-первых, нужен Нок-Ча…

На столе появляется глиняная емкость с листьями зеленого корейского чая. Рядом ложится длинная бамбуковая ложка.

— Во-вторых, специальные фарфоровые пиалы. И чайник.

Посуда также отправляется на стол.

— Наконец, нужен…

— Да черт с ним, с чаем — я сгребаю девушку, целую в лебединую шею. Этого она не выдерживает. Рвет с меня куртку, рубашку. Я успеваю отодвинуть дорогие фарфоровые пиалы со стола, усаживаю Альднону на стол, раздвигаю ноги. Под халатом — ничего нет. А мне ничего и не нужно. Мы соединяемся с такой страстью, что мебель ходит ходуном, а я даже зажимаю девушке рот. От ее крика может проснуться весь дом.

После кухни, перебираемся в комнату Альдоны. Лежим в ее кровати, переводим дух. Я ласкаю изумительную грудь «Снежной королевы» и думаю о том, что если отец все-таки вернется и застанет нас — ему придется как-то реагировать. Одно дело знать в теории, другое — на практике столкнуться нос к носу. Как он себя поведет?

— А ты хорошо выступил на телемосте — Альдона целует меня в ухо — Только что там за заминка в конце была?

— Заметила?

— Бовин слишком суетился, да и ты частил.

— В американской студии фанатки разделись. У Лапина чуть

инфаркт не случился.

— Да?? — Альдона привстала, уперлась мне руками в грудь — Везет тебе Селезнев на женские прелести!

Я ненатурально засмеялся.

— Твои прелести лучше всех — ловлю губами напрягшийся сосок девушки. Мы тут же возбуждаемся и заходим на второй круг. На сей раз все длится долго и в разных позах.

— Это было нечто! — я вытираю пот со лба, закрываю глаза. Сейчас бы поспать часиков восемь. Ага, размечтался. Когда это женщины дают мужикам поспать после любви? Дамам хочется поговорить. Не стала исключением и Альдона.

— Селезнев! — меня активно тормошат. Приходится открыть глаза и сделать внимательное лицо.

— Нам надо серьезно поговорить!

Началось.

— О чем, любовь моя?

— Мне почти 23.

— И?

— И я хочу ребенка.

Приехали…

Я сел на кровати, замотался одеялом. Альдона обняла меня сзади за плечи.

— Ты, Витя, совершенно не семейный человек. Так и будешь бе-егать за каждой юбкой.

В голосе девушки послышался прибалтийский акцент. Волнуется.

— Ложь и инсинуации — на автомате ответил я.

— Сейчас мне самое время родить. Пока ты опять не сбе-ежал с какой-нибудь очередной итальянкой.

— Там все сложнее было, чем в газетах писали — я скинул руки девушки с плеч, встал и начал одеваться — Можешь у отца узнать.

— Подожди! — Альдона схватила за одну из штанин джинсов — Ну прости, я не хотела. Останься!

Я в раздражении отбрасываю джинсы прочь. Сажусь на кровать.

— Ну как ты себе это представляешь? Раз и появился ребенок?

«Милый сделай мне монтаж». Хотел было пошутить фразой из фильма «Человек с бульвара капуцинов», но понял, что он еще не снят.

— Не раз, не два, но да, хочу побыстрее. А пока буду в декрете — меня заменит Саша Валк. Я уже договорилась.

— ЧТО?!?

Опять вскакиваю, сжимаю кулаки. Врезать бы этой чертовке, да ведь она мне так ответит — мама не горюй.

— Кто тебе разрешил вести такие разговоры с сотрудниками студии?!?

— Ну я не так, чтобы впрямую… — зачастила Альдона — Ты же уже прослушивал ее, она подходит, разве нет? Потом Сашин отец — старый друг моего папы. Он не просто так предложил ее тебе.

Ага, не предложил, а подложил…

— Алечка — я спрятал гнев и решил сменить стратегию — Ну, подумай сама. Какой ребенок? У нас весь год расписан гастролями. После Японии — США, Италия, куча заявок из Латинской Америки. Валк тебя не заменит. Она не знает репертуар, ее не знают в мире. Гор будет против, Щелоков тоже. А об Александре ты подумала? Родишь, вернешься из декрета и что? Ее обратно на улицу?

В таких разговорах главное не сдавать позиции и пускать в ход любые аргументы. Однажды дав слабину — уже не объяснишь женщине, что передумал. Не поймет.

Альдона задумалась. Тяжело вздохнула.

— Я обещаю тебе! Все будет. Просто дай мне время. Даже не мне. Дай нам всем время. Я стану совершеннолетним, мы раскрутимся по всему миру, застолбим позиции. И пожалуйста, рожай хоть трех.

— Трех не хочу — засмеялась девушка — Двух будет достаточно. Мальчик и девочка.

Я мысленно перевел дух. Похоже, молния ударила рядом. Какая же все-таки Альдона… необычная. Никакая она не «Снежная королева». Это лишь маска для других. Я же ее вижу настоящей — живой, полной сил, цельной. Ставит цель и идет к ней.

Глава 6

Суббота начинается с утренней пробежки. Мы с Альдоной мчимся по набережной канала реки Химка так быстро, что охрана еле успевает за нами. Только после грозного окрика Вячеслава мы сбавляем темп. Вокруг пустынно, солнце только-только показало свой край над деревьями. После пробежки следует растяжка на спортивной площадке и имитация спарринга. Телохранители с интересом смотрят на пируэты Альдоны — ее удары ногами, конечно, выглядят очень эффектно.

После душа и завтрака, я звоню домой. Леха уже вернулся. Вчера вечером я его отпустил в свободное плавание и «корабль» уплыл к… Свете!

— Тебе же Львова нравится?! — удивляюсь я «мамонту», когда тот заезжает за мной к Веверсам. Леха задумчиво крутит руль и внимательно держит дистанцию перед впереди идущим автомобилем.

— Светка тоже классная. У Львовой — пацаны. Ну, какой из меня отец? Позавчера был у Тани в гостях. Она забрала парней с дачи, занималась с ними, потом пошла готовить. Попросила меня уроки у них проверить.

— Какие уроки? — удивился я — Каникулы же.

— Им на каникулы задали внеклассное чтение. Марка Твена «Приключения Тома Сойера» они еще осилили, а вот Васильева…

— «А зори здесь тихие?»

— Точно. Сидел с ними, читал…

Понятно. Лехе движухи хочется, а не с чужими детьми нянчиться. Со Светкой они бы в ресторан сходили или на танцы. Даже просто погулять по парку Горького.

Так за разговорами мы приезжаем в Кунцево. После небольшой проверки документов, нас пускают на территорию ЦКБ и мы подруливаем к 3-му, элитному корпусу. Поднимаемся на 4-й этаж. Психоневрологическое отделение. Абсолютно пустое. Приходится подождать дежурного врача, который не горит желанием нас пускать к Брежневой. Но после моего звонка Чурбанову все быстро разрешается.

Галина Леонидовна похудела, постройнела, выглядит живой и активной. Обнимает меня. Разворачивает подарки — женскую сумочку из Австрии и французские духи.

— Спасибо, Витюш — меня целуют в щеку — Но право дело не стоило.

Я замечаю на тумбочке Библию. Брежнева ловит мой взгляд, вздыхает:

— Все это суета сует — сумочка летит на кровать, Галина Леонидовна берет книгу — Ты читал Евангелие?

— Э… читал — я даже не знаю как реагировать. Библию я, конечно, изучал. Но в своей «прошлой» жизни.

— Какой ты молодец! — Брежнева открывает книгу, зачитывает мне из Екклесиаста — Суета сует — всё суета! Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем.

Неожиданно для себя, я уловил настрой Брежневой и процитировал Хайяма:

Ничтожен мир, и все — ничтожно,
Что в жалком мире ты познал.
Что слышал — суетно и ложно,
И тщетно все, что ты сказал.

Ты мыслил в хижине смиренной.
О чем? К чему? — Ничтожно все.
Ты обошел концы Вселенной,
Но все пред Вечностью — ничто.

— Ой как верно сказано! — Галина Леонидовна погладила меня по голове как маленького — Кто эти стихи сочинил?

— Один персидский философ и поэт. Омар Хайям.

— Жалко у нас сейчас таких мудрецов нет — тяжело вздохнула Брежнева, подходя к окну. Солнце с небосклона пропало, ветер натащил тяжелых, серых туч.

— Почему же нет — я все больше удивляюсь сам себе — Сейчас в православии — киваю на Библию в руках женщины — Есть несколько мощных мыслителей.

— И кто же? — Брежнева явно заинтересовалась.

— Например, Александр Мень. Я недавно с ним даже имел беседу.

— Ты? С православным батюшкой??

— С диаконом — уточнил я — Столкнулись с ним на антирелигиозной выставке в Манеже. Очень умный человек, хотя и заблуждающийся.

— А ты, Витя, крещеный? — вдруг спросила Брежнева.

— Нет. Это важно?

— Важно! — с жаром ответила женщина — Если ты крещен, то у тебя есть ангел-хранитель! Он оберегает тебя по жизни. Я вот

тоже не крещеная, сколько бед со мной случилось без ангела!

Какая же каша в голове у дочки Брежнева. Я оглядываю палату. Кровать, шкаф, импортный телевизор. На подоконнике завядший букет роз в фарфоровой вазе. Не похоже, что Чурбанов балует жену визитами. С другой стороны, он министр, занятой человек. Как же все сложно…

— Хотите я познакомлю вас с Менем?

Очень сомневаюсь, что он запомнил наш разговор в Манеже, но почему бы не попробовать? Все Брежневой будет не так одиноко.

— Хочу!

— Я все устрою — кивнул на Библию — Будет с кем обсудить Евангелие и Екклесиаста.

Попрощавшись с Брежневой и пообещав ей заглядывать, я отправляюсь в Кремль. Пора уже пообщаться с Романовым.

* * *

Сходу переговорить с Романовым не получилось. В его приемной — столпотворение. Человек двадцать мужчин в строгих, аппаратных костюмах — среднего возраста и пожилые, русские, армяне, еще каких-то национальностей оживленно спорили на повышенных тонах. Я узнаю Щербицкого — главу Украинской ССР и Кунаева — первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР. Они входят в Политбюро и их фотографии висят в общем списке в любом официальном учреждении. Даже у нас в школе.

— …означает денонсацию союзного договор от 22-го года и изменения 3-го раздела Конституции — плюгавый мужчина в красном галстуке рубил рукой и хватал за рукав своего узкоглазого оппонента азиатской внешности. Тот отвечал не менее эмоционально:

— Дэнонсировать Союзный Договор 1922 года нэвозможно. Процедура дэнонсации применима только если она прямо прописана в Договоре. Такой статьи там нэт!

— Это что же?? Придется менять название страны? — Щербицкий собрал вокруг себя целый кружок из озабоченных мужчин — Нет республик, нет их Союза… А с ООН что делать? Туда входит и Белорусская ССР, и Украинская! Мы должны сказать решительное нет всей этой авантюре!

Кунаев мрачно смотрел под ноги. В его лакированных туфлях отражалась вся приемная Романова.

Секретарь тем временем незаметной мышкой скользнул в

кабинет к шефу и оттуда выглянул Пельше. Раздраженно посмотрел на меня, на мужчин в приемной. Потом все-так поманил пальцем:

— Зачем приехал? Видишь, не до тебя сейчас.

Мы зашли в кабинет, где Романов быстро подписывал какие-то документы, которые подсовывал ему секретарь. Коротко глянул на меня:

— Арвид Янович, что там у Селезнева?

— Вот, статью привез — я протянул Пельше несколько листков бумаги — Жулебин должен был предупредить насчет Комсомолки.

— Витя, какая Комсомолка?? — латыш грозно на меня посмотрел — Ты не видишь, что творится?

— Что?

— У нас тут бунт первых секретарей. Слетелось воронье. Только «голоса» вякнули о ликвидации республик, тут же началось…

— Арвид Янович — Романов устало откинулся в кресле, отпустил махом рукой секретаря — Ну какой бунт? Люди волнуются, их можно понять. Сейчас соберем всех и еще раз объясним политику Партии. Решать все-равно будет внеочередной Съезд. Проголосуют делегаты против — останется все как есть.

— А что, могут и провалить голосование? — осторожно поинтересовался я.

— Могут — мрачный Пельше уселся в кресло за переговорным столом Романова, начал проглядывать статью.

— Вторые, третьи секретари, представители автономных республик — все за нас — вздохнул Романов, покосившись на дверь — Их статус то повышается и они в большинстве. Республиканские элиты, конечно, против. Особенное украинцы. А их очень много в ЦК.

— На Съезде будет бойня — резюмировал Пельше, что-то чиркая в статье — В принципе годится, вот мои правки. Григорий Васильевич, будешь смотреть?

— Некогда. В целом как?

— Бойко! Ответил Суслову что надо.

— Ну вот и ладненько. Редактору Космомолки сами позвоните, хорошо? И запускайте секретарей!

Тихонько, бочком, вслед за Пельше я начал двигаться к двери кабинета Генсека. Хотя очень хотелось бы послушать разговор. Исторический ведь момент.

Я уже практически вышел, когда меня настиг возглас Романова:

— Подожди!

Генеральный встал, потянулся. Подошел ко мне, плотно прикрыл дверь за Пельше.

— Ты вот что, Витя… — Генсек замялся — В Москву Люда приехала. Сейчас совсем это все не кстати, сам видишь, что творится. Ты можешь ей позаниматься? Сводить куда-нибудь на выходных, потом в студии песни порепетировать. Ведь обещал новые песни? Обещал.

Я обреченно киваю. У меня Япония на носу, бюджет Чурбанову по Абба (даже не приступал), Лещенко с меня не слезает — а тут еще Сенчину выгуливать. И ведь не откажешься.

— Короче займись ею. Она в Национале сейчас. Я на тебя надеюсь!

— Хорошо. Григорий Васильевич, а как все в Вене закончилось?

— Лучше, чем я надеялся. Получили все, что только можно. И по носителям, и крылатым ракетам. По базам в Европе тоже разговор был. Только боюсь — Романов вздыхает — Не ратифицируют они все в Конгрессе у себя. Слишком много оружейное лобби теряет.

Дверь открылась и внутрь стали заходить первые секретари. Я посторонился, пожал руку Роману и после того, как все «загрузились», наконец, вышел прочь. Вдохнул полной грудью, выдохнул. Секретарь сочувствующе посмотрел на меня, предложил чаю.

— Нет, спасибо. Надо работать.

Зашел к себе в кабинет, полистал новую порцию инструкций, писем… Настроения не было. Больше всего меня мучил вопрос с музыкой для Пиратов 20-го века. Пообещал Говорухину и… по нулям. А он мне и Шахназарова порекомендовал и отснял Альдону в фильме. Нет, надо ехать в Ясенево и садиться за айфон. А Сенчина… Сенчина подождет.

Я достал справочник, нашел номер Националя. Созвонился с певицей. Людмила была рада меня слышать, легко согласилась поужинать в ресторане гостиницы. Тут же по вертушке я набрал директору — забронировал столик. О, великое телефонное право! Возношу тебе хвалу.

Наконец, звоню Веверсу. Даже не сомневался, что «железный латыш» на работе. Напросился в гости.

— Приезжай, но у тебя будет всего час — отрезал генерал — Потом я еду в Кремль.

Ага, ясно. Наверняка поедет с автоматчиками «Зенита» — из отряда спецназначения ПГУ. Только-только создан для действий на территории противника в угрожаемый период. А кто сказал,

что бунт первых секретарей не угрожаемый период? Да они ради удержания собственной власти готовы снести страну нахрен. Вот Пельше и подстраховывается. Или это я себя накрутил?

Домчались до Ясенево за полчаса. Думаю, Леха поставил рекорд скорости в Москве на Мерседесе.

Перекинувшись парой слов с генералом и рассказав тому о встрече с Романовым, сажусь за айфон. Час мучаю девайс на предмет музыки. Еще раз слушаю темы из Пиратов карибского моря, Полицейского из Беверли Хилс, мелодию Титаника… Все не то. Либо заунывное, либо слишком «электронное» или слишком бравурное…

Веверс с кем-то созванивается и уже раздраженно посматривает на часы. Я начинаю нервничать. Генерал, видя мои мучения, внезапно произносит:

— А ты не хочешь попробовать музыку из программы Время?

— «Время вперед» уже десять лет, как написано Свиридовым — огрызнулся я, тыкая в айфон.

— Зачем «Время вперед»? Из будущей программы Время.

Веверс меня уел. Сделал одной левой. Я открываю Яндекс и нахожу последнюю передачу, перед моим «отбытием». И сразу понимаю, что мелодия то что надо! Заставка к программе Время написана композитором Сергеем Чекрыжовым. Который Чекрыжов сейчас ходит еще в школу. И мелодия отличная! Быстрая, напряженная, тревожная… Колокола вначале составляют некоторую проблему — на наших примитивных синтезаторов таких звуков еще нет. Но где-нибудь в Московской филармонии мы эти колокола обязательно найдем.

Я с благодарностью смотрю на словно высеченное из гранита лицо генерала. Спас. Просто спас меня.

— Спасибо, Имант Янович, с меня причитается.

Быстро переношу ноты в тетрадь, включаю на айфоне заставку и записываю мелодию на магнитофон Веверса. Если Дуров с Говорухиным будут докапываться с каким оркестром записал — сошлюсь на венскую оперу.

— Само собой, куда ты денешься — усмехается генерал — Ну, что все? Поехали?

— Еще одну минутку — я рискую вызвать бурю на свою голову, быстро листаю плей-лист самых популярных женских песен 80-х. Надо подобрать что-то Сенчиной. Нежное и лиричное.

В ту же тетрадь я списываю слова и музыку пары песен, прячу ее вместе с кассетой во внутренний карман пиджака. Спускаемся с Веверсом во внутренний двор. Тут уже в автобусы грузится примерно взвод вооруженных автоматами людей. Их ведомственную принадлежность я определить затрудняюсь — на

камуфляже нет ни погон, ни знаков различия. Точно, «Зенит».

— Имант Янович, у вас же есть дивизия Дзержинского?? — удивляюсь я тихонько.

— У нас — Веверс выделяет местоимение — Ее нет. Там человек Бобкова сидит.

— Я насчитал всего сорок человек — киваю на автобус — Разве этого хватит?

— На первых секретарей? — улыбается генерал — Более чем достаточно. Да и не дойдет до этого. Арвид Янович просто страхуется.

Генерал машет мне рукой, садится вместе со всем в автобус. Я с щемящим чувством провожаю пгушников взглядом.

Конец 1 части.

Дорогие читатели! На этом я беру паузу. Как долго она продлится и когда я приступлю ко 2-й части — сказать не могу. Дело в том, что РБ отнимает много времени и сил, страдают мои другие проекты и работа. Надеюсь на понимание.